ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 30 (4420)

25 июля 1973 г. СРЕДА

Сергей МИХАЛКОВ

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

НАШ ДРУГ ШКОЛА

ВНИМАНИЕ советских людей — можно без преувеличения сказать: всех! — было приковано на прошлой неделе к работе очередной сессии Верховного Совета СССР. На повестку дня высшего законодательного органа страны были вынесены вопросы, кровно касающиеся каждого из нас. Прежде всего это обсуждение и утверждение Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании. Впервые в едином правовом акте закреплены важнейшие положения об общем среднем, профессионально-техническом, среднем специальном и высшем образовании, дошкольном и внешкольном воспитании.

«Великое дело — строительство коммунизма невозможно двигать вперед без всестороннего развития самого человека», — говорил на XXIV съезде партии Леонид Ильич Брежнев.

Считая своим главным долгом заботу о благе человека, стремясь сочетать успехи научно-технической революции и преимущества социалистического строя, неуклонно проводя мирный внешнеполитический курс, Коммунистическая партия не просто провозгласила, но и реально обеспечила всенародное, подлинно демократическое образование. Каждый третий гражданин СССР учится. Полвека назад — первые ликбезы, сегодня — завершение перехода ко всеобщему среднему.

В новом законе закреплены важнейшие принципы народного образования в СССР: равенство всех граждан в получении образования, свобода выбора языка обучения, единство обучения и коммунистического воспитания; сотрудничество семьи, школы и общественности в воспитании юношества; связь обучения и воспитания с жизнью, с практикой коммунистического строительства; научный характер образования и его постоянное совершенствование на основе новейших достижений науки и техники, культуры и искусства; гуманистический и высоконравственный характер образования. Высокие принципы, достойные цели! Помочь школе в реализации этих принципов должны все общество, весь народ, и не в последнюю очередь — мы, писатели.

Давняя дружба, тесные узы связывают советскую школу и советскую литературу. Труд учителя-воспитателя сродни нашему писательскому труду. Педагог и писатель стоят у истоков формирования высокоидейной, высокообразованной, высоконравственной личности — у истоков будущего. Вот почему такое почетное место занимают школа в литературе и литература в школе.

Интересными, содержательными были выступления на сессии писателей депутатов Верховного Совета СССР: Ч. Айтматова, Р. Г. Гамзатова, Н. Л. Яркаева. Предложения, высказанные ими с высокой трибуны, отмечены и чувством большой любви к школе, к детям, и глубоким пониманием назревших проблем обучения и воспитания подрастающего поколения.

Школа, как отмечалось на сессии Верховного Совета, должна «прививать молодежи жажду к художественной литературе», повышать качество ее преподавания, совершенствовать этическое и эстетическое воспитание учащихся. Долг писателей — активно и непосредственно участвовать в пропаганде литературного наследия, в поднятии авторитета художественного слова.

Созданная год назад Комиссия Союза писателей СССР по изучению вопросов преподавания литературы в школе уже обсудила на своих заседаниях книги для чтения в начальной школе, экспериментальные учебники по литературе для десятых классов, литературоведческие книги, адресованные учителю-словеснику. Мы готовимся обсудить учебники по литературе для остальных классов, а также издания серии «Библиотека школьника». Мы считаем, что писатели и критики способны помочь издателям не только своими замечаниями и рекомендациями, но и войти в авторские коллективы по созданию учебников, которых так ждет сегодняшняя школа.

Высокую миссию в коммунистическом воспитании юных граждан осуществляет детский «цех» нашей литературы. О его дальнейшем развитии Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР приняли, как известно, специальное постановление. О книгах и журналах для детей шла речь на сессии Верховного Совета СССР. Высказывалась озабоченность уровнем содержания и полиграфического исполнения части издаваемых книг.

Издательство «Детская литература» должно иметь достаточно возможностей и оборотных средств, чтобы заранее планировать и готовить интересные и красочные книжки, заказывать их талантливым писателям и художникам. Бумажная индустрия страны призвана обеспечить детскую литературу лучшими сортами бумаги и картона. Всем надо крепко помнить, что книга для ребенка — праздник, и этот праздник ничто не должно омрачать.

Культурная революция в нашей стране, явившаяся неотъемлемой частью социалистических преобразований, последовательное осуществление ленинского завета молодежи, всему народу — учиться, учиться коммунизму, весь уклад нашей действительности дали советской литературе то, без чего она не могла бы расти и развиваться: благодарного и взыскательного читателя. Работать для такой аудитории, помогать партии в дальнейшем просвещении народа, в коммунистическом воспитании строителей коммунизма — высокая честь для советского писателя. Высокая честь и высокая ответственность.

Москва. Юбилейный вечер в Академическом театре имени Моссовета.

Фото С. СУББОТИНА

МЫ СОБРАЛИСЬ в столице нашей Родины — прекрасной Москве, чтобы участвовать в замечательном поэтическом празднике — в восьмидесятилетии со дня рождения великого поэта, пламенного певца Октябрьской революции Владимира Владимировича Маяковского.

Владимир Маяковский явился первым поэтом эпохи, первым поэтом мирового пролетариата, так как он, оставаясь русским поэтом, сильней всех других поэтов сумел рассказать миру о пролетарской революции и первом пролетарском государстве, сумел свой стих перенести далеко за пределы Советского Союза. Голос его стал слышен во всех уголках мира.

Маяковский сегодня, как никогда, предстает перед нами во всем блеске, во всей силе своего немеркнущего таланта. Десятилетия, прошедшие со дня рождения его громокипящих стихов, сняли с него все наносное, все второстепенное и еще более подчеркнули его значение, осветили новым светом его коммунистическую идейность, его глубочайшее чувство патриотизма, его убежденный интернационализм.

Творчество Маяковского давно стало нашим народным достоянием. Со школьных лет его стих знаком советскому человеку. И в дни мира, и в дни войны он, этот стих, звучал как доказательство исторического значения поэтического подвига Маяковского. Он, как никто другой, выразил эпоху великих преобразований Октябрьской революции. Его произведения отличает органическое соединение беспредельной творческой энергии, революционной страсти, неповторимого таланта, высокой идейности, социальной устремленности, духа изобретательства и новаторства, горячего патриотизма, ненависти к врагам революции и ко всем темным силам прошлого, интернациональной широты, лиричности и пафоса, сатиры и трагизма.

Центральным событием торжеств, посвященных 80-летию со дня рождения В. В. Маяковского, стал юбилейный вечер в Академическом театре имени Моссовета, состоявшийся 19 июля.

Здесь собрались известные советские писатели, деятели науки и культуры, рабочие столичных предприятий, представители общественности, зарубежные гости. На вечере присутствовали товарищи К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев.

Вступительное слово сделал секретарь правления Союза писателей СССР Герой Социалистического Труда Н. С. Тихонов.

Слово о Маяковском произнес секретарь правления Союза писателей СССР С. С. Наровчатов.

Николай ТИХОНОВ

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ОКТЯБРЯ

Он имел право в силу этого говорить для миллионов людей, от имени миллионов утверждать, он имел право, как никто из поэтов, говорить о будущем. Он прошел свой сложный поэтический путь без страха и упрека. Неискренность и Маяковский — понятия несовместимые.

Свой многолетний, начатый еще в юности, славный труд поэта, все свои творческие силы он отдавал великому делу строительства коммунизма. Маяковский ввел широчайшую современность, со всей сложностью политических и бытовых явлений, в поэзию. Современный человек, гражданин и поэт неразрывно действовали в этих произведениях самого разного содержания и жанра, завостряя их в одном направлении — в борьбе за коммунистическое будущее нового человека.

Он не закрывал достижений классической поэзии. Он открывал новые возможности, новые горизонты. Веря в будущее всем сердцем, он был уверен, что его стих «громаду лет прорвет» и явится перед потомками во всеоружии, потому что он рожден трудом мастера, нашедшего бессмертное воплощение слов, ритмов, рифм в своем стихе, который не может поколебать время.

Он создал новую ритмику, новую службу рифмы, новую систему строф — смысловому ударению придал особую силу, дополнив ее богатой, многообразной интонацией.

Политика и поэзия, народность и партийность были в его творчестве главными движущими силами, неотделимыми друг от друга.

«И песня, и стих — это бомба и знамя», — восклицал Маяковский. Всю жизнь поэт прошел под славным знаменем партии, под знаменем Владимира Ильича Ленина, которому посвящена лучшая его поэма, написанная кровью сердца.

Творцы социалистической действительности — герои его произведений. Он славит людей, созидающих новые города и заводы, призывает к укреплению колхозов, к борьбе за высокий урожай. Он воспевает мощь Красной Армии. Ненавидя все старое, он выступает в своей сатире против всего темного, болезненного, гнетущего, что оставлено старым строем, не пренебрегая никакой мелочью, если она мешает строительству нового.

Певец молодости, в которую он верит, как в исполинскую действенную силу, главную силу в деле построения коммунизма, поддерживает с этой чудесной молодежью постоянную связь, постоянно обращаясь к ней со своими зажигающими души стихами. Бывая во многих городах Советского Союза, он в первую голову общается с молодежью, со студенческой и рабочей.

Его стихи — «все сто томов» его «партийных книжек» — это целая энциклопедия тем, больших и малых, вызывающих то гнев поэта, то восхищение, то удовлетворенность виденным, то улыбку и иронию. И как итог виденного и достигнутого, поэт в десятилетие Октября провозглашает:

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

Оптимизм поэта подкреплен всей правдой жизни, всеми великими достижениями советских людей, выполняющих на необъятных просторах Родины планы, проводимые в жизнь неуклонной энергией ленинской партии.

Сегодня мы знаем, что поэты всех национальностей Советского Союза так или иначе испытали на себе благотворное влияние поэзии Маяковского. Это началось при жизни поэта или немного позже, но это явление сегодня ощущается, как и в те далекие годы.

В том, что иные поэты нашего времени достигли больших успехов, развивая классические формы старой русской поэзии, следуя их великим традициям, и тоже одержали в этом направлении победы, скажем, в создании современной песни или большого лирического повествования в народном духе, мы видим только подтверждение формулы Маяковского: «Больше поэтов хороших и разных».

● ОКОНЧАНИЕ НА 3-Й СТР.

ЛАУРЕАТЫ VIII МОСКОВСКОГО...

В понедельник, 23 июля, завершил свою программу Восьмой международный кинофестиваль в Москве, ставший крупнейшим смотром творческих достижений современной кинематографии.

Жюри конкурса полнометражных художественных фильмов присудило ЗОЛОТЫЕ призы:

фильму «Это сладкое слово — свобода!» (СССР).

режиссеру Стенли Крамеру (США) (фильм «Онлахома, как она есть») — за последовательное претворение темы гуманизма в киноискусстве,

фильму «Любовь» (Народная Республика Болгария).

Специальные призы жюри присуждены:

фильму «Убийство Маттеотти» (Италия) — за яркое воплощение политической темы,

фильму «Сутеска» (Социалистическая Федеративная Республика Югославия) — за разработку темы антифашистской борьбы,

фильму «Те годы» (Венгрия) — за разработку темы национально-освободительной борьбы.

СЕРЕБРЯНЫЕ призы присуждены:

фильму «Коперник» (Польская Народная Республика),

фильму «Похищение» (Франция),

фильму «Фотография» (Венгерская Народная Республика).

За лучшее исполнение женской роли призы присуждены:

актрисе Ча Жанг в фильме «17-я параллель: дни и ночи» (Демократическая Республика Вьетнам),

актрисе Ингрид Вардунд в фильме «Свадьба Лины» (Норвегия).

Призы за лучшее исполнение мужской роли присуждены:

актеру Серхио Корбьери в фильме «Человек из Майсинину» (Республика Куба),

актеру Рамазу Чхиквадзе в фильме «Саженцы» (СССР).

Жюри присудило свои дипломы фильмам «Дни предательства» (Чехословацкая Социалистическая Республика), «Дом, милый дом» (Бельгия), «Саженцы» (СССР), «Тунг-бунн» (Сенегал), «Взрыв» (Социалистическая Республика Румыния).

Союз писателей СССР наградил почетным дипломом советского сценариста Судзино Жгенти.

На торжественном закрытии фестиваля были оглашены также победители конкурса короткометражных и конкурса детских и юношеских фильмов.

Литературный праздник в Тобольске

На тюменском камвольном комбинате

Фото И. КОЧНЕВА

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

ЗЕМЛЯ, ДАРЯЩАЯ ТЕПЛО

В четвертый раз на тюменской земле проходят Дни советской литературы. Из Москвы, Ленинграда, многих союзных и автономных республик, из семи социалистических стран съехались сюда поэты, прозаики, драматурги.

«Холодная земля, дарящая людям тепло»,—так говорят о Тюменщине, крае сказочных богатств, к трудовым делам которого приковано ныне внимание всего народа.

Писательская делегация встретилась с партийными и советскими руководителями области. Секретарь Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомяков в беседе с литераторами привел факты и цифры, которые поражают даже тех, кому знаком сибирский размах.

В нынешнем, третьем, решающем году пятилетки по среднесуточной добыче нефти Тюменская область выйдет на первое место среди нефтедобывающих районов страны. А в будущем, 1974-м, когда исполнится десятилетие «большой сибирской нефти», годовая добыча превзойдет 100 миллионов тонн (это в пять раз больше, чем ныне дает Баку).

И еще цифры: в Ямале, в этом гигантском газовом резервуаре, разведано 1,4 триллиона кубометров газа. Одно Уренгойское месторождение может снабжать газом такой город, как Ленинград, в течение... тысячи лет.

● ОКОНЧАНИЕ НА 3-Й СТР.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Воронина С. А. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Воронина Сергея Алексеевича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
20 июля 1973 г.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Фейгина Э. А. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы наградить писателя Фейгина Эммануила Абрамовича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
20 июля 1973 г.

На снимке военного корреспондента Я. Рюмкина — один из эпизодов битвы на Курской дуге... Сегодня «железная земля» вновь входит в историю великим подвигом труда.

см. стр. 10

ВАРШАВА
СОЮЗ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие друзья!

По случаю национального праздника польского народа — 29-й годовщины возрождения Польши — шлем вам, писателям братской Польши, наши искренние поздравления.

Польскими писателями создано немало значительных произведений, всесторонне исследующих характеры и судьбы героя-современника, свидетельствующих о все более тесной связи литературы с жизнью народа, о все более активном участии писателей в руководимом ПОРП процессе социалистических преобразований в стране.

Желаем вам дальнейших творческих успехов в вашей творческой деятельности, направленной на благо польского народа, служащей великому делу социализма и дружбы наших литератур, наших народов.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГАВАНА
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ И ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КУБА

Дорогие друзья!

В день знаменательной даты — 20-летия штурма казармы Монкада, — отмечающей событие, явившееся вехой в истории героической борьбы кубинского народа за право строить свободную и счастливую жизнь, советские писатели шлют вам свои самые горячие поздравления. Кубинская литература, верная славным традициям Хосе Марти, всегда несла в мир пламя прогрессивных идей, и в творчестве современных кубинских писателей этот огонь разгорается все ярче, ибо его питают героизм и трудовой энтузиазм кубинцев, о которых вы уже сложили песни, написали поэмы, романы, рассказы. Особое значение приобретает подвиг тех, кто двадцать лет назад шел на штурм казармы Монкада, сегодня, когда свободная Куба строит социализм. И мы знаем, что среди этих строителей почетное место занимаете вы, кубинские писатели. Желаем вам, дорогие коллеги, новых творческих успехов на славном поприще социалистической литературы, доброго здоровья, новых прекрасных произведений.

Да здравствует дружба, традиционно связывающая наши народы и наши литературы!

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СЛОВО О МАЯКОВСКОМ

Сергей НАРОВЧАТОВ

ИДЕТ ТРЕТИЙ, решающий год девятой пятилетки. На великих стройках, заводах и фабриках, колхозных и совхозных полях самоотверженно работают советские люди. И над фронтом их созидательного труда гремит воодушевляющий голос:

Я
планов наших
люблю громадье,
размаха
шаги саженьи.

Сажеными шагами идет Маяковский по Стране Советов. Рабочие Москвы и Ленинграда, доменщики Урала, шахтеры Донбасса и Кузбасса слышат грохотанье его баса:

Энтузиазм,
разрастайся и длись
фабричным
сиянием радужным.
Сейчас
подымается социализм
живым,
настоящим,
правдошним.

Трактористы и механизаторы, землеробы и хлопкоробы необъятной колхозной и совхозной земли слышат его стих-лозунг:

Добьемся урожая мы —
втройне,
земля,
рожай!
Пожалте,
уважаемый
товарищ урожай!

И победоносным утверждением звучат его слова, обращенные ко всему нашему народу:

главное в нас —
это наша
Страна Советов,
советская стройка,
советское знамя,
советское солнце.

Так, «живой с живыми говоря», идет по ленинской стране ее великий поэт. Идеи революционного, социалистического и коммунистического общества пронизывали творчество Маяковского. И так как мы сами плоть от плоти этого общества, его вдохновенная поэтизация становится частью нашего сердца. Маяковский поэтизировал революцию, социализм, коммунизм, и живой памятник, воздвигнутый ему в народном сознании, величественнее памятников из гранита и бронзы.

Великая Октябрьская революция, построение социализма, всенародное движение к коммунизму немыслимы без направляющей силы ленинской партии. Поэтическое восславление Ленина и ленинизма стало духовной основой творчества выдающегося поэта. Советский народ привык говорить о партии словами Маяковского:

Партия —
бессмертие нашего дела.

Поэзия Маяковского стала неотъемлемой частью отечественной культуры. Служение революции, партии, народу явилось главным жизненным принципом великого поэта. Пламенная наступательная пропаганда коммунизма пронизывает все его творчество. Литература и искусство Страны Советов идут по пути, которым шел Маяковский. Этот путь — прямой, решительный, безоговорочный — целиком признан и одобрен советским народом.

Интернационалистическая поэзия Маяковского стала во главе всей революционной и прогрессивной поэзии мира. Стих пролетарского поэта, в котором «голос певца подымает класс», явился боевым оружием в руках трудящихся нашей планеты. Это стало возможным, потому что основной чертой творчества Маяковского стал ленинизм. Подчеркнем простую, но важную мысль: передовое искусство, соединенное с передовой идеей, — вот что составляет суть поэзии Владимира Маяковского.

Передовое искусство! Он сам был его провозвестником, творцом, воплощением! Нет сейчас ни одного поэта на земле, кто опередил Маяковского. Он безгранично расширил и углубил выразительные возможности стиха. Рифма, ритм, образ были слиты в его строке так, что сообщали ей многократную нацеленную силу. Он не приземлял поэзию, но возвышал до нее лозунг, агитку, рекламу. Огромные задачи, стоящие перед новой литературой, Маяковский всегда, везде, всюду решал средствами поэзии. Его действенным и безотказным оружием был стих — эпический и лирический, трагический и сатирический, — и владел он им с виртуозным умением.

Маяковский был человеком единой страсти, и эта страсть была — коммунизм. Она овладела всем его человеческим и художническим естеством. Насытив собой гениальную поэзию, она создала неповторимое явление, которое мы называем — Владимир Маяковский.

***

Каким был путь Маяковского к всенародному признанию, к полной слиянности с судьбами страны, к нерасторжимому единству с ленинской партией? Попробуем вглядеться в начальную пору его жизни. «Я — поэт. Этим и интересен», — писал сам о себе Маяковский, и мы последуем его словам, определяя воздействие событий и обстоятельств на развитие его могучего дарования.

Владимир Владимирович Маяковский родился в 1893 году в грузинском селе Багдади, где его отец служил лесничим.

Рождение Маяковского совпало с началом ленинского этапа в развитии марксизма. Надвигается пора народных бурь и потрясений, молодой Ульянов становится во главе революционного движения в России. Двенадцатилетним мальчиком Маяковский читает взрывчатые листовки 1905 года. В них запоминаются стихотворные строки. Потом поэт заметит: «Стихи и революция как-то объединились в голове». Это очень примечательный факт. Уже в раннем сознании художника становятся слитными два великих понятия, определившие весь его дальнейший путь. Поэзия и революция! — навсегда они сольются в жизни и творчестве Маяковского.

Первая русская революция, расстрелянная самодержавием, захлебывается в крови. Но искры от ее пламени, попав в сердце Маяковского, уже никогда не угаснут, разгораясь все шире и ярче. После смерти отца семья переезжает в Москву, и будущий поэт вскоре становится большевиком. В 1908 году ему всего пятнадцать лет, и по теперешним меркам он должен был стать комсомольцем. Но тогда комсомола не существовало, а в условиях революционного подполья возрастных градаций не придерживались. Если юноша был достаточно возмужавшим, чтобы понимать цели борьбы и нести вытекающие отсюда обязанности, его признавали взрослым. Перед вступлением в партию Маяковский усиленно занимается политическим самообразованием. «Нет произведения искусства, — пишет он, — которым бы я увлекся более, чем «Предисловием» Маркса... Помню отчетливо синенькую ленинскую «Две тактики». Нравилось, что книга срезана до букв. Для нелегального просовывания. Эстетика максимальной экономии». Обратите внимание, как всюду в высказываниях Маяковского выявляется его художническая сущность. Одно упоминание об эстетике в применении к срезанной до букв ленинской книге многого стоит!

Молодой большевик, он делит все успехи и невзгоды революционного подполья. Работает пропагандистом среди рабочих, трижды арестовывается, одиннадцать месяцев сидит в Бутырках. Эта ранняя школа большевистского воспитания оставила глубокий след в сознании поэта, он много раз вспоминал о ней в стихах и поэмах, речах и выступлениях.

Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни...

Не нужно преувеличивать революционные заслуги шестнадцатилетнего подпольщика, но было бы неверным расценивать такое начало биографии как случайный эпизод. Большевистское подполье дало ему сильную политическую зарядку, сказавшуюся через многие годы. Марксистско-ленинские формулы, усвоенные им из нелегальных изданий, врезались в память поэта неизгладимо, язык революции стал языком Маяковского с самых ранних лет.

Вскоре после выхода Маяковского из тюрьмы появляются его первые стихи, обратившие внимание читателей яростной антибуржуазной направленностью. В эти годы он объявляет себя футуристом. Футуризм для Маяковского оказался одеждой не по росту. Гениальные поэты сбрасывают с плеч обременительные одеяния и, перешагнув через литературные течения, становятся просто гениальными поэтами. Нет символиста Блока, есть великий поэт Александр Блок. Нет имажиниста Есенина, есть великий поэт Сергей Есенин. Нет футуриста Маяковского — есть великий поэт Владимир Маяковский.

Вершиной дореволюционного творчества великого поэта становится «Облако в штанах», гениальная поэма, в которой, по словам самого Маяковского, «выкрепло сознание близкой революции». Лишь на один год ошибается поэт в своем замечательном предвещании:

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

Маяковский объявляет себя его «предтечей». И здесь, в этой поэме, мы видим, как начинает формироваться в нем сознание своего великого назначения. Лирическая тема поэмы вырастает во всечеловеческую, но человечество у Маяковского не едино, оно классово разделено. На одном полюсе — крупны и ротшильды, а на другом:

Плевать, что нет
у Гомеров и Овидиев
людей, как мы,
от копоти в оспе.
Я знаю —
солнце померкло б, увидев
наших душ золотые россыпи!

И дальше — великолепное обобщение:

Жилы и мускулы — молитв верней.
Нам ли вымаливать милостей времени!
Мы —
каждый —
держим в своей пятерне
миров приводные ремни!

Это знаменательные строки! Маяковский в поэме «Облако в штанах» осознает себя певцом человечества, но человечества не абстрактного, а угнетенного, обездоленного, поднявшегося на революционную борьбу. Отныне и навсегда он будет ощущать себя поэтом «людей... от копоти в оспе», поэтом рабочего класса, держащего «в своей пятерне миров приводные ремни!».

С первых же строк своей поэзии Маяковский развертывается в огромного лирического поэта. Задыхающиеся слова страсти, где мольба перемешивается с отчаянием, а нежность — с ревностью, вписываются в лучшие страницы мировой лирики. Но с первых же строк выдвигает Маяковского в первый ряд поэзии революционный пафос, пронизывающий его лирику.

Наступает 1917 год. Со дня свержения самодержавия Маяковский встает рядом с большевиками, а когда приходит Октябрь, поэт провозглашает: «Моя революция». Спустя десять лет в поэме «Хорошо!» поэт воссоздает ее поэтическую летопись. Он сам был участником и певцом Октября. Постоянной гордостью Маяковского было то, что матросы шли на Зимний с его словами:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй.

Деятельность Маяковского в годы военного коммунизма широко известна. Вовсю гремит его грохочущий голос «агитатора, горлана, главаря». Боевые, наступательные строки поэта помогают большевикам бить колчаков и деникиных, гнать из республики врангелей и интервентов. Маяковский работает в «Окнах РОСТА». «Пишу и рисую, — говорил сам поэт. — Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей». Вдумайтесь в эти цифры, ощутите их — это поистине великий труд во имя великого дела революции! И заметьте себе еще одно: для Маяковского не существовало черной работы. Великолепный лирик, человек, одаренный изумительным эстетическим чутьем, он идет на плакат, на агитку, на лозунг во всеоружии своего мастерства и пишет каждую строку так, будто это лучшая строка в его жизни. Эта безоглядная отдача своего дарования народу, партии, Советской власти всегда будет образцом для наших писателей. Я с гордостью могу сказать, что у каждого из нас была своя РОСТА. В многотиражках, в районных газетах, во фронтовой печати Великой Отечественной войны советские писатели проходили школу прямого партийного слова, бьющего непосредственно в цель, и перед ними неизменно вставал великий пример Маяковского.

Разгромом белогвардейцев и интервентов кончается гражданская война, начинается период мирного строительства. Маяковский и здесь на его переднем крае. Обращаясь к краснозвездному герою победоносных боев, поэт говорит:

Не только тобой завоеван Крым
и белых разбита орава, —
удар твой двойной:
завоевано им
трудиться великое право.

Славя людей труда, Маяковский хлещет сатирическим бичом все, что мешает созидательной работе. Стихотворение «Прозаседавшиеся» высоко оценивается Лениным. «...Давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной, — говорил Владимир Ильич. — В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания... Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно».

Маяковский в это время вплотную подходит к тому неиссякаемому источнику, что мы теперь называем ленинской темой. Еще при жизни великого вождя трудящихся Маяковский писал: «...Кто ж удержится, чтоб славу нашему не воспеть Ильичу?» И тогда же Ленин и партия соединяются у поэта в одно великое целое. Стихотворение, посвященное Ильичу, он заканчивает знаменитыми строками:

Поэтам не быть мне бы,
если б
не это пел —
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода РКП.

В поэме «Владимир Ильич Ленин» это великое двуединство приобретает чеканную формулировку:

Партия и Ленин —
близнецы-братья —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим —
партия,
подразумеваем —
Ленин.

Поэма была задумана еще в 1923 году, а создана в следующем, 1924-м. Трагическим событием, легшим в ее основу, была смерть великого вождя трудящихся. Всенародное горе с неимоверной силой отдалось в сердце поэта, потрясло все его душевное естество и вызвало стихи бессмертной силы. Воздвигнуты прекрасные памятники Ленину, но поэма Маяковского не памятник, а скорее высоко взметенное знамя. Огненное знамя, на котором жарким пламенем поэзии начертано: Ленин, Ленинизм, Партия.

Маяковский определяет и свое место в ленинском строю:

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.

Поэма революционно оптимистична в главном выводе: дело Ленина — бессмертно.

Поэма «Владимир Ильич Ленин» оказала серьезную помощь партии в политическом воспитании широких народных масс. Большую роль она сыграла в политическом воспитании и самого Маяковского. До революции он ощущал себя поэтом людей «от копоти в оспе», угнетенных и обездоленных. В революционные годы он развертывается в боевого пролетарского поэта. Теперь он становится поэтом Коммунистической партии. Это сознание он пронесет до последнего дня своей жизни, и таким он останется в памяти народа.

О чем говорит великий пример Маяковского людям искусства и литературы? Беритесь за большие темы, прямо адресованные широким народным массам. Создавайте полотна о том, что составляет суть и стержень нашей жизни: о строительстве коммунизма, о трудовых подвигах советских людей, о нашей великой партии. Народ оценит ваши усилия, а вы сами, равняясь на великие дела, подниметесь вместе с ними, станете лучше, мудрее, чище. Вспомните о словах поэта: «Я себя под Лениным чищу...».

Невозможно разделить Маяковского-политика и Маяковского-лирика. Образец политической поэзии — поэма «Владимир Ильич Ленин» — является непревзойденным образцом лиризма. Вспомните хотя бы строку: «...президиум, как вырубленный, поредел...» — и дальнейшее описание народного горя. Вспомните поразительный рассказ о прощании с Ильичем. Вспомните, наконец, лирический пафос окончания поэмы.

Но показательно и другое. Незадолго перед тем Маяковский пишет поэму «Про это». И вот в этой уже совсем наилиричнейшей вещи поэт не может и не хочет замкнуться в любовной теме:

Что мне делать,
если я
вовсю,
всей сердечной мерою,
в жизнь сию,
сей
мир
верил,
верую.

И веря в «сей мир», Маяковский верит в его коммунистическое будущее:

Пусть во что хотите жданья удлинятся —
вижу ясно,
ясно до галлюцинаций.
До того,
что кажется —
вот только с этой рифмой развяжись,
и вбежишь
по строчке
в изумительную жизнь.

И напомню конец поэмы:

Чтоб день,
который горем старящ,
не христарадничать, моля.
Чтоб вся
на первый крик:
— Товарищ! —
оборачивалась земля.
Чтоб жить
не в жертву дома дырам.
Чтоб мог
в родне
отныне
стать
отец
по крайней мере миром,
землей по крайней мере — мать.

Цветы Маяковскому Фото С. СУББОТИНА

Политика, насквозь проникнутая лиризмом лирика, прочно связанная с политикой, — такова поэзия Маяковского.

В эти годы поэт много ездит по родной стране, часто бывает за рубежом. Вот что он сам пишет об этом времени: «Закончил поэму «Ленин». Читал во многих рабочих собраниях. Я очень боялся этой поэмы, так как легко было снизиться до простого политического пересказа. Отношение рабочей аудитории обрадовало и утвердило в уверенности нужности поэмы. Много езжу за границу».

Заграничные стихи Маяковского — важнейшая часть его творческой биографии. В этих стихах он выступает как полномочный представитель советского образа жизни за рубежом. Посланец революции, он бескомпромиссен в осуждении буржуазной культуры «мира голодных и рабов», капиталистического порядка. И глашатай ленинского интернационализма, он везде подает братскую руку рабочим и крестьянам, трудящимся всей планеты.

В заграничных стихах Маяковского звучит гордость советского человека, нигде и ни перед кем не склоняющего головы, и великим обобщением выглядят до сих пор строки поэта:

Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
кепчонку
не сдерну с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.

Советская печать находит в Маяковском каждодневного агитатора и пропагандиста. Разящей стихотворной строкой он откликается на злобу дня, славит наши успехи, бичует недостатки, язвит их виновников — бюрократов, разгильдяев, зажимщиков критики. Непримиримого врага в нем наживает мещанство. «В работе, — пишет сам поэт, — сознательно перевожу себя на газетчика. Фельетон, лозунг. Поэты улюлюкают — однако сами газетничать не могут, а больше печатаются в безответственных приложениях. А мне на их лирический вздор смешно смотреть, настолько этим заниматься легко и никому кроме супруги не интересно».

Десятилетний юбилей Великой Октябрьской революции Маяковский встречает поэмой «Хорошо!». Весь исторический опыт советского народа вместился в этот героический эпос. Но не только исторический опыт, а и народное чувство вобрали в себя строки поэмы.

Советский народ утверждающим словом Маяковского говорит «Хорошо!» завоеваниям Октября. Поэт полностью отождествляет себя с народом. «Моя республика», «мои депутаты», «моя милиция» — так может сказать истинный гражданин Страны Советов, каким явился Владимир Владимирович Маяковский. И как высшая самооценка своей деятельности встают слова:

Грудью
у витринных
книжных груд.
Моя
фамилия
в поэтической рубрике.
Радуюсь я —
это
мой труд
вливается
в труд
моей республики.

У Маяковского возник замысел поэмы «Плохо». Поэмы он не написал, но в пьесах «Клоп» и «Баня» сказал свое оглушительное «плохо» мещанству и пошлости, бюрократизму и карьеризму, всему, что путалось в ногах у строителей социализма. Образы Присыпкина и Победоносикова вошли в галерею лучших сатирических образов советского театра. Маяковский не был бы Маяковским, если бы рядом с негативными явлениями и персонажами не нарисовал картины коммунистического общества, куда люди придут вопреки присыпкиным и победоносиковым. Первый будет посажен в клетку людьми будущего, и на него будут дивиться, как на омерзительное животное, другого сбросит на ходу машина времени.

Прямая линия соединяет рабочих, штурмовавших Зимний, и строителей первой пятилетки. Суровый реализм строк, рисующих жестокие трудности начала большого дела, освящается неколебимой уверенностью в его будущем. «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» открывает для советской поэзии тему пятилетки и является одним из самых значительных стихотворений, созданных Маяковским на протяжении всей творческой деятельности. Рабочими, сидящими в проливной дождь «под старою телегою», владеет гордая мечта о городе-саде, который будет воздвигнут среди тайги. Апофеозом коммунистической мечты, все время претворяемой нами в действительность, встают завершающие строки:

Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвесть,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!

Спустя много лет эти слова повторяли молодые строители Братской и Красноярской ГЭС, это постоянный поэтический лозунг коммунистического строительства в нашей стране. Великую веру в коммунизм, которую несет в себе рабочий класс, утверждает это гениальное стихотворение.

«Стихи о советском паспорте» и начатая поэма «Во весь голос» знаменуют прижизненный итог творческой деятельности Владимира Владимировича Маяковского. Гимном советскому патриотизму, Советской стране, Коммунистической партии звучат эти великие произведения. Одним из последних росчерков гениального пера пишутся потрясающие строки:

Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди, —
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

Социализм восторжествовал в нашей стране, и народ гордится своим поэтом, заявившим «во весь голос» на весь Советский Союз, на весь мир, настоящему и будущему:

...я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих партийных книжек.

***

Чему нас учат «партийные книжки» Маяковского? Он скончался в 1930 году, а поэзия его жива до сих пор и наверняка переживет всех нас, шагнув к людям коммунистического будущего. Жизненность стиха Маяковского в том, что он не делил понятий поэзия и действительность, литература и народ, искусство и коммунизм, но объединил их в своем творчестве. Много шло разговоров о новаторстве Маяковского. Говорили о разбивке строк, пресловутой «лесенке», о вторжении уличной речи в поэтическую, о необычности его рифм и ритмов, сравнений и метафор. Все это верно. Но рядом с ним и после него вставали поэты, тоже писавшие стихи не в строку, а ступеньками, тоже вводившие в речь язык улицы, тоже блиставшие неожиданными рифмами и метафорами. Однако такого следа в народной памяти они не оставили. Новизна Маяковского была новизной высшего порядка. Новаторство его поэзии — это новизна революции, новизна Советской власти, новизна коммунизма. Над страной бушевал свежий яростный ветер новой жизни, новой действительности, новой идеи. Эта свежесть искала и нашла свежие формы своего выражения в гениальной поэзии Маяковского.

Коммунизм — вековая мечта человечества. Еще Томас Мор и Томмазо Кампанелла грезили о нем в «Утопии» и «Городе Солнца». В великом учении Карла Маркса и Фридриха Энгельса он обрел научную основу, а Первый Интернационал явился его первой международной организацией. Но народной идеологией коммунизм стал впервые в нашей стране, вставшей под знамя Ленина и ленинской партии. И для миллионов рабочих и крестьян, солдат и матросов в далеком 1917 году идея коммунизма стала покоряюще новой, свежей, радостной. Она не уводила людей в небеса, а звучала в немедленно осуществлявшихся земных лозунгах: «Заводы — рабочим, земля — крестьянам, мир — народам». А впереди коммунизм раскрывал такие ослепительные дали, что люди ради него шли в рост на белогвардейские пули, бросались голой грудью на перекопскую колючую проволоку.

И вот такое земное содержание и такую вдохновенную мечту вобрало в себя творчество Маяковского. Как же нам его не славить?!! Его стихи стали для нас кодексом коммунистической нравственности. Наши бесчисленные «Я» слились в его поэзии в единое «Мы». Сам Маяковский — ярчайшая индивидуальность — безоговорочно отверг индивидуализм ради коллективизма. Высший его образец он видел в ленинской партии:

Партия —
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.
Партией
стройки
в небо взмечем,
держа
и вздымая друг друга.

Общественное значение поэзии Маяковского состоит в том, что она дает пример общественного поведения советского человека. Поэт гордился каждым, даже малейшим успехом нашей нови и был беспощаден к любым, даже малейшим ее недостаткам. Он боролся с ними не в одиночку, а с помощью коллектива, как это принято в нашей стране. Поэзия Маяковского резко самокритична. Вспомните хотя бы его цикл «Слоны в комсомоле». Но это самокритика позитивная, действенная, помогающая устранять недостатки. Она полная противоположность злобствующему критиканству обывателей и антисоветчиков.

Мы всех зовем,
чтоб в лоб,
а не пятясь,
критика
дрянь
косила.
И это
лучшее из доказательств
нашей
чистоты и силы.

Маяковский создал в своих стихах притягательный образ советского человека — хозяина своей страны. Смелый, свободный, без собственнических шор на глазах, он широким шагом идет к коммунизму. Цель советского общества — коммунизм, а коммунизм интернационален. Маяковский, став глашатаем коммунистических идей, стал поэтом интернациональным.

Ощущение советского народа как новой исторической общности людей созревало в нашей стране долгие годы. Глядя далеко вперед, Владимир Маяковский чувствовал себя поэтом советского народа, соединившим свою судьбу с ленинской идеей:

И с этих дней
везде
и во всем
имя Ленина
с нами.
Мы
будем нести,
нести
и несем —
его,
Ильичево, знамя.

Обозревая отечественную поэзию, мы видим, что Маяковский стоит в одном ряду с Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым. Идеи Великой Октябрьской революции, окрылившие творчество поэта, придали поэзии Маяковского огромный размах. С каждым годом растет международный авторитет Советского Союза, с каждым годом укрепляются позиции коммунизма на нашей планете, с каждым годом возрастает влияние поэзии Маяковского на революционную, демократическую, прогрессивную литературу мира.

Великий поэт советского народа, ленинской партии, коммунизма, Владимир Маяковский во весь свой огромный рост встает над XX веком. Исполненный гордости за свой народ, за свою Отчизну, мощный голос его достигнет будущих веков. И мы, советские люди, повторим сегодня вместе с Маяковским:

Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

Павло ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

КРИВОРОЖСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Кривой Рог окружен бескрайними приднепровскими степями. Поля обступают город со всех сторон. Тучные острова пшеницы, ячменя, густые заросли подсолнечника и кукурузы радуют глаз. Урожай в этом году здесь превосходный!

...В конце жаркого июня вместе с украинскими писателями В. Козаченко, В. Коротичем, В. Логвиненко, В. Соколовым, Ф. Золатой, И. Коваленко я побывал на Криворожском металлургическом заводе имени В. И. Ленина, где возводится уникальная домна. Только высота рабочего пространства этого феномена — свыше 80 метров, а диаметр горна превосходит 17 метров!

Пройдет всего полтора года, и по бетонным тоннелям, проложенным под землей, а домну потекут реки воды, мощные трубопроводы подадут из воздухонагревателей в «легкие» гиганта океаны воздуха. Эстакадный мост, который протянется к домне от горнообогатительного комбината, будет ее питать— ежесуточно домне потребуется 26 эшелонов рудного агломерата и кокса. Специально сооруженная ТЭЦ пошлет свой ток сложнейшим доменным агрегатам, механизмам, компьютерам, кондиционерам. Словом, когда строительство закончится, эта крупнейшая в мире домна станет походить на управляемый комфортабельный «вулкан» непрерывного действия. Она даст 4 миллиона тонн чугуна в год...

Сейчас работа идет полным ходом. Надо сказать и о несколько необычном *способе* строительства — монтаж идет с подвозе. Нигде не увидишь здесь запасных конструкций, заготовок впрок, хаоса и беспорядка, как нередко бывает при возведении жилых корпусов. Все заранее обусловлено, высчитано, выверено.

Глядя на ювелирную точность работ, ведущихся на этой всесоюзной ударной комсомольской стройке, понимаешь: таким, именно таким будет завтрашний день промышленного строительства.

Мы побывали везде — видели и монтаж стального кожуха домны, и ажурные конструкции градирни, и башнеобразное основание строящихся труб ТЭЦ — ее высота будет равна 180 метрам, и фантастический мир подземных коммуникаций домны, и бытовые помещения, которые уж никак не назовешь по-старому — «бытовками», и похожую на первоклассный ресторан столовую. И еще одно интересное наблюдение: на площадке почти не видно рабочих — всюду царит техника.

В раздумьях, в общении с молодежным коллективом стройки, в долгих беседах с партийными руководителями области и города, в разговорах друг с другом рождалось ощущение, еще, быть может, немного неопределенное, но в то же время настойчивое: все, что здесь происходит, надо отобразить, запечатлеть шаг за шагом этот удивительный процесс созидания. Показать в обычном необычное и наоборот, ибо, по словам заслуженного строителя Украинской ССР Анатолия Павловича Матвиенко, «хоть наша домна совсем не такая, как все предыдущие, которые довелось мне ставить, поставим и ее, дело привычное».

Мы решили организовать на стройке писательский пост журнала «Вітчизна». В течение полутора лет, остающихся до пуска доменной печи № 9, мы изо дня в день будем вести летопись создания рукотворного криворожского «вулкана».

Мои личные планы. Перед самой поездкой я закончил роман «Дипломат на три месяца» — третью книгу из цикла романов о молодом металлурге Дмитро Череде. Первые две — «С точки зрения вечности» и «Переходим к любви» — вышли в прошлом году в Профиздате. В новом романе мой герой — рабочий-металлург — становится дипломатом и едет в составе советской делегации на очередную сессию ООН. Хочу надеяться, что книга в какой-то мере передаст то нестроение, которое вызвано успехами ленинской внешней политики нашей партии, получившей ярчайшее воплощение в исторической миссии Л. И. Брежнева в США.

КРИВОЙ РОГ—КИЕВ

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии директор Челябинского трубопрокатного завода Я. П. Осадчий, Олег Шестинский, Людмила Татьяничева, Марк Гроссман.

Анатолий Медников и старший плавильщик ферросплавов Иван Кожевин на электрометаллургическом комбинате в Челябинске.

Владимир Попов и Герой Социалистического Труда начальник коксохимического производства Магнитогорского металлургического комбината Г. М. Дорогобид.

Фото В. ШАГОВА

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

РЕСПУБЛИКА МЕТАЛЛУРГИИ

«ПИСАТЕЛИ — металлургам» — под таким девизом проходили Дни советской литературы на Южном Урале, в которых приняли участие прозаики и поэты, прибывшие в «республику металлургии» из многих городов нашей страны.

Маршрут писательской группы пролегал через Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, Ашу, где литераторы встречались с рабочими предприятий, выступали в цехах, красных уголках, клубах и домах культуры.

ТРИ «КИТА»

Три «кита» — так сами челябинцы называют металлургический и трубопрокатный заводы, электрометаллургический комбинат.

Первая встреча литераторов с рабочими состоялась на трубопрокатном. Московского прозаика Анатолия Медникова с этим предприятием связывает давняя дружба. Вот уже семнадцать лет он живет жизнью коллектива, пишет о его делах и заботах. Здесь на линии 820 трудится старый знакомый писателя Герой Социалистического Труда Николай Падалко, который пришел на производство еще мальчишкой — в тяжелые военные годы.

— Николай Падалко — человек с широкими интересами, — рассказывает Анатолий Медников. — Николай — кадровый мастер, гордящийся своей «рабочей косточкой». Он, как всякий человек, влюбленный в свою профессию, думающий о ее будущем, уже сейчас готовит смену, читает лекции в подшефной школе, прививает ребятам любовь к нелегкому, но интересному труду. Таких людей на заводе сотни.

Гостей принял директор завода Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Я. П. Осадчий, в кабинете которого состоялся оживленный разговор о делах и заводских, и литературных.

Многие участники Дней по праву называют себя уральцами. Л. Татьяничева, М. Львов, А. Гольдберг, Д. Терещенко начинали свою литературную деятельность именно здесь. Н. Миксон уходил отсюда на фронт.

Челябинский электрометаллургический комбинат знаменит своими рабочими династиями, которые, несомненно, служат опорой, костяком производства. Об этом подробно говорил директор ЧЭМК Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии В. Н. Гусаров. Династия Архиповых, например, проработала на комбинате в общей сложности двести сорок лет.

С одним из Архиповых, Василием Павловичем — кавалером многих орденов, писатели встретились в доме отдыха комбината, на берегу светлого озера Сугомак.

Поражает масштабами металлургический завод. Это целый город со своими дорогами и мостами... Возглавляет завод лауреат Государственной премии СССР, кандидат технических наук Н. А. Тулин. Он молод, и судьба его типична для многих его ровесников. Парнишкой Тулин ушел на фронт, за форсирование Днепра был удостоен ордена Славы. Войну закончил старшим лейтенантом. Потом наступили мирные дни, работа на Челябинском металлургическом, где Тулин прошел нелегкий путь от помощника мастера до директора.

Другая символичная деталь. Литературное объединение ЧМЗ, недавно отметившее свое двадцатипятилетие, за последние годы выпустило около шестидесяти книг. Из «стен» объединения вышло шесть членов Союза писателей...

ЕВРОПА — АЗИЯ

Магнитогорск на две части разделила река Урал. На правой расположен жилой массив, на левой — заводы, и среди них — знаменитый Магнитогорский металлургический комбинат имени В. И. Ленина. Правый берег реки находится в Европе, левый — в Азии, и рабочие комбината ежедневно ездят из одной части света в другую. Лозунги над мостом напоминают о славном прошлом Магнитки.

Трудно подобрать эпитет, чтобы точно охарактеризовать масштабы доменного производства комбината. Большое, огромное, колоссальное... Оно дает более десяти миллионов тонн чугуна в год. Кажется, что домны, как океанские корабли, плывут одна за другой. Сполохи огня, шумное дыхание, ощущение силы и мощи. Такова сегодняшняя Магнитка. А когда-то у подножия горы была выстроена только одна домна, которая зимой, в трескучий мороз выдала первый чугун. Загрузка домны производилась вручную — ведрами, — таким несовершенным было загрузочное устройство. И весь город, вся Магнитка, затаив дыхание, ждали этой первой плавки, первой струи металла. Теперь, в 70-х годах XX века, «железная продукция» Магнитогорска известна, без преувеличения, всему миру.

Город, так же как и комбинат, строился в голой, покрытой небольшими холмами степи. Стужа выжигала любое посаженное деревцо, насквозь пропитывала инеем палатки, бараки. Но город продолжал жить, бороться, побеждать. Для комсомольцев был специально разбит «парк». Там поставили деревья с металлическими листьями. Это были даже не березы, не сосны, а пальмы, как некое олицетворение того, что где-то далеко плещется теплое море и сияет южное солнце. Комсомолия полюбила свой «парк». Здесь иногда проходили собрания, диспуты. Так застраивалась ранее голая, необитаемая уральская степь.

...Десятая домна готовилась дать чугун. Очередные четыреста тонн. У пульта — ветеран комбината, выдававший первые плавки почти на всех домнах, почетный гражданин города А. Л. Шатилин. Рассказывая о нем, секретарь Левобережного райкома партии С. П. Леконцев назвал доменщика «ходячей историей Магнитки». Не так-то просто было мастеру ответить на все вопросы писателей.

Пока очищались лётка домны, желоб, готовилась бурильная машина, чтобы пробить отверстие для чугуна, на литейном дворе шла напряженная работа. Напряженная, но без суеты. Чугун пошел медленно, тягучий, желто-красный, мерцающий огоньками. Словно миллионы маленьких ракет вспыхивали на поверхности расплавленной металлической реки. Вот разом вздыбились искры, целый сноп искр. Это было похоже на салют. Салют, посвященный рождению металла.

В этот же день делегация встретилась с литературной общественностью в редакции «Магнитогорского рабочего». Во встрече приняли участие поэты и прозаики, живущие в городе металлургии, — Борис Ручьев, Нина Кондратковская, Михаил Люгарин, Станислав Мелешин, член литературного объединения Александр Павлов.

Затем писатели выступили по телевидению, и это выступление получило совершенно неожиданное продолжение.

Бывший шофер Павел Шеметов в годы войны командовал танком «КВ». Во время освобождения Великих Лук его экипаж совершил подвиг: окруженный врагами, сражался в подбитой машине до последнего и героически погиб. Одна из великолукских улиц названа ныне именем Пяти танкистов.

Боевой офицер, подполковник запаса, ленинградский прозаик Илья Миксон, собирая материал для повести о героическом экипаже, никак не мог найти родственников командира «КВ». Выступая по телевидению, он рассказал о своей будущей книге, о командире-магнитогорце. Едва окончилась передача, как на телестудию позвонила дочь Шеметова, Валентина Павловна...

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ

Выступая от имени делегации литераторов на слете передовиков-металлургов, секретарь правления СП СССР О. Шестинский сказал, что одним из важных аспектов деятельности Союза писателей СССР является проведение литературных декад в основных промышленных и сельскохозяйственных районах страны. Конечно, за десять дней, в течение которых длится декада, писатель не в состоянии собрать материал для крупного произведения, но за это время он, безусловно, сможет «прикипеть» душой к новой теме, остро почувствовать трудовое дыхание заводов и фабрик...

— Несомненно одно, — заключил О. Шестинский, — после таких поездок, какой, в частности, является поездка по челябинской земле, еще больше укрепляется чувство гражданской ответственности писателя перед читателем, еще более неразрывной становится его связь с героем литературы — человеком труда.

Валерий ПОВОЛЯЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЧЕЛЯБИНСК — МАГНИТОГОРСК

Раиса АХМАТОВА:

— Магнитогорск — вот город, о котором я так много слышала в детстве. А Челябинск, поражающий своей мощью? Это «горячий цех» всего Советского Союза. Чудо! Мы прикоснулись своими руками к этому чуду, встретились с людьми, это чудо творящими. Чего стоит одно знакомство с тремя директорами челябинских заводов — Осадчим, Тулиным, Гусаровым! Биография каждого из них — это книга. Книга, которую предстоит написать.

Владимир ПОПОВ:

— Наша небольшая группа провела два дня в Златоусте. Для себя, например, я «открыл» этот город... Веками славится знаменитая златоустовская сталь: клинок из этой стали рассекает пополам невесомый, как воздух, шелковый платок. Производили эту сталь вручную, архидедовскими методами. Вот таким, архидедовским, и сохранилось в моем сознании производство «златоустовского дива». А приехали — увидели: великолепнейшая современная техника, люди вооружены точнейшими приборами. Уровень профессиональной подготовки сталеваров необычайно высок. Вот о чем, по-моему, надо писать...

Борис РУЧЬЕВ:

— В Днях литературы, прошедших на Южном Урале, приняли участие многие мои земляки. Это доказательство того, что Урал — край поэтический. Хотелось, чтобы литературные будни — торжества, выступления на заводах, встречи с рабочими продолжились бы в последующие годы и стали традиционными. Польза от них, на мой взгляд, огромна. Прежде всего потому, что поток информации, получаемой писателями в эти дни, чрезвычайно полновесен: писатели вбирают в себя много нового, примечают порою то, что в обычной командировке, может, и не сразу дано разглядеть...

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА:

— Трудно оставаться равнодушной, когда речь заходит об Урале и, в частности, о Магнитогорске. Это город моей юности, с которым у меня связаны многие события в жизни, — здесь я получала партийный билет, здесь вышла моя первая книга... Все первое, первое, первое. Сам Магнитогорск — это город стремительных перемен. Здесь, как нигде, очень остро ощущается движение времени. Об этом — мои будущие стихи...

Олег ШЕСТИНСКИЙ:

— Девиз Дней литературы в Челябинской области «Писатели — металлургам», по-моему, неполно раскрывал суть происходящего: металлурги дали писателям не меньше, чем писатели — металлургам.

И еще. Доброе слово хочу сказать по адресу партийных работников, которые не менее нас «переживали» за успех поездки, много сил и труда вложили в нее. Это секретарь обкома КПСС М. Ф. Ненашев, заведующая сектором обкома партии А. С. Макарова, секретарь Магнитогорского горкома КПСС А. Л. Паукин, многие другие. Спасибо вам, дорогие друзья!

ЗЕМЛЯ, ДАРЯЩАЯ ТЕПЛО

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Й СТР.

В первый же день приезда в Тюмень писатели побывали у моторостроителей и геологов, у рабочих камвольного комбината. А вечером было торжественное открытие Дней литературы. Вступительное слово произнес секретарь Тюменского обкома КПСС Д. А. Смородинсков. Выступая на вечере, руководитель делегации, секретарь правления СП СССР А. Кешоков сказал: «Мы приехали сюда, чтобы хоть на короткое время стать свидетелями удивительного подвига, преобразующего лик сибирской земли... Говорят, за великими людьми ходит легенда. Так и вас, замечательных первооткрывателей несметных богатств Сибири, сопровождают легенды, и мы хотели бы воплотить их в художественные строки».

В этот праздничный вечер со сцены Тюменской филармонии звучали приветствия и стихи представителей многонациональной советской литературы и литератур социалистических стран. Выступали Я. Шведов, Заки Нури, Фатех Ниязи, Виктор Соколов, Сияуш Сарханлы, Алексей Пысин, Римма Казакова, Ю. Хаппалаев, Ян Пшехала (ПНР), Людмила Татьяничева, Валдис Руя, Владимир Туркин, Гиви Гогичайшвили, Василь Юхимович, Леонид Лапцуй, Мирча Чобану (Румыния), Эркин Вахидов, Рафаэль Сафин, Дмитрий Ковалев, Вячеслав Кузнецов, Александр Иванов, Александр Бобров.

На второй день — древний Тобольск. Сюда участники Дней прибыли по железной дороге — первому участку новой Сибирской магистрали, которая уже пересекла Иртыш и приближается к Оби, к Сургуту.

В Тобольске литературные праздники всегда приобретают особое звучание. Старинный город Сибири хранит давние культурные традиции, традиции активные, гражданственные. Именно здесь прославленный сказочник Петр Ершов, создавший в свои 19 лет гениального «Конька-горбунка», проникновенно мечтал о будущем Сибири:

Канал целы! Пустыни, стали
Лучом гражданства озарить,
Разрушить умственные цепи
И человека сотворить;
Расширить поприще небес
полночных,
Богатства выспросить у гор
И чрез кристаллы вод
восточных
На дно морское кинуть
взор...

Город гордится именами, знаменитыми в истории страны. Символично, что учителем П. П. Ершова был отец великого химика — И. П. Менделеев, а сам Дмитрий Иванович Менделеев учился в Тобольске у преподавателя российской словесности П. П. Ершова.

...Просторная площадь в белокаменном Тобольском кремле, что высится на крутой горе, именуемой Троицкий Мыс. Над городом низко нависли сердитые дождевые тучи, но люди все идут и идут к кремлю. Тысячи человек собрались на большой праздник поэзии, посвященный Петру Ершову. К счастью, тучи не пролили дождя. Долго звучали стихи в честь знаменитого тобольяка...

В Тобольске, как и в прошлые годы, писатели разделились на несколько групп и отправились по разным маршрутам, поименованным коротко и точно: «Нефть», «Газ», «Лес», «Хлеб», «Строительный», «Заполярье». И мы, два спецкора «ЛГ», тоже разделились: один из нас поплыл на теплоходе «Чернышевский» вниз по Иртышу, другой улетел в Заполярье.

К. СЕРЕБРЯКОВ,
П. ШЕСТАКОВ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

ТЮМЕНЬ—ТОБОЛЬСК

МАЯКОВСКИЙ ВО ВЕСЬ РОСТ

Вся страна отмечает восьмидесятилетний юбилей со дня рождения гениального пролетарского поэта Владимира Владимировича Маяковского.

18 июля. Центральный Дом литераторов имени А. А. Фадеева.

Юбилейный вечер В. В. Маяковского открыл Алексей Сурков.

— Мы встречаемся сегодня, — сказал он, — с вечно живым нашим поэтом.

...С трибуны звучат стихи, посвященные Владимиру Владимировичу, строки из его произведений, воспоминания о нем.

— Маяковский говорил: я поэт и этим интересен, — сказал на вечере Константин Симонов. — Этот его завет надо помнить всем, кто любит Маяковского, всем, кто сам берется за перо, особенно молодым поэтам.

— Каждый любит Маяковского по-своему, — говорит Роберт Рождественский, — и любовь эту объяснить трудно. Что ни скажешь, она будет больше этих слов, гораздо больше...

Владимир Маяковский вошел в плоть и кровь и нашего времени, и каждого из нас. Перешагивая через годы, он, «как живой с живыми говоря», будет и с теми, кто еще придет следом за нами.

— Маяковский стал первым учителем молодых национальных литератур нашей страны, — говорит Алим Кешоков. — Гениальный поэт, словно маяк, и сейчас указывает путь большим и малым кораблям великого флота советской литературы.

На вечере выступили также Р. Гамзатов, Л. Ошанин, В. Перцов, наши зарубежные гости И. Тауфер из Чехословакии, К. Вольф (ГДР) и другие.

19 июля. Площадь Маяковского.

В двенадцать часов дня здесь состоялась церемония возложения венков к памятнику поэту.

20 июля. Улица Воровского, 52. Здание правления Союза писателей СССР.

Именно здесь более сорока трех лет назад, 1 февраля 1930 года, в бывшем клубе ФОСПа (Федерация объединений советских писателей) Маяковский открыл свою знаменитую выставку «20 лет работы», которой он придавал большое значение и которую готовил в течение нескольких месяцев.

Литературный музей, Центральный государственный архив литературы и искусства сохранили эту выставку, ее ценнейшие материалы.

На открытии выставки присутствовали видные советские литераторы, представители общественности, зарубежные гости.

— Здесь, в нашем писательском доме, Маяковский сорок три года назад открыл выставку, которую создал с помощью молодых друзей его поэзии, — сказал секретарь правления СП СССР К. Симонов. — Теперь она восстановлена в том самом виде, в каком подготовил ее великий поэт. Мне кажется, что сейчас, здесь, мы видим Маяковского во весь рост — и это, наверно, самое главное.

В одном из залов выставки, где великий поэт впервые прочел свою поэму «Во весь голос», она снова прозвучала в исполнении артиста Московской областной филармонии Вячеслава Кузнецова.

***

В связи с 80-летием со дня рождения В. В. Маяковского юбилейные торжества прошли в Ленинграде, столицах всех братских республик и других городах страны. Это был поистине всенародный праздник поэзии.

ДЕКАДА ПОЛЬСКОЙ КНИГИ

20 июля в Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли состоялось открытие Декады польской книги в СССР. Вступительное слово произнес заместитель председателя Госкомитета Г. Мартиросян. С польской стороны выступил советник посольства ПНР в Москве Ежи Пионтковский. Советский писатель С. Антонов поделился впечатлениями о пребывании в Польше, рассказал о встречах с писателями и читателями, о популярности польской литературы в нашей стране. На открытии декады присутствовала делегация польских писателей во главе с В. Яжджинским.

■

На днях редакцию «Литературной газеты» посетила группа польских писателей, прибывших в нашу страну в связи с проведением Декады польской книги, приуроченной к национальному празднику Польши — Дню возрождения. В составе делегации известные прозаики и поэты: Веслав Яжджинский, Тадеуш Хрущелевский, Анджей Замеховский, Станислав Богачевский, Здислав Найдер.

Гости были приняты членами редколлегии газеты. Состоялась дружеская беседа.

ПИСАТЕЛЮ — ГРАЖДАНИНУ

21 июля выдающемуся советскому писателю, Герою Социалистического Труда Леониду Сергеевичу Соболеву исполнилось бы 75 лет.

Человек широкой души, огромного трудолюбия и принципиальности, он в течение *многих лет возглавлял* Союз писателей Российской Федерации и был секретарем правления Союза писателей СССР.

На Новодевичье кладбище почтить память писателя, с чьим именем неразрывно связано становление советской литературы, пришли С. Сартаков, Ю. Верченко, Ю. Бондарев, А. Ананьев, С. Орлов, В. Тельпугов. На могилу Л. С. Соболева были возложены венки от правлений союзов писателей СССР и РСФСР.

В церемонии возложения венков приняли участие первый заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Ю. С. Мелентьев, вдова писателя О. Н. Соболева, представители Советской Армии и Военно-Морского Флота, общественность столицы.

Т. ФИЛАТОВА

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Все организации и всех товарищей, обратившихся ко мне с добрым словом по поводу моего семидесятипятилетия, горячо благодарю.

В. ПЕРЦОВ

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ОКТЯБРЯ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Й СТР.

Сейчас в советской поэзии много поэтов — «хороших и разных». Это хорошее и разное подразумевает наличие непохожих друг на друга поэтов, что и есть на самом деле. Все, что добыто долгим поэтическим опытом Маяковского, существует по-разному у поэтов сегодняшнего дня. И его раскрепощенная рифма, и разговорная интонация стиха, и тема с «воза повседневности», и тема высокая, пафосная, и отказ от разделения низкого и высокого слова — все это существует, как и многие другие особенности поэтического наследия Маяковского.

Голос Маяковского, голос бунтаря и агитатора, был услышан людьми на всех континентах. Сегодня со всех концов света слышим мы голоса поэтов, которые говорят нам о мировом признании Маяковского, о том, что он, как громадное историческое явление, оказывает свое влияние на творчество революционных талантливых поэтов мира. И это влияние растет с каждым новым революционным подъемом народов, борющихся за свою свободу и независимость, с ростом укрепления их национальной поэзии.

Маяковский сегодня стал вождем революционных поэтов мира. Всенародный праздник поэзии Маяковского празднуется не только в Москве, не только во всех наших братских республиках, но и в странах социалистического лагеря и всюду за рубежом, куда достигла «звонкая сила поэта» — его влекущие в будущее вдохновенные стихи.

Советские же люди празднуют день рождения своего великого поэта Владимира Маяковского во время, когда могучая Советская держава, построившая социалистическое общество и ныне воздвигающая грандиозное здание будущего, воплощая в жизнь задачи, поставленные XXIV съездом Коммунистической партии, трудится с неослабевающей энергией, во имя человеческого счастья на земле, и эти великанские труды видны всему миру.

Как сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев: «И понятно, что наша партия, возглавляющая беспримерное в истории сознательное созидание будущего, наш народ, который безгранично доверяет партии, собственными руками осуществляет это созидание, последовательно выступают против войны и агрессии, за надежный, прочный мир для всех людей на земле».

В эти замечательные времена стих Маяковского живет среди строителей будущего, как помощник в их могучих трудах. Маяковский как бы говорит, обозревая просторы великого строительства:

Моя
фамилия
в поэтической
рубрике.
Радуюсь я —
это
мой труд
вливается
в труд
моей республики.

И мы приветствуем этот труд поэта сегодня от имени миллионов — творцов нового, говоря от всего сердца: «Да здравствует Владимир Маяковский, великий поэт Великой Октябрьской революции!»

Михаил Васильевич ИСАКОВСКИЙ

Правления Союза писателей СССР, Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации с глубоким прискорбием извещают о кончине выдающегося советского поэта, Героя Социалистического Труда, члена КПСС с 1918 года,

Михаила Васильевича
ИСАКОВСКОГО,

последовавшей 20 июля с. г. после тяжелой, продолжительной болезни, и выражают глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Советская литература и искусство понесли тяжелую утрату — умер Михаил Васильевич Исаковский, выдающийся советский поэт, Герой Социалистического Труда, член Коммунистической партии Советского Союза с 1918 года.

Михаил Васильевич Исаковский родился в 1900 году в деревне Глотовка Смоленской области в бедной крестьянской семье. Первые стихи М. В. Исаковский опубликовал в четырнадцатилетнем возрасте. В 1927 году в Москве вышла книга стихов М. В. Исаковского «Провода в соломе», тепло встреченная М. Горьким. Историческим преобразованиям в городе и деревне после победы Октября посвящены и последующие книги М. В. Исаковского — «Провинция», «Мастера земли», «Песня о Родине», «Наказ сыну» и многие другие.

Выйдя из самых глубин народа, неразрывно связанный с его жизнью, Михаил Исаковский сумел стать в своем творчестве выразителем мыслей, чувств и стремлений советских людей, строящих коммунизм.

Поэтические произведения М. В. Исаковского, народные и глубоко партийные по своему содержанию, являют правдивую и волнующую летопись труда и борьбы советских людей. С редкой силой и выразительностью воспел он в своих стихах советский образ жизни.

Стихи М. В. Исаковского вошли в сокровищницу многонациональной советской литературы. Неоценим вклад поэта в советскую музыкально-песенную культуру. Его замечательные песни, полные глубокого лиризма, светлого народного юмора, — «Катюша», «Летят перелетные птицы», «В прифронтовом лесу», «И кто его знает», «Провожанье», «Ой, туманы мои...», «Снова замерло все до рассвета» и многие другие — по-

[illegible] людей.

Партия и народ высоко оценили труд писателя-коммуниста. За выдающиеся заслуги в развитии советской литературы М. В. Исаковскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда, он награжден четырьмя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и медалями. М. В. Исаковский дважды удостоен звания лауреата Государственной премии СССР. О большой любви читателей к творчеству М. В. Исаковского свидетельствуют миллионные тиражи его книг. Поэзии М. В. Исаковского суждена долгая жизнь.

Светлая память о выдающемся советском поэте, пламенном коммунисте и патриоте своей социалистической Родины М. В. Исаковском навсегда сохранится в наших сердцах.

Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, П. И. Демичев, М. С. Соломенцев, Е. А. Фурцева, В. Ф. Шауро, А. А. Епишев, Е. М. Тяжельников, В. Н. Ягодкин, К. А. Федин, Г. М. Марков, Г. Г. Абашидзе, Н. П. Бажан, С. А. Баруздин, П. П. Боцу, П. У. Бровка, Ю. Н. Верченко, Н. М. Грибачев, А. П. Кешоков, В. П. Козаченко, Л. М. Леонов, М. К. Луконин, С. В. Михалков, С. С. Наровчатов, Нурн Заки, В. М. Озеров, Р. И. Рождественский, С. В. Сартаков, К. М. Симонов, Ю. К. Смолич, А. А. Сурков, М. Танк, Н. С. Тихонов, М. Турсун-заде, А. Б. Чаковский, О. Н. Шестинский, М. А. Шолохов, Б. М. Кербабаев, Р. Г. Гамзатов, Э. Б. Межелайтис, М. А. Стельмах, С. П. Щипачев, А. А. Беляев, Б. И. Стукалин, Т. Н. Хренников.

НАРОДНЫЙ ПОЭТ

Есть неписаное правило — об умерших говорить только хорошее или не говорить ничего. Не знаю, насколько исполнимо оно в шумный наш и с необычайным накалом страстей век, — было уже в достатке и оправданных исключений. Но о Михаиле Васильевиче Исаковском всегда, с давних, уже покрывающихся дымкой тридцатых годов — я знаю это по Смоленску, где тогда работал, — говорили только хорошее. Хороший, превосходный поэт; хороший, превосходный человек; хороший, отзывчивый и добрый товарищ. По-свойски, почтительно и улыбчиво объединяли имя и отчество, называли — «наш Михвас». И пристрастно наблюдали за каждым его шагом, и равнялись на него, в том числе и Александр Твардовский, уже сам вступивший тогда в пору всеобщего признания, и Николай Рыленков, и многие другие. И не только то имело значение, как и что писал он, а и то, каким был. Шли годы, его «Катюшу» пели на Тихом океане, в лесах Карелии и горах Кавказа, имя его звучало в первых репродукторах и вставало на страницах всех газет, в он оставался верным своему характеру и призванию.

Именно поэтому с такой щемящей болью отозвалось известие о его смерти в самой глубине сердца: как поэт он остается людям и среди людей, в наших буднях и праздниках, но как человек редчайшей доброты, душевности, неустрашимой честности при всей мягкости и деликатности характера он ушел, и это рождает острую скорбь, которую не заглушить никакими словами утешения. Давно ведь известно, что и самые лучшие памятники тем, кого мы знали при жизни, не заменяют нам их самих с теплотой рукопожатия, участливостью слова и взгляда. К другим поколениям они будут приходить новооткрытием прекрасного и человечного, свидетелями наших лет и дел, из наших живых рядов — уходят. Для тех, новых поколений начиная со школьной скамьи будет наступать радость встречи с ним, — для нас пришла печаль прощания.

Что можно сказать на грани, перед которой о человеке говорили — «он есть» и за которой начинают говорить — «он был», в минуты, когда непосредственность общения оборвалась, а пора воспоминаний еще не наступила? Что он был талантливейшим советским поэтом? Да, это так, но об этом уже сказано во многих книгах и в бесчисленном количестве статей. К тому же это и не относится к особо отличительным признакам — среди его сверстников тоже были талантливейшие советские поэты. Что он был в истинном, самом высоком смысле гражданином и коммунистом — в том смысле, что гражданственность и партийность являлись для него не просто программой, а составляли всесчерпывающее содержание его жизни и деятельности? Да, верно, но и об этом уже сказано и написано неоднократно, а главное — доказано его собственным творчеством; давно ведь является аксиомой, что если художественность у таланта рождается из развитости чувства и воображения, то единственной движущей силой, возносящей поэтические судьбы на звездные орбиты времени, является гражданственность, в наше время равнозначная партийности. Художественный талант — это крылья, но энергию для высокого и далекого полета талант черпает в ведущей идее века.

У Михаила Исаковского были и щедрый талант, и мощная подъемная сила, которая обеспечила ему высокий и прямой, без вынужденных посадок и скольжения на крыло, путь через все грозовые фронты времени. Для каждого из нас он являлся примером редкостной цельности: он оставался поэтом в прозе будней и гражданином, коммунистом в каждой строке. Но сверх всего в творчестве, в поэзии Михаила Исаковского есть одна удивительная особенность, присущая лишь ему одному среди множества хороших и разных поэтов за всю половину века. Это поразительная, без малейшей натяжки, естественность жизненного содержания и ясная, без малейшего намека на то, что именуется поэтическими ухищрениями, простота его художественного выражения.

В том и объяснение, что многие и многие его стихи стали и всенародными песнями — подчеркиваю, именно всенародными, потому, что их пели не только артисты на сцене, а все и всюду. Пели и поют!

Что же это за особое явление такое, где его корни и первопричины? Критикой нашей оно замечено в творчестве Михаила Исаковского давно — иначе и быть не могло, — но, думается, исследование его пока не завершено и потому, быть может, лучше всего обратиться к Белинскому, который писал: «способность творчества есть талант, а способность быть народным в творчестве — другой талант, не всегда, а, напротив, очень редко, являющийся вместе с первым». И еще: «Народный поэт есть явление действительное, в философском значении этого слова». Все это Белинский считал «первым достоинством литературы и высшею заслугою поэта» и указывал, что такие таланты редки и подделаться под них никакой изворотливостью стиля и языка невозможно.

Верность жизненности содержания и мудрой простоте формы Исаковский пронес до конца, через мир и войну, через все горести и радости, непримиримый к стихотворным и песенным суррогатам, скромный до застенчивости, неизменно честный и душевный.

Провожая в последний путь Михаила Васильевича Исаковского, мы провожаем народного поэта, Советского народного поэта.

И уважительно склоняемся перед подвигом его жизни и творчества.

Николай ГРИБАЧЕВ

В ЧАС ПРОЩАНИЯ

В час последнего прощанья я возвращаюсь памятью к долгому пути в жизни и литературе, который прошел Михаил Васильевич Исаковский.

Сын смоленского крестьянина-бедняка из ельнинской деревни Глотовки, он с детства проходил суровые университеты жизни, голодая, холодал, под вечным страхом лишиться зренья, окунуться в непроглядную ночь слепоты.

И погиб бы он, не оставив следа, как гибли тысячи талантов в старой России, если бы теплые руки добрых людей начиная с детства и отрочества не поддерживали его, помбгая учиться в сельской школе, устраивая учеником в гимназию, благожелательно относясь к его первым литературным опытам.

И когда грянула Октябрьская революция, юноша, познавший все тяготы бедняцкой жизни, безошибочно нашел свое место в борьбе, уже в 1918 году вступив в ряды большевистской партии.

Работая помощником секретаря волисполкома, «однолошадным» редактором уездной газеты, десять лет участвуя в работе коллектива губернской газеты «Рабочий путь», Исаковский близко, «изнутри», видел и переживал все изменения, которые Октябрь внес в уклад жизни его родного края и всей страны.

Работа в редакции газеты открыла ему как поэту путь к сердцу большого читателя, предопределила на всю дальнейшую жизнь в литературе ненависть ко всему старому и косному и способность распознавать все то новое, к чему звали народ большевики, и воспевать это новое в стихах и песнях.

Сын своего великого времени, поэт, выходец из деревни, всем своим творчеством противостоял стилизаторству и воспеванию «уходящей Руси», характерным для многих его современников и сверстников из числа «крестьянствующих» поэтов.

О ком бы и о чем бы ни писал, он везде был поэтом-коммунистом, талантливым певцом героизма народа, созидающего социализм и коммунизм.

Простой, не отягощенный литературными украшениями, стих Исаковского близок к стихии устного народного творчества и верен традиции русского классического стиха.

Оттого он так доходчив, так близок сердцу современника, чувствующего в поэте верного выразителя своих самых заветных чувств и мыслей.

Прекрасный поэт, Михаил Васильевич был все годы своей жизни в литературе доброжелательным и взыскательным старшим товарищем, наставником многих наших современных поэтов. Достаточно сказать, что два его земляка, Александр Твардовский и Николай Рыленков, при жизни всегда благоговейно говорили о том, какую огромную роль играл Исаковский в начальной поре их творческого пути.

Угнетаемый слабостью зренья, он неустанно писал ответные письма, разборы и советы начинающим на присланные ими стихи, выступал в печати, посвящая свои статьи страстной борьбе за высокую, талантливую гражданскую поэзию, беспощадно разоблачая халтурщиков стиха и песни, засоряющих литературу жалкими суррогатами стиха.

Будучи неоднократно избираем своими земляками-смолянами депутатом Верховного Совета РСФСР, Михаил Васильевич всего себя отдавал помощи своим избирателям в разных делах и обстоятельствах их повседневной жизни и работы.

С уходом Исаковского из жизни в нашей современности образовалась пустота, которую будет нелегко заполнить, потому что ушедший, неся в своем облике черты, присущие всем настоящим советским поэтам, отличался «лица не общим выраженьем», обладал не каждому дающейся счастливой способностью говорить с народом по-народному, не снижая свой простой стих до «простецкого», не заменяя глубину и свежесть выражения нового поверхностной риторикой и декламацией.

Став при жизни подлинно народным поэтом, Исаковский и после смерти останется для миллионов людей живым собеседником и советчиком сердца, а для идущих в поэзию юношей — высоким примером служения делу построения коммунизма талантливым и честным стихом.

Алексей СУРКОВ

ПРОСТОТА, ИСКРЕННОСТЬ

Михаил Васильевич Исаковский вошел в мою жизнь как первый учитель русского языка. В 1940 году, когда в Литве была провозглашена Советская власть, в нашу деревню сразу пришли его песни. Мы, босоногие мальчишки, еще не понимая слов и часто коверкая их, во все горло пели «Прощанье», «И кто его знает» и в особенности — «Катюшу». Эти песни стали для нас азами русского языка. И кто знает, может быть, первооткрывателями русской народной души.

Да, Исаковского по праву можно назвать создателем песенного эпоса Советской России. Он воспел революционные преобразования деревни, те провода новой, социалистической действительности, которые протянулись под соломенными крышами; сердцем мужественным и нежным он рассказал нам о героизме и боли войны («В прифронтовом лесу», «Ой, туманы мои...», «Огонек»); напевными и задушевными словами он рисовал радость мирного человеческого бытия («Снова замерло все до рассвета...», «В поле», «Мы с тобою не дружили...», «Летят перелетные птицы»). Все это — его талантливое свидетельство о времени, о себе и своем народе, моральная и эстетическая близость к которым стала законом его поэтического мастерства и залогом его успеха.

«Стихи его простые, хорошие, очень трогают своей искренностью», — писал о первой книге Михаила Васильевича «Провода в соломе» М. Горький. Действительно, простота и искренность стали отличительными чертами его поэтического таланта. Этому нельзя подражать, с этим надо родиться. «Тайна» и счастье Исаковского в том, что он на всю жизнь сохранил цельное народное мироощущение, изначальную фольклорную непосредственность и близость к природе и человеку. Поэтому он и мог услышать, как колосится рожь и как пробуждается в душе любовь. И ему было дано воспеть все это. Воспеть самое необходимое самыми необходимыми словами. В простоте была его мудрость, в любви к своей земле и к своему народу — его сила, в стихах и песнях — его неповторимый и незабываемый подвиг.

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС
вильнюс

ГОРЬКАЯ УТРАТА

Когда-то давно, на вечере, посвященном 50-летию Исаковского, приводя шуточные, известные только близким друзьям стихи юбиляра, которые звучали примерно так (цитирую по памяти): «Нет у меня пасеки, не гожусь я в классики», А. Т. Твардовский говорил:

— Годишься, Миша, годишься. Ты классик и есть.

Да, это настоящий классик. Его стихи читают дети в букварях, его песни поет вся Россия. Ни одна статья или дискуссия о песне не обходится без его имени. Он единственный, у кого при жизни вышел том в большой серии «Библиотеки поэта».

Крестьянский сын, рожденный в глухой смоленской деревне, он явился из самой народной гущи. Он сказал мне как-то, к слову, что Твардовский в своем приветственном послании по случаю его, Исаковского, 70-летия, напечатанном тогда в «Новом мире», написал, что мать Исаковского была малограмотной крестьянкой. «Александр Трифонович немного ошибся, — заметил в связи с этим Исаковский, — она была совершенно неграмотна».

Какая удивительная судьба! Какие имена вокруг! Его замечает и поддерживает Горький, а он в свою очередь поддерживает юного Твардовского.

Он написал много прекрасных стихов. Еще в молодости меня восхитили его строки:

Хорошо походной вялой
Мять в лугах шелке отав...

Эта «вялая» походка сразу создавала настроение, характер, картину. Сейчас мне вспомнились «опять печалится над лугом» и про «осенние, последние, останние деньки».

Я не буду перечислять его песни — их все знают. Скажу лишь еще об одной: «Враги сожгли родную хату». Поразительно тонко в ней то, что гибнет не солдат, как обычно в песнях о войне, а его жена. Ведь солдаты всегда, почти так же, как их родные, встречно тревожились о них...

Уход М. В. Исаковского — горькая потеря для литературы и для всех, знавших и любивших его. Утешение одно — его поэзия будет жить и звучать очень долго. Может быть, всегда.

К. ВАНШЕНКИН

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Не стало удивительно светлого человека, доброго, мудрого, может быть, самого народного и — на всех этапах — очень современного поэта-певца. Творчество Михаила Исаковского, наверное, переживет века, а его знаменитая «Катюша» будет звучать, думается мне, и в те времена, когда на земле не станет границ и вернутся по домам пограничники, но останутся чистая, юная любовь, верность.

Я познакомился с Исаковским еще в тридцатом году — вначале с его стихами. Тогда, в годы первых пятилеток, песни Исаковского ехали и шли вместе с нами на комсомольские стройки, шагали в красных батальонах, они приходили в наши дымные бараки вместе с пайковым хлебом. В тех песнях были наша первая любовь, наша юношеская вера, а порою — грусть и печаль. Во время войны к нам, в партизанские отряды Полесья, которые на первых порах не имели связи с Большой землей, каким-то чудом пришла песня «Ой, туманы мои, растуманы». Мы даже не знали автора, но полагали, что он написал ее здесь, среди полесских партизан, настолько она была нашей.

Позднее, после войны, мне выпало счастье не только познакомиться, но и частенько бывать в доме Михаила Васильевича. Не раз заходил к нему с Александром Трифоновичем Твардовским — на перекур, как он говорил. Исаковский не любил никаких предварительных телефонных договоренностей. Мы просто заходили к нему — и тогда на середину комнаты выдвигалась огромная медная пепельница на специальной подставке, все закуривали, и начинался разговор. Михаил Исаковский — человек предупредительный, не очень разговорчивый и даже стеснительный — больше слушал других, но всегда успевал все же рассказать что-то очень значительное, глубокое и нужное. Особенно удивлял он меня знанием украинского и белорусского фольклора. Знал он великолепно и классическую, и современную поэзию Украины. Переводил на русский язык Тараса Шевченко, Лесю Украинку, многих нынешних поэтов.

Сейчас, в эти часы скорби и печали, невольно задумываешься, пытаясь постичь, в чем же сила огромного таланта Михаила Исаковского. И начинаешь понимать, что, кроме силы светлого, составляющего духовный мир неповторимого русского народного поэта, это еще талант памяти сердца. Каждый из нас, независимо от возраста, по песням Михаила Васильевича вспоминает свои самые волнующие события. И это память не календарная, не дневниковая, а широкая, эмоциональная память. Услышишь где-нибудь давнюю песню — и вздрогнет сердце, и предстанут перед тобой живые и мертвые друзья, и улыбнется в час свиданья любимая девушка, или заплачут в минуту военной разлуки мать, сестра, жена.

Не знаю другого поэта, который на каждом этапе нашей советской эпохи зажег бы такой неугасающий светильник памяти сердца. Это по плечу только большому мастеру, бесконечно любящему свой народ, свою землю, свою «суровую и ясную судьбу».

Платон ВОРОНЬКО
кика

ПРОНИКНОВЕННЫЙ ГОЛОС

Исаковский был поэтом огромной силы, покоривший и окрыливший людские сердца светлой, полной благородного мужества лирикой. Многие его стихи становились песнями. И многим из них суждено бессмертие.

Один из зачинателей советской поэзии, глубокий патриот, человек кристально чистой души, коммунист, он был одновременно и заботливым учителем, наставником, вдохновителем поэтической молодежи.

Учились у него многие. Рыленков, Малышко, Прокофьев, Кулешов — к этим именам можно добавить немало других имен поэтов, чей творческий путь сложился не без влияния Исаковского, его советов, его дружеской критики, его человеческого участия.

Жизнь ему виделась мечтой, которая теперь осуществилась. Он украшал ее своей поэзией. Она была тем садом, который возделывал поэт. И он же украшал ее собственной жизнью, дружбой, из которой рождается красота человеческого взаимопонимания. Михаил Исаковский был близок и дружен с Янкой Купалой и Якубом Коласом. Прекрасные плоды принесла его дружба с Александром Твардовским. И не только поэтические. Она — замечательный пример, идеал человеческих отношений, пронесенных через всю жизнь людей, посвятивших себя поэзии, службе народу.

И такой же ясной, душевной и гордой была его поэзия. Не нужно громких слов, чтобы оценить ее. Она — в каждом сердце. И, может быть, от нее нередко зависит работа сердца: его прямое, сильное биение. Старшему поколению памятно, как в суровые годы Великой Отечественной войны его песни вдохновляли на подвиг. А на скольких языках мира звучит его — нет, наша — «Катюша»? И на каких еще языках зазвучат, рассказывая о красоте души русского человека, его песни?

Он был подлинным интернационалистом — человеком, который близко к сердцу принимал боль и радость всех людей, всего человечества. И он делал все возможное, все от него зависящее, чтобы воочию показать, как прекрасно братство людей, братство народов.

...Несколько дней назад я разговаривал с ним. Тяжело больной, прикованный к постели, он волновался, что не выполнил одного своего обещания — написать воспоминания о товарище. Он хотел работать и работать.

Я старался подбодрить его, но у самого навертывались слезы.

Много лет я близко знал дорогого Михаила Васильевича. И сегодня, всем сердцем благодарный ему, низко склоняю голову.

Петрусь БРОВКА
МИНСК

ДОЛГО БУДУТ ЛЕТЕТЬ ЕГО ПТИЦЫ

Мы привыкли к тому, что М. Исаковский и по врожденной скромности своей, а в последние годы и по состоянию здоровья все реже и реже появлялся на многолюдных собраниях. Но мы знали, что он есть, что он здесь, с нами, даже когда его самого и не было рядом, что он следит за всем, что происходит в литературе, читает, несмотря на крайне слабое зрение, все, что печатается. Это его присутствие нужно было всем нам. И тем, кто близко знал его и дружил с ним, и тем, кто любил его замечательные стихи.

Нам нужны были его всеобъемлющая доброта и его принципиальная требовательность. Только очень добрый человек мог выступить так решительно против потока серости, многословной зарифмованной пустоты, маскирующейся под поэзию.

И вот нам сейчас надо привыкать к тому, что его уже нет с нами, что от него нам остались только его уроки: его доброта, его стихи и его улыбка. Это очень мало и очень много. Стихи Исаковского — не просто настоящая поэзия, но настоящая советская поэзия, настоящая русская поэзия. Долго будут лететь над нами его перелетные птицы. Долго будет звучать одинокая гармонь за околицей.

Я говорю об уроках Исаковского, хотя он совсем не был похож на человека, ставшего в позу наставника и назидательно поучающего окружающих. Главный урок, который нам надо помнить всегда, — это то, что поэты не должны уходить от народа — ни ввысь, ни вдаль, ни вглубь. Они должны всегда идти вместе с народом — и ввысь, и вдаль, и вглубь. И тогда поэт обретет свое настоящее место в сердце народа, тогда он обретет право именоваться народным.

Карло КАЛАДЗЕ
ТБИЛИСИ

МАСТЕР

Есть поэты, которые ярко и своевременно приходят в литературу и навсегда остаются в ней, как постоянно действующее событие.

Таков Михаил Исаковский.

Известная книга его «Провода в соломе» сказала не только о том, что «новый с поля пришел поэт», но и о том, что на селе вырос новый человек с новым отношением к себе и к жизни. Неподдельная связь с народом, с его трудовой нравственностью, с его щедрой любовью к хорошему человеку, к Родине никогда не прерывалась у Исаковского ни в душе, ни в творчестве.

Люди моего поколения, которым сегодня уже за сорок, сначала узнали песни Михаила Васильевича Исаковского и только потом, спустя какое-то время, впервые услышали имя их автора, замечательного поэта. Эти песни существовали для нас, как воздух, как лес и поле... «Вдоль деревни...», «Дайте в руки мне гармонь...», «И кто его звает», «Дан приказ: ему — на запад...». Тогдашние, довоенные школьники, рожденные при Советской власти, мы считали эти песни существовавшими всегда, то есть народными.

Да так оно и оказалось. Народные песни.

Неувядаемая «Катюша», давно неподвластная времени, на какие только берега она не выходила! И во время войны, и после. «Где ж вы, где ж вы, очи карие?», «В лесу прифронтовом», «Летят перелетные птицы» и многие другие шедевры нашего песенного искусства, созданные Михаилом Исаковским, свидетельствуют об особом, именно песенном складе его таланта.

Михаил Исаковский был не просто глубоко одаренным поэтом. Он был еще и настоящим мастером в полном смысле этого слова. Всегда поражаешься, как слова повседневного обихода, найдя свое место в его строке, внезапно начинают «сиять заново».

Большой мастер, он знал родной язык, как жизнь, и хранил его в чистоте, как совесть. Он знал цену слова, как знал цену хлеба. Он зарабатывал слово своими руками, и поэтому ему претило неряшливое, нахлебническое отношение к языку, против чего он неоднократно и со всей определенностью выступал.

Целомудренное отношение к стиху, к тому творческому методу, который он избрал совершенно естественно, выражалось у него и в самом строе его поэтической фразы, и в покоряющей доверительности его своеобразной, «исаковской» интонации.

Сейчас, когда мы провожаем в последний путь Михаила Исаковского, с какой-то гордой болью за этого замечательного русского человека, большого советского поэта, повторяешь про себя строки одного из последних его стихотворений:

Еще и солнце радует,
И синий воздух чист.
Но ледяной и падает
С деревьев мертвый лист.

Еще рябины алые
Все ждут к себе девчат.
Но гуси зеленодалые
«Прости-прощай!» кричат.

Еще нигде не вымокнится,
И всходы — зелены.
Но все пруды и лужицы
Уже застеклены...

Хочу, как в годы ранние,—
Хочу, брожу, смотрю.
Но только «до свидания!»
Уже не говорю...

Прощайте, дорогой Михаил Васильевич. Песни не умирают.

Владимир СОКОЛОВ

Научно-техническая революция
Человек
Литература

НОВЫЕ ОБРАЗЫ — НОВЫЙ ЯЗЫК

М. КОЛЕСНИКОВ

полемические заметки

ДОЛЖЕН ЛИ писатель изображать человека непосредственно в процессе труда? Вопрос отнюдь не риторический. Научно-техническая революция, я убежден, углубила разделение труда на руководящий, творческий и исполнительский, и в то же время во всех этих видах трудовой деятельности на первое место выдвигается начало творческое, ибо изменились условия труда.

Труд усложнился, соответственно усложнилась и психика человека, выполняющего те или иные операции. Кандидат психологических наук В. М. Мунипов отмечает, что деятельность операторов некоторых автоматизированных систем по их характеру, ответственности и значению можно сравнить с характером деятельности полководца, решающего судьбу операции стратегического значения. И здесь нет преувеличений. Оценка ситуации и принятие решения, управление автоматизированными системами — все это входит в круг обязанностей современного рабочего. И писателю, изображающему человека труда, нужно с этим считаться.

Целые поколения писателей периода «машинно-фабричного производства» — Ф. Гладков, М. Шагинян, Б. Горбатов, В. Ажаев и многие другие — показывали рабочего человека в его деятельности, которая требовала больших физических усилий, выносливости, порыва.

Но как воплотить в образы бури, разыгрывающиеся в мозгу того же внешне неподвижного оператора автоматизированной системы? И возможно ли при этом ограничиться запасом устоявшихся, прочно вошедших в нашу лексику слов? Нельзя ли при описаниях, скажем, завода избежать жестко звучащих, непривычных для слуха, а потому неприятных «комплексных автоматизаций», «оптимальных режимов» и т. п. — того, что принято называть «техницизмами»? Нужны ли техницизмы в художественном произведении или вторжение этих слов в романы и повести происходит из-за низкой языковой культуры писателя, его невзыскательности, произвола?

Социологи А. Гусаров и В. Радаев в весьма любопытной книге «Беседы по научно-технической революции» рассказывают об интересном опыте студентов, которые составили словарик из слов, появившихся за последнее время под влиянием НТР. И оказалось, что, выбросив эти слова из обихода, невозможно прочитать и понять статью о современных социальных и научных проблемах. Это ли не свидетельство того, что язык обогащается новыми словами, новыми понятиями, которые порождены самой жизнью?! Сейчас идет ускоренная ассимиляция, казалось бы, чужеродных слов, которые в короткие сроки становятся вполне освоенными. Как тут быть? Не замечать этого реально существующего процесса? Делать вид, что с языком ничего особенного не происходит? Легкий путь. Но верный ли? Мне кажется, не следует ограждать наш словарь от вторжения новых слов.

Суровый ревнитель чистоты русского языка А. Фадеев считал, что читатель «обязан привыкнуть к технической терминологии в современном романе, ибо нельзя написать современный роман, обходя вопросы техники, в наш век невиданного технического развития». И писательская практика подтверждает это положение. Нельзя ограничиться «светским» разговором и бытовыми сценами, изображая, к примеру, современного кузнеца, занятого автоматизацией свободной ковки на гидропрессах с помощью радиоактивных изотопов.

К сожалению, некоторые критики, находящиеся в плену уходящих вкусов, форм, представлений, твердо стоят на постаменте нормативности — всякое новое понятие, введенное в художественное произведение, вызывает у них бурный «охранительный» протест. Но ведь развитие литературного процесса от этого не остановится.

Один пример: «Человеческий труд кипел здесь, как огромный, сложный и точный механизм. Тысячи людей — инженеров, каменщиков, механиков, плотников, слесарей, землекопов, столяров и кузнецов — собрались сюда с разных концов земли, чтобы, повинуясь железному **закону борьбы за существование** (здесь и далее выделено мной. — М. К.), отдать свои силы, здоровье, ум и энергию за один только шаг вперед **промышленного прогресса**... Он стоял около **сварочной печи**, следя за работой. Каждую минуту громадный пылающий зев печи широко раскрывался, чтобы поглощать один за другим двадцатипудовые «пакеты» раскаленной добела стали, только что вышедшие из **пламенных печей**. Через четверть часа они, протянувшись с страшным грохотом через десятки станков, уже складывались на другом конце мастерской длинными, гладкими, блестящими рельсами».

Какое точное описание технологии проката рельсов! Автор не убоялся таких жестких понятий, как «закон борьбы за существование» (чем это лучше «оптимального режима»?), «промышленный прогресс», «сварочная печь», «пламенная печь». А ведь это опубликовано в 1896 году в «Русском богатстве» — «Молох» А. И. Куприна! Кстати, «пламенные печи» и сейчас называются так.

Можно привести бесконечное множество примеров в подтверждение того, что во все времена описание в художественной литературе производственного процесса требовало специфических слов, и они не воспринимались как техницизмы. Какова мера употребления таких слов? Стоит ли устанавливать норму? Их требуется ровно столько, сколько необходимо для создания у читателя представления о производственной атмосфере, для передачи того особенного, что составляет сущность данного вида труда, данного вида человеческой деятельности.

Писатель, изображающий производственную деятельность людей, всегда стоит на пересечении художественного и инженерного мышления. Черты новой, формирующейся поэтики ощущаются в интересном сборнике очерков и рассказов «Будни и праздники», недавно вышедшем в издательстве «Советский писатель» (составитель сборника А. Медников). Это коллективная работа московских литераторов, рассказывающая о ведущей роли рабочего класса во всех областях нашей жизни. Сочетание документальной достоверности и художественного осмысления героики труда позволяет увидеть одновременно и реальных людей, и героев художественных произведений, прототипами которых эти люди стали.

Язык рассказов и очерков может показаться непривычным, как бы утяжеленным специфическими терминами. Конечно, в силу того, что очерк идет по горячим следам событня, он вбирает «промышленную» лексику смелей, активней, чем рассказ. Но и в рассказах уже чувствуются лексические приметы времени.

Раскрыв сборник, я словно окунулся в атмосферу научно-технической революции, почувствовал биение пульса девятой пятилетки, увидел, как на практике происходит реализация решений XXIV съезда КПСС. Стоит отметить очерк Г. Кублицкого «Аномалии и закономерности», очерк Н. Кузьмина «Рабочий человек», заводские рассказы Н. Лепина, очерки Е. Ананьева, В. Шалыгиной, В. Горбачева, В. Дягилева, А. Старкова, рассказы Е. Воробьева и В. Василевского.

Анатолий Медников в очерке «Главная линия» рассказывает о «симбиозе науки и техники». Вместе с писателем мы присутствуем на испытании автоматической линии. Автор не боится утомить нас технологическими подробностями, ибо то, о чем он рассказывает, интересно. Герой очерка А. Медникова — человек труда, который способен разобраться в самой сложной современной технике. Прослеживая, как совместными усилиями рабочих и инженеров утверждалась на заводе комплексная автоматизация, А. Медников размышляет: «Какое это имеет отношение к литературе?»

И отвечает: «Имеет отношение, товарищи! Имеет!.. Уже по одному тому, что это тяжелая физическая работа и она вовсе не притягивает к себе молодежь, и обрубщиков найти трудно: никто не хочет глотать пыль; уже по одному тому, что до сих пор никто и нигде не видел какой-либо обрубной машины, простого машинного приспособления, даже автомата ни на заводе, ни в конструкторских бюро, ни в Академии наук, — уже в силу одного этого технологическая проблема становится и общественной, по-человечески важной, имеющей отношение к нравственному самочувствию и закалке людей одной из самых тяжелых литейных специальностей. А следовательно, и в какой-то мере к литературе».

Нравственное самочувствие коллектива... О нем заговорили совсем недавно, его еще называют «психологическим климатом» в цехе, в бригаде, на заводе. Герой рассказа Вадима Кожевникова «Об Иване Фомиче» озабочен состоянием «психологического климата» и своей молодежной бригаде монтажников. «Морально психологическая устойчивость в нашем деле — высшая квалификация». — думает он. Кожевников с присущим ему мастерством изображает зрелые социальные формы жизни, показывает на примере своего героя, как формируется в производственных условиях человек высокого социального достоинства, морально надежная личность. Выползков думает о новой функции предприятия как опорного пункта для развития интеллектуальных и нравственных сил человека.

Ивану Фомичу приходится заниматься не только «психологическим климатом», но и труднейшей проблемой квалифицированной рабочей силы, вопросами управления: «Партия по-научному велит руководить... Есть даже такая теория — моделирование... Человек обязан вокруг себя широко умом шарить, конструктивно соображать. Тогда он заметная личность». Это разговор о принципиально новой роли труда в жизни человека, о том, что невиданное ранее развитие *индустриального производства* предъявляет к рабочему все более высокие профессиональные и моральные требования.

Сборник «Будни и праздники» объединил рассказы и очерки, в которых поставлены многие важные вопросы девятой пятилетки. Здесь нашли отражение не только дела людей и их характеры, но и конфликты, порожденные спецификой времени и человеческой психологии. Хотя все эти произведения неравноценны по своему художественному уровню, они, как я уже сказал, отражают дух времени, масштабность свершенного.

Понятен ли язык этой пронизанной индустриальным духом книги широкому читателю? Я думаю, понятен. Ведь читатель тоже изменился. В книгах он ищет себя сегодняшнего, и пока мы, писатели, спорим, порождают ли новые условия существования свой специфический язык, читатель уже разговаривает на этом языке. У нас на глазах интенсивно проходит процесс формирования нового социального типа труженика будущего. Это и есть наш читатель. И мы хотим разговаривать с ним на языке людей, приобщенных делами своими к будущему.

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации К. Соколова к сборнику стихов Владаса Шимкуса «Улья». Издательство «Советский писатель».

У. ГУРАЛЬНИК

БИОГРАФИЯ И ГЕОГРАФИЯ

Что такое краеведческое литературоведение? Чем привлекает оно широкого читателя? Каковы его задачи, опыт, по каким путям должны идти дальнейшие поиски в этой области? Вот те вопросы, над которыми размышляет сегодня доктор филологических наук У. Гуральник.

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ литературоведение, пожалуй, теснее, чем какая-либо другая литературоведческая дисциплина, связано с практическими проблемами современного культурного строительства. Ведь именно с познания родных мест начинается любовь к родной земле, ко всей стране. «...*Любой из нас*, — писал К. Паустовский, — думая о своей стране... не представляет себе нечто обширное и туманное, а, наоборот, ясные, знакомые ему, конкретные и любимые места в России, — свою подлинную родину, «*родину своего сердца*».

Литературоведческое краеведение призвано воспитывать в человеке чувства *национальной* гордости и интернационального братства, повышать эстетическую культуру масс.

Однако достаточно ли четки наши представления о предмете этой отрасли науки, об ее возможностях и перспективах? Если судить по характеру, качеству, целенаправленности иных книг, появляющихся как в центральных, так в особенности в периферийных издательствах, представления эти еще отличаются крайней расплывчатостью.

От частого повторения потеряло свою первоначальную свежесть мудрое изречение Гёте о том, что надо побывать в «стране поэта», если хочешь поэта понять. Но именно в наш век совет веймарского старца воспринят как призыв к действию: сотни тысяч ценителей художественной культуры, желая приобщиться к истокам вдохновения любимых поэтов и писателей, отправляются в их «страны»: в пушкинские Тригорское и Михайловское, лермонтовские Тарханы, толстовскую Ясную Поляну, тургеневское Спасское-Лутовиново, в памятные места, связанные с жизнью и творчеством Тараса Шевченко и Ильи Чавчавадзе, Яна Райниса и Александра Блока, Владимира Маяковского и Сергея Есенина...

Печать, в том числе и «Литературная газета», озабочена «музейным взрывом», трудно поддающимся разумному регулированию хождением туристов по священным литературным — и не только литературным — местам. А краеведение? Стимулирует ли оно естественный интерес нашего современника к культурным реликвиям прошлого? Вооружает ли массового читателя необходимой суммой знаний? Что пропагандирует из культурного наследия прошлого? Вопросы эти отнюдь не праздные и, как мы убедимся, вполне актуальные.

Начать хотя бы с того, что позарез нужны путеводители. Их мало, выходят они, как правило, ограниченными тиражами, и далеко не всегда отвечают требованиям, которые должны предъявляться к сочинениям этого жанра. Как часто путеводитель представляет собой нечто среднее между ординарной лекцией о жизни и творчестве деятеля литературы, родившегося или жившего в данном месте, и описью экспонатов, принятых на хранение материально ответственными лицами...

Казалось бы, в этих условиях положительный опыт надо бы собирать по крупицам, как золотой песок. Однако, к сожалению, он еще не стал предметом серьезного анализа. И действительно. Часто ли мы встречаем в нашей периодике квалифицированные, дельные и доброжелательные отзывы на издания этого класса? Не так давно «Московским рабочим», например, были изданы книжки К. Пигарева «Мураново» и Л. Будяк «Новиков в Москве и Подмосковье». Первая, написанная известным литературоведом с отличным знанием дела и пониманием специфики жанра путеводителя, что в данном случае совсем немаловажно, не удостоилась даже краткой аннотации в центральной печати. На второе издание появилась сердитая рецензия. Были отмечены действительные упущения молодого автора, но о функциональных качествах этой книжки, подготовленной именно краеведческой редакцией, не было сказано ни слова.

Между тем ответить на вопрос, в чем же все-таки специфика такого рода изданий, стоило. И действительно. Что такое *литературно-краеведческая книжка*? Какой должна она быть?

Конечно, предлагать какие-либо рецепты — дело почти всегда безнадежное. Но все-таки некоторые *соображения высказать хочется*. Во-первых, и я твердо в этом убежден, литературно-краеведческое издание не может и не должно дублировать историко-географические очерки. Очевидно также, что мы не вправе ограничиться и просто рассказом о тех или иных памятных местах и — параллельно — жизнеописанием литераторов, с *этими местами связанных*. Успех будет сопутствовать лишь тому изданию, в котором факты биографии писателя органически переплетаются с повествованием о крае его сердца. С этой точки зрения удачной представляется нам небольшая брошюра Л. Рейнуса «Достоевский в Старой Руссе». Она вышла в Лениздате к юбилею писателя вторым, исправленным и дополненным изданием. Основательная по материалу, серьезная по тону изложения, ничего не упрощающая в сложном мире идей и образов Достоевского, книжечка эта обогащает нас знанием фактов, которые многое объясняют в творческой истории произведений Достоевского, например «Братьев Карамазовых». Притом и автор, и издательство не забывают о принадлежности брошюры литературно-краеведческому жанру и не превращают ее ни в автореферат диссертации, ни в тезисы статьи, предназначенной для ученых записок. Издание хорошо иллюстрировано, снабжено облегчающими им пользоваться приложениями: «Основные даты жизни Ф. М. Достоевского в Старой Руссе», «Старые и новые названия улиц Старой Руссы» и др.

Не только названная брошюра, но и ряд других работ того же жанра, выпущенных Лениздатом, заслуживают доброго слова. Хотя и с некоторыми оговорками. Вот книги последних двух-трех лет: «Тургенев в Петербурге» Г. Бялого и А. Муратова, «Достоевский в Петербурге» Е. Саруханян, «Герцен в Петербурге» М. Перкаля.

Авторы этих книг сосредоточили свое внимание на хроникально и территориально связанных с великим городом на Неве страницах жизни и творчества классиков. Книги эти, насыщенные ценным информационным материалом, выдерживают серьезные академические критерии. Но тем не менее читателю неспециалисту пользоваться ими довольно сложно. Почему? Да потому, что, в сущности, перед нами варианты основательных литературоведческих монографий. Между тем как, на наш взгляд, книги подобного рода, обладая высоким научным качеством, должны создаваться в первую очередь как справочники и путеводители. Они должны стать добрыми советчиками на пути в «страну поэта».

Таким образом, и здесь мы *опять-таки вплотную* подходим к вопросу о специфике литературоведческого краеведения. Вопросу, на который, к сожалению, в специальной литературе вы конкретного ответа не найдете.

А ответ нужен, потому что новые требования жизни властно диктуют и новые приемы работы, тогда как на многих литературно-краеведческих изданиях все еще лежит отпечаток вчерашнего дня. Инерционность мышления авторов проявляется прежде всего в стереотипной манере подачи материала, в жанровом окостенении и композиционном однообразии книг. Случается, что о разных писателях, живших в разное время и в разных условиях, по-разному смотревших на мир, авторы рассказывают, прибегая к одному и тому же набору штампованных фраз-блоков.

С другой стороны, краеведам, *людям, как правило*, основательным и дотошным, подчас изменяет чувство меры и соразмерности. Порою их стремление к всеобъемлющему охвату материала, желание не упустить хотя бы одну малейшую деталь бывают поистине безудержными. Конечно, что и говорить, энциклопедизм и склонность к абсолютной полноте изложения сами по себе похвальны. Но всегда ли оправдана эта попытка «объять необъятное»? Установка на всеохватность неизбежно приводит к тому, что в едином потоке информации как бы растворяется значительное в не очень значительном, большое — в не очень крупном. Во-вторых, стремление к полноте абсолютной не всегда согласуется с самой жанровой природой книги, рассчитанной на широкую читательскую аудиторию. Ведь совсем это не легкое дело — соединить научность с популярностью.

К числу наиболее значительных литературно-краеведческих изданий, обнародованных в начале 70-х годов, мы бы отнесли сборники Н. Пряннишникова «Писатели-классики в Оренбургском крае» (Южно-Уральское книжное издательство, 1970), Н. Милонова «Русские писатели и Тульский край» (Приокское книжное издательство, 1971). Первая книга выходит уже в третий раз, вторая — повторно. Читая их, испытываешь чувство *глубокой признательности к авторам*. Перед нами — итог многолетнего кропотливого исследовательского и собирательского труда.

«Обилие писательских имен, в той или иной мере связанных с Тульским краем, ставит перед нами немалые трудности, — пишет Н. Милонов, — ...мы пойдем по пути строгого отбора из обширнейшего, поистине необозримого материала, имея в виду прежде всего значение писателя в русской и мировой литературе, степень читательского интереса к нему, а также меру того, что дал наш край для творчества того или иного писателя, для формирования его мировоззрения, творческой индивидуальности и что, в свою очередь, внес сам писатель в жизнь края...»

В принципе путь этот избран верный. Только вот, к сожалению, не всегда придерживаются наши краеведы этого принципа.

Сильные и слабые грани литературоведческого краеведения на современном этапе четко обрисовываются на примере сборника Олега Ласунского «Литературные раскопки». Он появился в 1972 году в Центрально-Черноземном книжном издательстве. В сборник вошли девять очерков-рассказов об историко-литературных разысканиях автора, связанных с жизнью и творчеством писателей-воронежцев. Отличный знаток предмета исследований, О. Ласунский по-новому ставит и решает некоторые частные вопросы, представляющие общественный интерес. Он вводит в научный обиход им добытые архивные данные, а документальная оснащенность для литературно-краеведческого издания, как известно, — тоже не последнее дело.

О. Ласунский пишет увлеченно, темпераментно, эмоционально, поэтому книга читается легко и свободно. Не случайно ее уже положительно оценила наша критика. И все-таки эта книга вызывает двоякую реакцию. И все потому, что зачастую увлеченные поиски автора ведутся на обочине, а не на главных магистралях историко-литературного движения.

Могут возразить: и на обочине случается обнаружить достойные внимания факты. Не спорим. Но как важно научиться, и именно об этом написал Н. Милонов, производить строжайший отбор «из обширнейшего, поистине необозримого материала». И как существенно, добавим мы, умение, не впадая в экстаз, соотнести каждый вновь установленный факт с явлениями первого ряда. И потому вряд ли заслужил анекдотический вымогатель автографов некий Поляков почти печатный лист в небольшом, экономном по объему сборнике О. Ласунского.

Отдадим должное литераторам-краеведам: они закрывают белые пятна и пятнышки на нашей «генеральной карте». Приподнимая завесу над иными малоизученными явлениями в истории национальной духовной культуры, они способствуют более всестороннему освоению художественного наследия прошлого. Не надо только забывать о единых масштабах и объективных критериях оценки этого прошлого. Ведь неучет их приводит к нарушению реальных пропорций, к смещению исторической перспективы.

Извлекая из забвения иного местного литератора, не надо вступать в спор с судом истории: его приговор большей частью справедлив и обжалованию не подлежит. «Приподымание», исходя из соображений местного патриотизма, общественно-литературных деятелей прошлого только на том основании, что они земляки, даже подчас своеобразная их идеализация — примета не преодоленных до конца, устаревших представлений о целях и задачах литературоведческого краеведения.

С другой же стороны, нельзя забывать и о том, что современный читатель, отправляясь в «страну поэта», как правило, владеет определенной суммой историко-литературных знаний. Элементарные сведения он свободно извлечет из любого добротного учебника по отечественной литературе. Краеведческие издания люди, естественно, рассматривают как дополнительный источник добротной информации. А мы зачастую увлекаемся — в духе так называемого «занимательного литературоведения» — демонстрацией пикантных подробностей, пересказом мелочных, анекдотического свойства окололитературных фактов.

Пропаганда национальной художественной культуры — дело сложное и ответственное. Серьезного к себе отношения требуют различные ее формы. Краеведческие издания — одна из них, о чем теоретикам и историкам литературы забывать не стоит.

Всегда в памяти

НА РОДИНЕ ЯНКИ КУПАЛЫ

[illegible] липы, склонившиеся [illegible] поэту, озеро, [illegible] на его берегу... Живописны [illegible] помолодевшей Вязынки — мемориального заповедника, священного места для каждого, кому дороги имя и лира Янки Купалы.

В традиционном празднике поэзии на родине великого песняра приняли участие рабочие и хлеборобы, белорусские поэты и прозаики, артисты и композиторы, литераторы из Москвы и Ленинграда, Украины и Литвы.

Открыл праздник народный поэт Белорусской ССР Максим Танк. Со словами привета к собравшимся обратилась звеньевая колхоза имени 50-летия Октября, одна из лучших льноводов республики Нина Станевич. Она говорила о том, что мечты ее славного земляка стали счастливой явью. Преобразилась Вязынка, хлеборобы теперь собирают богатые урожаи хлеба, льна и картофеля.

— И рядом с нами, — сказала Н. Станевич, — наш дорогой Купала. Он живет в бронзе, в реликвиях дома-музея, в сердцах людей, любящих его бессмертное слово.

Один за другим на эстраду поднимались поэты, гости праздника. Долго звучала белорусская, русская, украинская, литовская речь. Сыновья народов-братьев славили свое социалистическое Отечество, дружбу советских людей, величие их дел и свершений. Затем с эстрады праздник шагнул на поляны мемориального заповедника, где до позднего вечера звучали стихи и песни Янки Купалы.

«ИВАН НАЗАРОВ» ПРОДОЛЖАЕТ ПУТЬ

...Мощный грузовой теплоход класса «река — море» держит путь на север, к причалам Дудинского порта, с грузом клинкера для Норильского горно-металлургического комбината. «Иван Назаров» — читают на его борту жители прибрежных поселков. И вспоминают: это же имя — на корешках книг, стоящих на полках во многих домах.

«Были великой реки», «Дети шкипера Горячкина» и другие произведения писателя Ивана Назарова пользуются прочной любовью читателей, особенно в Красноярском крае. Многие годы их автор был членом Красноярской писательской организации. В прошлом году его не стало. Иван Михайлович был не только литератором. В течение трех десятилетий он возглавлял коллектив Енисейского пароходства. «Адмиралом Енисея» называли его. И потому вдвойне закономерно присвоение его имени труженику-теплоходу.

— Теплоходом командует капитан Марусев, — рассказал корреспонденту «ЛГ» заместитель начальника пароходства С. А. Качалов. — Он — из молодого поколения енисейских капитанов, но уже считается опытным судоводителем. Иван Михайлович его хорошо знал и ценил.

— Мы будем дружить с командой, — говорит ответственный секретарь Красноярской писательской организации Анатолий Чмыхало, — будем ходить с речниками в рейсы, писать об их трудовых делах.

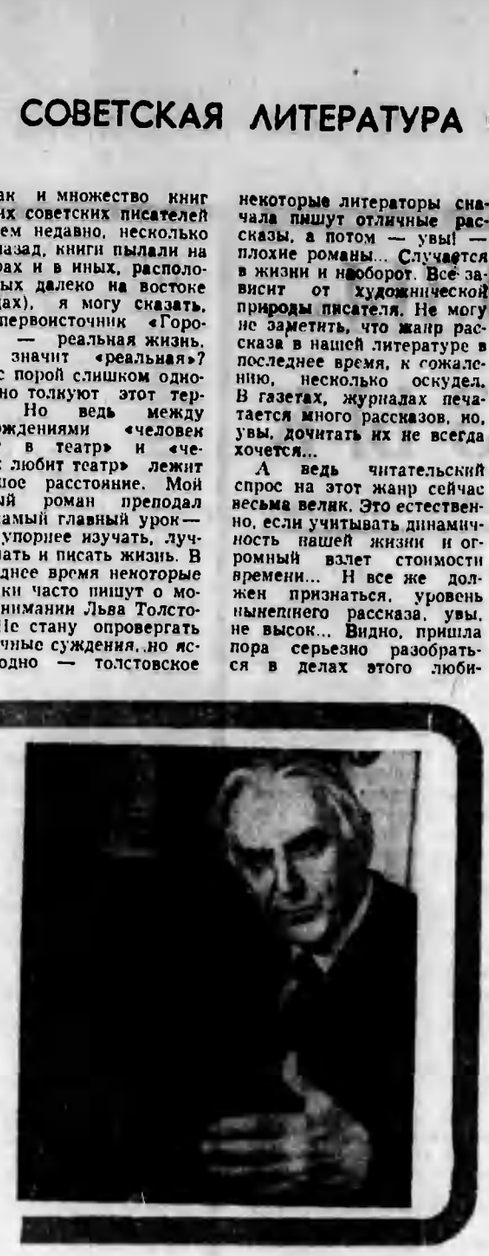
Велика флотилия судов с писательскими именами. Теплоход, носящий имя писателя-речника, — достойное ее пополнение.

Наш корр.

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

ДЕСЯТЬ ТОМОВ ЖИЗНИ

У Константина ФЕДИНА



1.

Событие, о котором мы ведем речь, происходит сейчас: подписчики нового «Собрания сочинений» Константина Федина получают 10-й, завершающий том.

Стало естественным и даже необходимым выписывать такие издания, которые позволяют нам, читателям, обозреть художнический путь писателя, еще раз пережить время, воплощенное в его произведениях. Когда знакомишься с «Сочинениями», испытываешь желание поговорить с автором, услышать его ответы на вопросы, возникшие при чтении. Думается, что эта потребность становится острее от того, что мы вновь перечитываем давно известные, а порой еще в юности увлекавшие нас романы, повести, рассказы, собранные воедино.

...Минувшей зимой, когда последние тома еще находились в производстве, я просил Константина Александровича Федина уделить время для обстоятельного разговора об этих сочинениях. Зима и весна были у писателя не из легких — болезни непрошено вторгались в жизнь... Но вот несколько дней назад Константин Александрович сказал мне по телефону:

— Жду вас завтра, в час дня, в Переделкине...

Много раз я приезжал сюда, в писательский городок, где в глубине небольшого зеленого участка стоит этот знакомый, открытый солнцу и ветрам старый деревянный дом. Константин Александрович встретил меня в саду.

— Значит, приехали? Тогда пойдемте ко мне и сразу приступим к делу, — предложил писатель. И мы отправились в дом, на второй этаж, в его рабочую комнату.

Я не раз дивился тому, как удалось хозяину на столь малой площади разместить так много книг. Они постоянно находятся в работе: одни стоят с закладками, другие чуть-чуть выдвинуты, третьи отложены в сторону — их читают, перечитывают, к ним прибегают за справкой... Все здесь подчинено труду писателя — и в этом ощущении меня «поддержал»... письменный стол: зимой, когда хозяин кабинета болел, на нем образовался небольшой завал, а сейчас, гляжу,— порядок: папки с рукописями — слева, необходимые книги и материалы — справа, рядом, а на «гвоздике» — новые густо исписанные страницы...

...Константин Александрович достает с полки новенький, еще пахнущий краской десятый том «Сочинений» и усаживается поглубже, поудобнее в кресле, понтрывает старой трубкой, которая лежит на столе просто так, напоминая о недавних «дымокурных» временах, и вопросительно смотрит на меня:

— Так с чего начнем?

2.

Вопросы были приготовлены заранее. И первый среди них — о том, как сам автор, человек большой и яркой жизни в литературе, относится к новому изданию своих «Сочинений».

— Прежде всего, я думаю, что это — будничное событие нашей литературной жизни, — ответил Константин Александрович. — Просто начало выходить новое издание моих «Сочинений», появился их последний том — вот и все. Издательство «Художественная литература» и знаменитая ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького помогли автору представить, как говорилось в старину, на читательский суд некоторые итоги его многолетней работы.

— Чем же отличается это издание от предыдущих?

— Видимо, это наиболее полный итог всего написанного мною за пять с лишним десятилетий работы в литературе. Да, действительно, нынешние сочинения кое-чем отличаются от тех, давних, которые выходили в свое время в 4, 6, 9 томах. Первые мои сочинения вышли 46 лет назад, в 1927 году, когда я закончил писать роман «Братья» — он-то и стал последним, четвертым томом собрания. Нынешнее издание, конечно, несколько иначе «сконструировано» и содержит некоторый дополнительный материал. Наибольшему обновлению подверглись три последних — 8-й, 9-й, 10-й — тома. Это моя литературная публицистика. Сочинения «обновились» за счет мемуарных произведений и «Приложения» — моей переписки с А. М. Горьким, впервые опубликованной здесь в самом полном виде. Большую помощь, особенно в подготовке этих томов, мне оказали редактор сочинений И. Чеховская и другие сотрудники издательства «Художественная литература», которые разыскали многие мои давние статьи, заметки, «nota bene», комментарии и, наконец, письма, то есть то, что, собственно, составляет бытование писателя, его связь с коллегами, товарищами, что помогает ему следить за книгами, литературным процессом. Одним словом, это моя литературная публицистика. Замечу, кстати, что этот жанр сейчас имеет особое значение, что было отмечено недавним пленумом правления Союза писателей СССР, обсуждавшим важный вопрос «Писатель и пятилетка». Своими новыми тремя томами я хотел высказать свое неизменное уважение к публицистике — жанру боевому, наступательному, очень важному сейчас, когда совершается великий народный подвиг созидательного труда, подвиг девятой пятилетки...

— Любопытно узнать, Константин Александрович, готовя тома новых «Сочинений», переписывали вы свои произведения или ограничивались лишь небольшими поправками? И вообще — как вы смотрите на эту немаловажную проблему: что может и что должен делать писатель, готовя свои давние произведения к новому изданию?

— Признаться, я не люблю переписывать, исправлять, одним словом, заново редактировать свои старые романы. Хорошо знаю, что существуют иные взгляды, другая писательская практика... Некоторые литераторы всю свою жизнь обновляют, редактируют, исправляют свои давние произведения... Разумеется, это — несомненное право каждого писателя, и никто, естественно, не может ограничивать его в этом. Но я лично не люблю, не могу и не хочу переписывать то, что уже печаталось и широко известно читателю. Когда я пишу свое новое произведение, когда я годами маюсь над новым романом, тогда я жестоко правлю — «черкаю», «чищу», «рублю», «просеиваю» текст.. Этот кропотливый процесс порой затягивается на долгие месяцы и даже годы, и, думается, такое происходит не только у меня одного. Но когда я в последний раз выверил страницу, тогда все, конец, точка — работа завершена! И раньше я поступал так, а сейчас и подавно. Николай Гаврилович Чернышевский на сей счет дал добрый совет. «В старости не годится переделывать то, что написано в молодости...» Мне опять же могут возразить: а вот Алексей Максимович все переписывал для своих «Сочинений», и некоторые наши современники поступают так же. Да, это действительно так, но я все же остаюсь верным совету Чернышевского.

— Следовательно, ваш первый роман «Города и годы», который был и одним из первых романов советской литературы вообще, напечатан таким, каким он появился почти полвека назад. Между прочим, в ту давнюю пору критика утверждала, что мироощущение главного героя этого романа Андрея Старцова якобы равно мироощущению автора... Как вы относитесь к этому утверждению, какие уроки вашего первого опыта в жанре романа оказались наиболее важными?

— Скажите, какой родитель равнодушен к своему первенцу?.. Конечно, первый роман — это не просто и не только первая книга писателя, первая панорама жизни, увиденная художником, — нет, это значительно больше, серьезнее и сложнее. Думая о своих «Городах и годах», я еще и еще раз утверждаюсь в давно сделанном для себя выводе: исследуя жизнь, историю, художник должен быть смелым и упорным, он обязан пробовать все мыслимые решения, которые ищет в своем будущем произведении.

Если сейчас предположить, что в «Городах и годах» я якобы вернулся к классическим истокам, то мне остается лишь сказать: *ничего подобного!* Когда я писал свой первый роман, то никому не подражал, никому не следовал. Я «искал себя», пытаясь выразить в романе то, что ценно для всех. «В себе искать всех» — в этой мысли, мне кажется, есть нечто существенное для романиста... А что касается «уроков первого романа», то на этот вопрос, по-моему, многосторонне ответил наш критик и ученый-литературовед Б. А. Бялик в только что вышедшей талантливой книге его статей «Подвиг литературы»... Могу лишь добавить: да, действительно, такие критические суждения («мироощущение главного героя равно мироощущению автора!») долгое время адресовались мне... Но если всерьез принять такое механическое подобие, то, право же, мне давно надо было бросить романистику: какой смысл всю жизнь заниматься самим собой? Какой это «путь», если вся писательская «мельница» работает так сказать, только на твое личное «самообслуживание»?

В свое время некоторые исследователи утверждали, что-де «Города и годы» — это всего лишь «автобиографический роман»...

Вспоминая о том, что в 30-е годы гитлеровцы жгли этот роман на костре, равно как и множество книг других советских писателей (совсем недавно, несколько лет назад, книги пылали на кострах и в иных, расположенных далеко на востоке городах), я могу сказать, что первоисточник «Городов» — реальная жизнь. Что значит «реальная»? У нас порой слишком однозначно толкуют этот термин. Но ведь между утверждениями «человек ходит в театр» и «человек любит театр» лежит большое расстояние. Мой первый роман преподал мне самый главный урок — надо упорнее изучать, лучше знать и писать жизнь. В последнее время некоторые критики часто пишут о моем понимании Льва Толстого... Не стану опровергать различные суждения, но ясно одно — толстовское утверждение: «Я пишу жизнь!» — для меня действительно является единственно бесспорным.

3.

Следующий вопрос:

— Во втором томе сочинений среди других произведений напечатан рассказ «Тишина», который вы написали «после житья в Дорогобужских дебрях, в деревне...» Горький высоко оценил этот рассказ, особо отметив в нем «сдержанность лирического чувства» автора. Потом вы написали еще несколько рассказов и — все, больше, кажется, не возвращались к этому жанру... Чем это объяснить? И вообще, какое место вы отводите жанру рассказа в современной литературе вообще?

— Маленький комментарий: в минувшие годы я не раз пытался получить у Константина Александровича ответ на этот вопрос. Но он говорил, что это тема особая, и откладывал разговор до случая. Сегодня случай, как говорится, приспел...

— Я уже давно живу в романах, и рассказы, признаться, меня с той поры не увлекают, — ответил Константин Александрович. — Но, избави бог, я не противник рассказа. Напротив, я высоко ценю этот жанр и всегда помню таких блестящих новеллистов нашей литературы, как Чехов и Бунин. В романе мне легче дышится, в нем все шире, просторнее, глубже, художник здесь испытывает больше свободы. Одним словом, здесь полнее ощутим размах жизни, а в рассказе все решает композиция, так сказать, **конструкция**. Мне могут справедливо возразить, заметив, что она играет немаловажную роль и в романе. Это, конечно, так, и все же в рассказе проблема «конструкции» проступает с особой силой. Чехов был природным рассказчиком и в этом жанре, как известно, достиг великолепных вершин. Бывает и другое: некоторые литераторы сначала пишут отличные рассказы, а потом — увы! — плохие романы... Случается и наоборот. Все зависит от художнической природы писателя. Не могу не заметить, что жанр рассказа в нашей литературе в последнее время, к сожалению, несколько оскудел. В газетах, журналах печатается много рассказов, но, увы, дочитать их не всегда хочется...

А ведь читательский спрос на этот жанр сейчас весьма велик. Это естественно, если учитывать динамичность нашей жизни и огромный взлет стоимости времени... И все же должен признаться, уровень нынешнего рассказа, увы, не высок... Видно, пришла пора серьезно разобраться в делах этого любимого читателем жанра. Несколько лет назад я отметил про себя любопытный «взрыв» читательской любви к рассказу. Помнится, была объявлена подписка на сочинения К. Паустовского, крупного мастера рассказа и новеллы, страшного фантазера и выдумщика, — и 600 000 читателей немедленно пожелали приобрести его книги. Издательству пришлось отступить, иначе оно лишилось бы всех своих запасов бумаги... Так оно было, и факт этот памятен. Да, рассказ у нас любят...

4.

— В четвертом томе «Сочинений» опубликован роман «Похищение Европы», который впервые был напечатан в 1933—1935 годах. В свое время об этом романе вы, Константин Александрович, писали, что «даже очень культурный читатель, даже критик, к примеру, все еще убежден в том, что романа не может быть без «единства сквозного действия»... Я отказываюсь от старомодного кинематографа, от беготни и суеты героев, от преобладания сюжета над образом. Я ищу идейного и образного единства романа...». Со времени этого утверждения прошло более 35 лет. За ати годы вы написали новые прекрасные романы, но сохранил ли силу тот ваш взгляд на его структуру?

— «От беготни и суеты» — вроде неплохо было сказано, не так ли? Признаться, от «беготни» я зарекался даже в пору «Серапионовых братьев», когда вспыхивали «бои» на тему — «писать, творить ради формы или ради существа?». Очень одаренный Лев Лунц серьезно критиковал за это Всеволода Иванова и меня... Время все ставит на свое место, утверждает, упрочивает главное, отметает случайное, второстепенное. «Похищение Европы»—один из моих первых романов. Следуя своему принципу, я не «обновляю» его, не правлю: или он выходит таким, каким я его написал, или он умирает — третьего не дано. Ну, а писал я его, следуя тому же принципу: пишу жизнь! Я видел биржевой день Амстердама, хорошо помню здание биржи, помню, как здесь, заложив руки за спину, невозмутимо шагали полицейские, а рядом, буквально в нескольких шагах, никого не замечая, жарко нежилась юная пара...

Структура романа... Думаю, что она всегда должна выражать дух и содержание произведения, а следовательно, жизнь, запечатленную в нем. Жизнь не знает пауз, значит, и структура романа будет развиваться, видоизменяться, выражая ее течение, ее развитие. Это происходит постоянно, а сейчас, быть может, особенно бурно происходит у нас, в советской романистике, да и во всем мире тоже. Роман по-прежнему любим, а значит, он молод, ярок, динамичен. Нынешнее состояние моего зрения, увы, не позволяет мне сейчас читать много, но даже то, что я читаю, дает право утверждать, что талантливые романисты есть у нас и среди молодых прозаиков, и среди «пятидесятников» и «шестидесятников»... У нас растет серьезная литературная смена, и среди них я отмечаю немало молодых, поистине ярких мастеров, которые — хочу верить! — напишут новые талантливые романы...

— Почти 30 лет назад, 25 ноября 1944 года, «ЛГ» напечатала отрывок из «Первых радостей», которые вместе со всей вашей трилогией вошли в сокровищницу советской романистики. Исследуя эти произведения, некоторые критики утверждали, что вы якобы вернулись к традиционному классическому русскому роману, отказавшись от поисков новой формы... Много тогда в связи с вашей трилогией писалось и об историческом мышлении писателя. Что вы сейчас можете сказать об этом?

— Да, было такое... Впрочем, кое-кто еще и сейчас утверждает, что я-де «вернулся» к традиционной форме русского романа и отказался от «былых поисков». ...На это мне хочется еще раз сказать: исследуя в произведениях жизнь, художник всегда остро ощущает свою кровную связь с тем, что было создано до него, и особенно с нынешним временем и будущностью народа. Одним словом, я никуда «не возвращался» и ни от каких поисков не отказался... Я просто писал и просто пишу!

А теперь — об историческом мышлении писателя. Проблема слишком серьезная, чтобы можно было пытаться исчерпать ее в таком разговоре... Задумывая свою трилогию, я откровенно говорил себе, что буду писать об Отечественной войне. Но это отнюдь не означало, что я стану изображать стрельбу, сражения, битвы... Как романист, я этого не знаю, а для публицистической работы такой натуры у меня много... У публициста, как у солдата, во время войны была одна задача — бить Гитлера, гнать фашистских захватчиков прочь с нашей советской земли. Я решил писать о войне, как о великом испытании сил народа. Лев Николаевич Толстой знал войну и как офицер, и это не в малой мере помогало великому художнику. Его собственная судьба, писателя и русского офицера, соединяет воедино повествование о свободолюбивом духе родного народа. Вот почему случилось так, что Толстой писал для настоящего и будущего. Именно в этом, видимо, и заключается суть исторического мышления писателя.

— В ваши «Сочинения» вошла широко известная работа — «Писатель, искусство, время», в которой обсуждаются проблемы развития романа. В 1963 году «ЛГ» напечатала вашу статью «Судьба романа», в которой вы писали: «Кризис романа? Кризис может переживать каждый художник, — это почти непреложно. Но есть ли, будет ли это кризис романа?..» С тех пор минуло десять лет... Как в эти годы, по вашему мнению, складывалась судьба романа?

— И минувшие годы мы не раз беседовали с вами на эту тему... И все же я понимаю настойчивое повторение этого вопроса: проблема весьма важная, попытки «похоронить» или по крайней мере «приговорить» роман «к смерти» все еще не иссякают... С чем связаны эти попытки — догадаться не сложно. И почему роман стал постоянной мишенью для «прицельной стрельбы» — тоже понятно. Я вспоминаю сейчас большую, посвященную этой проблеме международную дискуссию, которая в 1963 году состоялась в Ленинграде. Тогда некоторые наши зарубежные коллеги предсказывали быструю или даже, как некоторые увлеченно утверждали, почти несомненную гибель романа... А он, представьте, живет и, я не сомневаюсь, будет долго жить. Если кто-то все еще наивно предполагает, что роман можно просто так, механически «ликвидировать», то ему надлежит знать, что это возможно лишь при уничтожении литературы вообще, что, к сожалению, и в наше время кое-где происходит... Но, как нельзя упразднить труд, любовь, цветение земли, рассветы и закаты, песни, жизнь, точно так же невозможно упразднить литературу и самое ее могучее оружие — роман! И если говорить вполне откровенно, мне не представляются серьезными воинственные речи уничтожителей романа... Человечество уплатило весьма высокую цену за свою жизнь, свою культуру, за все созданное его разумом и трудом — нынешние памятные недели визитов товарища Л. И. Брежнева в США и во Францию напомнили об этом с новой силой! — чтобы лишать себя одного из самых прекрасных сокровищ своей духовной жизни. Вот почему к статьям и далеким дискуссиям о «близкой гибели» романа я отношусь вполне спокойно... Пусть себе!

— Наконец, еще один, последний вопрос — о «Костре»...

— То есть о заключительной книге, об окончании романа... В восьмом томе «Сочинений» я обещал закончить роман. «Давши слово — держись» — так я закончил обращение к читателям. И я «держусь», работаю... Правда, болезни нередко уводят меня от рабочего стола, но я хорошо помню это крепкое русское слово — «держись!». Будем жить, будем и дальше строить советскую литературу, которая, как известно, складывается прежде всего из литературы каждого писателя. Каждого, заметьте!

***

На этом наш разговор с Константином Александровичем завершился, хотя, разумеется, не все мои вопросы к автору «Сочинений» были исчерпаны... Да и как их исчерпать, если передо мною, читателем, были десять удивительных томов жизни и неутомимого труда, творчества писателя, который никогда не знал и не дает себе отдыха и покоя...

Наум МАР

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

С. И. МАЛАШКИНУ — 85 лет

В связи с 85-летием со дня рождения Сергея Ивановича Малашкина секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего славного 85-летия и 60-летия литературно-творческой деятельности от чистого сердца поздравляем Вас, одного из старейших русской советской литературы.

Вы вступили в ряды нашей ленинской партии, уже имея большой опыт революционной работы. Вы были вместе с рабочими на баррикадах Москвы в дни революции 1905 года, а затем и в Февральской революции 1917 года.

Ваши поэтические сборники, Ваша реалистическая, черпающая свое богатство из истоков народной речи проза широко известны советским читателям.

Желаем Вам бодрости, долгих-долгих лет жизни и новых творческих свершений».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

А. М. АРЗУМАНЯНУ — 60 лет

Писателю Ашоту Мартиросовичу Арзуманяну исполнилось 60 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по армянской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Примите наши сердечные поздравления и наилучшие пожелания в связи с шестидесятилетием со дня рождения и с высокой правительственной наградой — орденом «Знак Почета».

Мы хорошо знаем и ценим Вас, известного армянского очерциста, внесшего значительный вклад в развитие этого жанра в современной армянской литературе. Читатели высоко оценили Ваши документальные повести о выдающемся государственном деятеле нашей страны И. Ф. Тевосяне («Тайна булата»), о замечательном советском флотоводце И. С. Исакове («Адмирал»), об известном ученом-физике С. Н. Мергеляне («Чудесная эстафета») и др. Уже несколько изданий на армянском и русском языках выдержал составленный и прокомментированный Вами двухтомный сборник монографических очерков о жизни и деятельности большой группы известных в нашей стране и во всем мире ученых, деятелей искусства и литературы — сборник «Дружба», главной темой которого являются взаимоуважение, братство и нерушимая дружба советских народов.

Мы желаем Вам новых успехов на избранном Вами творческом пути, доброго здоровья и счастья».

П. Н. БИБЕ — 60 лет

Писателю Петру Никитовичу Бибе исполнилось 60 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного поэта, заслуженного работника культуры УССР, с шестидесятилетием со дня рождения.

Суровая школа Великой Отечественной войны, многолетняя работа в местной и республиканской печати дали Вам богатый материал для художественных произведений о патриотических делах советских людей — строителей коммунизма. Темы созидательного труда, дружбы и братства советских народов, героини Великой Отечественной войны являются ведущими в Ваших книгах «Братство», «Великий почин», «С любовью», «Слушаю сердце», «Ток», «Высь», получивших широкий общественный резонанс. Ряд Ваших произведений переведен на русский, белорусский, армянский, грузинский, чешский и другие языки.

Мы знаем и высоко ценим Вас и как активного общественного деятеля, опытного журналиста, работавшего на ответственных постах в ряде газет, в альманахе «Огни Приднепровья», а ныне являющегося главным редактором газеты «Культура и жизнь».

От всей души желаем Вам доброго здоровья, новых творческих успехов, счастья».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕНАТЫ

ДОМ ПОЭТОВ

В темной зелени подмосковного парка стоит двухэтажный особняк. Это музей-усадьба «Мураново» имени Ф. И. Тютчева. Здесь хранятся личные вещи поэта, его книги, рукописи.

Усадьба вошла в историю русской культуры под названием «Дом поэтов». В прошлом веке в Муранова неоднократно бывали многие известные литераторы. О гостях дома рассказывает портретная галерея, собранная в музее.

На снимках (слева направо): Ф. И. Тютчев, Н. В. Гоголь, Е. А. Боратынский, В. Ф. Одоевский, С. Т. Аксаков, А. Н. Майков, Денис Давыдов.

Фото В. КРОХИНА

СПОКОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК...

А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ

Александр Иванович Смирнов-Черкезов многие годы работал инженером-строителем. Он не торопился целиком переходить в профессиональные литераторы. Лишь впоследствии, и, надо полагать, не без колебаний, Александр Иванович окончательно выбирает журналистику, литературу, становясь к тому времени уже известным публицистом, прозаиком. Выходят его статьи, очерки, рассказы, повести, книги. Последние годы своей жизни он — член редакционной коллегии «Литературной газеты».

Помимо инженерную работу, Смирнов-Черкезов остается во всем верен своему «первому призванию». Оно и дальше имеет решающее значение в его творчестве. В архиве Александра Ивановича — немало набросков, замыслов, воплощенных начерно, заметок, пересказов запавших в память событий и характеров, будучи в разной степени законченными, все это — интересные материалы, обогащенные опытом и знаниями, конкретной и отсюда поднупающе достоверной атмосферой производства. В них художник органически соединяется с инженером, с человеком, живущим заботами производства, текущих строительных будней и пишущим как бы прямо оттуда.

Один из таких рассказов и представляется сегодня читателям «Литературной газеты».

Николай АТАРОВ

МЫ НЕ ЛЮБИМ нерешительных людей и не прощаем бездеятельных. И мы, конечно, правы. Но бывают случаи, когда иные наши оценки оказываются неверными. Бывает так, что, например, бездеятельность вроде бы... Впрочем, лучше рассказать один из таких случаев и тогда станет ясным, что иногда бывает.

Герой моей коротенькой повести Олег Иванович очень некрасив. Он немолод, худ и высок, покатый лоб его, как бы несколько продавленный посредине, резко скошен назад, губы необыкновенно толсты. Его тяжелые веки не могут подняться до конца и скрыться в положенное им место в глазницах, отчего ему приходится немного приподымать голову, чтобы посмотреть на вас.

В то время, о котором пойдет речь, Олег Иванович занимал должность начальника работ по монтажу металлических конструкций одного из высотных зданий в Москве. Я тоже работал там, но в должности более скромной и конструкциями занимался менее заметными, всего-навсего опалубкой колонн и плит перекрытий. И часто мне казалось, что Олег Иванович слишком уж спокоен...

Кто видел, как строятся высотные дома, тот должен знать, что сначала на фоне неба возникает как бы металлическая схема будущего здания.

Стальной каркас долго стоял так, с вознесенными над Москвой башенными кранами, пока строители одевали его камнем. Монтажники очень опережали нас, строителей. Когда каркас нашего дома еще только монтировали и монтажники работали на четырнадцатом этаже, а мы, бетонщики, возились на первых трех, вот тогда и произошел тот случай.

Дело было летом. Олег Иванович сидел один в своей дощатой клетушке — таких клетушек много было понастроено вдоль забора, — что-то писал и поминутно зевал. Не удивительно, день был хоть и погожий, но тяжелый — понедельник.

На столе зазвонил один из двух телефонов, тот, по которому можно было снестись с машинистами башенных кранов, минуя станцию. Олег Иванович лениво поднял трубку и услышал растерянный голос машиниста второго крана Будникова:

— Олег Иванович, я колонну упустил.

— Как упустил?! — вскричал Олег Иванович.

Машинист стал путано объяснять, Олег Иванович бросил трубку и выскочил во двор. Задрав голову кверху, он посмотрел на то место, где должны были ставить очередную колонну, и все понял.

Металлический каркас дома состоит из колонн и горизонтальных балок, или ригелей, как их еще называют. Сначала ставится колонна. На нашем доме они монтировались звеньями сразу на два этажа, значит, примерно восьмиметровой высоты. Колонна закрепляется внизу болтами, потом на нее укладывают ригели и тоже прихватывают болтами. А когда смонтированные таким образом конструкции выверят, все узлы креплений сваривают электросварщики. Дело, в общем, нехитрое, каждый читатель может понять, как это делается, если захочет.

Крановщик Будников поставил очередную колонну как раз посредине дома и самую крайнюю со стороны главного фасада. Два монтажника, сидевшие на ригелях верхом и лицом друг к другу, должны были закрепить ее болтами, но дыры не совпали, и один из них поднял вверх указательный палец и покрутил им, будто ввинчивая в небо. Это был знак крановщику, что колонну надо чуть приподнять. Будников, вместо того чтобы приподнять крюк, приспустил его.

Вот так и упустил он колонну. Крюк вышел из петли удавки, и колонна оказалась предоставленной самой себе. Монтажники посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, отползли по ригелям на безопасное расстояние.

А колонна стояла пока. Ветра не было, и она стояла. Так же неподвижно стоял внизу Олег Иванович и, задрав голову кверху, смотрел на нее. Смотрели на нее и оба монтажника, сидевшие верхом на ригелях, и Будников из своей кабины, и второй крановщик, и монтажники, обслуживавшие его кран, то есть все, кто работал вверху, на четырнадцатом этаже. А внизу только один Олег Иванович.

Он стоял, раскорячив ноги и запрокинув голову так далеко назад, что еще чуть — и должен был бы упасть на спину. И ничего не предпринимал. Каждую секунду колонна могла грохнуться вниз, в этот человеческий муравейник, а он стоял, смотрел и ничего не предпринимал.

Не знаю, где я был в эту минуту. Вероятно, на третьем этаже. В то время опалубку ставили там, на втором вязали арматуру, а на первом укладывали бетон. Работали в три яруса, и на каждом — сотни людей. Колонна пробила бы опалубку третьего этажа, опалубку и арматуру второго и только, может быть, бетон первого этажа смог бы ее удержать.

Если бы я стал в ту минуту рядом с Олегом Ивановичем, я бы, безусловно, заставил его забыть тревогу и вывести всех людей из тех секций дома, куда могла упасть колонна. Но обо всем, что произошло, я узнал много позже. А в то время, вероятно, копался в чертовски сложных опалубочных чертежах, не подозревая, что через минуту могу превратиться в кровавую лепешку.

Крановщик Петр Афанасьевич Будников — от него первого узнал я эту историю, которую потом изучил во всех мелочах, — так рассказывал мне о том, что произошло дальше:

— Смотрю я на колонну, смотрю, а по животу у меня как будто мурашки бегают. Потом поглядел вниз на Олега Ивановича, в просвете между конструкциями он мне хорошо виден был, и жду, какую команду подаст. Однако никакой команды он не подавал, смотрел — и больше ничего...

Петр Афанасьевич ухмыльнулся и покачал головой, вспомнив пережитый страх:

— Тут, слышу, окликнул меня Генка Желтухин и знаками командует: мол, подай гак, по-нашему, крюк значит. Мне лишь бы что делать и не стоять так. Да и вообще, Генка хоть и мальчишка еще, однако такелажник, краном вполне вправе командовать. Подаю гак, он велит его приспустить ему до пояса. Приспускаю. Смотрю, Генка вспрыгнул на блок, к которому гак подцеплен, и командует поворот к треклятой колонне. Я еще не понял, что он надумал, однако чувствую, что-то будет. Поворачиваю стрелу, Генка мой едет на блоке, будто барон этот... враль...

— Мюнхгаузен, — подсказал я.

— Ну да, будто Мюнхгаузен на пушечном ядре, и сигналит, чтобы поаккуратнее, а я и так не дышу. Подвожу его к колонне и останавливаю. Он требует еще ближе. Я легонько еще ближе подвожу. Слышу, Генка кричит: «Вира!» Как же, думаю, поднимать блок, ежели он на нем сидит? Сейчас все тросы полиспаста начнут ходить, одни вверх, другие вниз, за что он держаться будет? А тот опять кричит «вира» и рукой показывает. Сорвется, боюсь, парень, однако тронул я блок вверх и тут же выключил. Нет, вижу — Генка не дурак, держится за средний трос, тот, который наглухо к стреле крепится. Этот трос неподвижный, я-то не сообразил. Подал еще кверху. Генка доехал до самой удавки и скомандовал «стоп!», потом еще «чуть вира», но тут уже, конечно, я все понял, мог бы и без его команд выполнить. Подвел я гак к самой петле удавки. Генка нагнулся и накинул ее на гак, а я чуть-чуть подтянул. Колонна качнулась, однако, шалишь, брат, посадили бычка на веревочку... Вот так оно и было. Натерпелись мы страху, а я пуще всех. Спасибо, ветра не было.

— А как же потом слез с блока Генка? — спросил я.

— По самой колонне спустился на ригель и пошел по нему, как по проспекту, даром, что полки у ригелей всего двадцать два сантиметра самые широкие. Да вы, чай, не раз и сами видели, как они там вверху безобразничают.

— Должно быть, хорошо наградили Генку?

— Да нет... Вечером Олег Иванович отпустил ему «молодца», а потом и накричал еще.

— Сам-то он не ахти каким молодцом проявил себя, — сказал я.

Петр Афанасьевич пожал плечами.

Почему-то каждый раз в столовой мы с Олегом Ивановичем оказывались за одним столом, но тут, после того, как я узнал о случае с колонной, долго с ним не встречался. А меня так и подмывало высказать ему все, что я на этот счет думаю.

Однажды я пришел в столовую очень поздно, когда все уже отобедали, и, к своему большому удовольствию, застал там Олега Ивановича. Стараясь не смотреть на его неопрятные всегда за едой, толстые губы, я заговорил о колонне. Олег Иванович побагровел.

— Кто вам рассказал? — спросил он с досадой.

— Ваш крановщик Будников.

— Ему-то именно и не следовало трепаться.

— Может быть. Но кто-то должен был рассказать о героическом поступке Геннадия Желтухина. Я собираюсь написать о нем в нашей многотиражке. Об этом единственном, — многозначительно сказал я, — человеке на монтаже, который не растерялся тогда и выручил всех.

— Желтухин действительно не растерялся, но почему единственный? Откуда вы взяли, что я растерялся? Ведь вы, конечно, по моему адресу прохаживаетесь?

Для меня не было тайной, что он не отличается скромностью, но ведь это уже просто наглость. Я придумывал, что бы сказать ему поехиднее, как он огорошил меня словами:

— И, прежде чем писать в многотиражке, вы должны разобраться и понять, где начинается у этого парня героизм, а где кончается преступление.

— Преступление?!

— У вас, видимо, довольно превратное представление о том, что произошло. Впрочем, не удивительно, вам рассказывал Будников, у которого рыльце больше всех в пушку. Он вам про карабин, например, говорил?

— Нет.

— Разумеется, умолчал, старая шельма. Так вот, слушайте теперь, что я вам расскажу. Позвонил мне Будников: мол, упустил колонну. Между прочим, с опозданием позвонил, за что я тоже его ругал. Я выскочил, вижу — стоит колонна ребрами наружу, монтажники поставили ее шиворот-навыворот, поэтому и дыры не совпали. В таком положении колонна могла упасть только назад, внутрь здания или, наоборот, наружу, как раз на то место, где стоял я. Если бы она упала вовнутрь, то это было бы не страшно, там ригеля поставлены часто, и она спокойно легла бы на них... Конечно, не совсем спокойно, грохот был бы солидный, но вниз бы она не ушла. А если бы она вывалилась наружу, на то место, где я стоял, то я и сам бы убежал, и других отогнал. Успел бы, безусловно, успел, — предупреждая мое возражение, сказал Олег Иванович. — С пятидесятиметровой высоты колонна падала бы больше трех секунд, я потом вычислил.

— Двадцать один, двадцать два, двадцать три, — посчитал я. — Вот и прошло три секунды. За это время вы, возможно, успели бы кого-то оттолкнуть, но сами...

— Оставьте свои домыслы! Они приведут к тому, что вы и меня запишете в герои. За три секунды можно успеть чемодан сложить... Так вот, — продолжал он, посмеявшись собственной остроте, — стою я и смотрю наверх, на монтажников. Чего, думаю, растерялись, шляпы? Неужто не догадываются, что в таком случае нужно сделать? Нет, стоят и рты разинули. Кричать им было бесполезно, рядом компрессор работал, собственного голоса слышно не было. Бежать к телефону, сказать Будникову — опасно. За это время колонна могла сковырнуться и без меня придавить кого-нибудь. Что, думаю, делать?

— А почему вы не объявили тревогу, чтобы люди могли убежать из опасной зоны?

— Да вы что, молодой человек, в своем уме? (Между прочим, мне было тогда за сорок.) Поднялась бы паника, все хлынули бы к главному входу, то есть как раз туда, где должна была упасть колонна. Тут бы она накрыла многих. И вообще паника могла бы побольше бед наделать, чем упавшая колонна... Да, так вот, стою я, смотрю, вдруг вижу Генка этот дует вовсю наверх по лестнице и уже на восьмом этаже. Понял я, что он собирается как-то исправить свою ошибку. У меня немного отлегло от сердца, но все равно каждый мускул напряжен, стараюсь и колонну не упускать из виду, и за Генкой слежу, и караулю, чтобы никто ко мне не приближался. К счастью, за все время лишь один паренек да две девушки пытались в дом войти, но я их так бедняг шуганул... Наконец Генка добежал. Я думал, он взберется на стрелу крана и оттуда накинет на колонну петлю, так было бы безопаснее, а он, подлец, на блоке прокатился... Вот как было дело, молодой человек. Теперь мне ясно, что, если бы я поднял панику на стройке, вы бы мне диплом энергичного начальника выдали. Благодарю! Отказываюсь от такой чести.

Олег Иванович сделал величественный жест рукой, как бы отталкивая от себя что-то недостойное его.

— А в чем же преступление Желтухина? — спросил я, хотя уже начинал догадываться.

— Да, я и забыл, с чего начал... А в том, что он цеплял конструкции на крюк, у которого был сломан карабин. Он ведь такелажник и работает внизу. Будь карабин исправным, крюк никогда бы не соскочил с удавки. Это-то вы хотя бы понимаете? Ваш приятель Будников виноват больше всех, он не имел права работать с таким крюком. Вот о чем вам нужно написать в многотиражке, коли взялись за писательство.

Да, я был неправ. Я это понимал. И все-таки...

Вот какая история произошла с этим самым, казалось, слишком спокойным Олегом Ивановичем.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР...

...О ПРОБЛЕМАХ РАССКАЗА

ЯРОСТНЫЕ споры вызвал вопрос-просьба любознательного читателя из города Миасса. Сам того не подозревая, С. Курбангалеев родил целую дискуссию на страницах «ЛГ».

Перечитав выступления В. Короткевича, Т. Пулатова, В. Дрозда и особенно В. Оскоцкого, не могу согласиться с некоторыми их доводами.

В. Короткевич пишет: «Кто из нас, пишущих и читающих, мог бы из громадной книжной и журнальной продукции последних лет назвать хотя бы один-единственный рассказ, ставший событием?» И напрасно иронизирует В. Оскоцкий, прикрываясь броней антологии, вобравшей в себя, кстати, львиную долю рассказов, по времени написания не имеющих отношения к словам Короткевича: он-то имел в виду последние годы!

Что же, выходит, действительно рассказ деградирует? Нет, не так. Рассказ развивается, становится полновеснее, сильнее, литературные достоинства его из года в год повышаются. Разнообразней, интересней, оригинальней тематика, сюжеты, наконец, растет культура письма.

Современный рассказ, на мой взгляд, во много раз интеллектуальнее своих «предшественников», написанных на заре советской литературы и в 30—40-е годы.

Много пишется и издается хороших рассказов, но рассказа-события, действительно, нет и нет. Видимо, дело тут не только в профессиональном мастерстве. Нужна еще писательская страсть. Нужна постоянная, неослабевающая связь писателя с народом, позволяющая ему отбирать и отображать такие жизненные факты и явления, которые надолго запечатлелись в душе читателей, тогда и рассказ, видимо, будет настоящим событием.

Очень справедливо замечает В. Дрозд, что «рассказ не глыба, а прозрачный кристалл, и если в романе или повести пустоту можно прикрыть увлекательным сюжетом, то здесь эта пустота будет явной». На что В. Оскоцкий отвечает: «пустота» противопоказана роману или повести ничуть не меньше. Справедливо — пустота противопоказана всем жанрам. Но одна фальшивая нота для рассказа — это конец. А в романе или повести хорошо заметно, как та или иная сцена или эпизод, а то и глава написаны слабее других: тот или иной образ может быть более или менее удачным. Это и есть «пустота», имеющая место в романе, хотя она, безусловно, нежелательна. И такой роман (повесть) пройдет: судят-то его не по одной сцене. В дальнейшем критики укажут на «отдельные» изъяны, недоработки, но роман тем не менее к читателю попадет. А вот рассказу с такими качествами не жить.

Но все сказанное до сих пор я бы посчитал завязью. Пришло время плодоношения — и В. Оскоцкий сделал «открытие»: оказывается, у Ч. Айтматова речь шла совсем не о том, о чем спорят участники обсуждения, «не о закате жанра вообще, а о потоке его имитаций, которые грозят «эрозией художественного качества литературы». Вот так открытие: «эрозия художественного качества литературы» — да это как раз то, о чем увлеченно говорили участники дискуссии применительно к рассказу. Все они касались именно этого аспекта, не употребляя, впрочем, слова «эрозия». И даже если на минуточку согласиться с В. Оскоцким, что и участники обсуждения, и Айтматов говорили не о «закате жанра», почему же тогда сам В. Оскоцкий вдруг начинает доказывать жизнеспособность рассказа и высокий его уровень, поддерживая себя антологией? Почему, если «речь шла совсем не о том»?!

...Читая статью В. Оскоцкого, легко заметить, что автор «давит» именами классиков, а речь идет о современном рассказе. О рассказе, может, последнего десятилетия. Странно, что он не обратил внимания на столь существенную деталь, зато прорецензировал антологию рассказа за 50 лет.

Статья, как известно, называлась «Зачем же крайности?». Мне кажется, вопрос в некоторой степени может быть адресован библиотекарю Л. Ногатыревой. Во всяком случае, так хочется воскликнуть, читая ее заметку.

Л. Ногатырева сомневается, что, читая рассказы, можно «вынести какие-то важные социальные и нравственные уроки, найти подтверждение своим мыслям, своей мечте о добром и прекрасном», «Все эти возможности, — пишет она, — присущи роману, но никак не рассказу». Автор боится, что «слабые плечи рассказа» не выдержат «тяжести неподъемные». В том-то и дело, что у настоящего рассказа, который защищали В. Короткевич и, думаю, все читатели, — плечи не слабые! Они-то выдержат! И могут, так же как и роман, дать все то, в чем сомневается библиотекарь из Таганрога.

О больших возможностях рассказа замечательно писал Белинский: «Жизнь наша, современная, слишком разнообразна, многосложна, дробна: мы хотим, чтобы она отражалась в поэзии (имеется в виду творчество в целом. — Л. Н.), как в граненом, угловатом хрустале, миллионы раз повторенная во всех возможных образах, и требуем повести (термин «рассказ» тогда был неупотребителен и под повестями разумелись и рассказы. — Л. Н.). Есть события, есть случаи, которых, так сказать, нехватило бы на драму, не стало бы на роман, но которые глубоки, которые в одном мгновении сосредотачивают столько жизни, сколько не ижить ее и в века: повесть ловит их и заключает в свои тесные рамки. Ее форма может вместить в себе все, что хотите — и легкий очерк нравов, и колкую саркастическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жестокую игру страстей».

Леонид НЕРСЕСОВ, филолог

БАКУ

...О ФАНТАСТИКЕ

ПИШИТЕ О ЧЕЛОВЕКЕ БУДУЩЕГО!

В наше время в науке столько нового, не похожего на вчерашнее, что научная фантастика нам только не нужна. Мне совершенно не интересно, что будет через тысячи лет, мне хочется знать, что будет завтра, послезавтра, даже сегодня к вечеру! Хорошо бы всем фантастам переключиться не полуфризацию новых достижений сегодняшней науки. А уж если писатели не могут не фантазировать, то пусть они пишут о будущем человеке, о его уме, психологии, поведении. Вот такая фантастика была бы мне интересна!

В. ВУЛЬФСОН

МОСКВА

НЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЯТЬ

Меня удивляет, когда в споре о фантастике противопоставляются люди и техника. Ведь фантастическая литература — это не техническая литература! Это прежде всего литература о человеке, о долге, чести, страхе, любви и т. д., о человеческих чувствах, а не о реакторах и звездолетах. Фантастика научная — лишь прием, позволяющий поставить героев в необычные обстоятельства, позволяющий глубже и полнее раскрыть мир героев. А техника даже и не обязательна. «Техническая оснащенность» некоторых фантастических произведений Стругацких, по-моему, не больше, нежели в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Конечно, если рассматривать фантастику в целом, техники в ней сравнительно больше, нежели в других жанрах. И, конечно, мы не говорим о авторгающихся в этот жанр бездарных сочинителях, не способных изобразить людей и потому нагромождающих технику без чувства меры. Но бездарностей и в других жанрах, к сожалению, немало. И судить надо по лучшим образцам. В том числе и фантастику. Судя по этим лучшим образцам, фантастике нет нужды подниматься на следующую ступень, чтобы заговорить о человеке: она уже говорит о нем, как и вся наша художественная литература.

Л. ЯЙЛЕНКО

ДОНЕЦК

И ЭТО — «КРИЗИС»?..

Выступление Юлия Кагарлицкого и Еремея Парнова названо диалогом. Но поскольку диалог опубликован в газете, очевидно, он предполагал и третьего собеседника — читателей!.. А какие, собственно говоря, есть основания бить тревогу по поводу «кризиса научной фантастики», предрекать ей, фантастике, преждевременную смерть! Фантастикой у нас увлекается самый широкий круг читателей — от академиков до школьников. О фантастике спорят. Фантастику зачитывают до дыр. В магазинах и киосках расхватывают за считанные часы. В фантастике то и дело появляются новые имена. Ей посвящают не только отдельные статьи, но и объемистые монографии. Да и само опубликование диалога на страницах «Литературной газеты» свидетельствует о непреходящем интересе к научной фантастике. И это — «кризис жанра»!

Л. ХАРЛАМОВА

КИЕВ

ФАНТАСТИКА ИСЧЕРПАЛА СЕБЯ

В этом споре я целиком на стороне Ю. Кагарлицкого. Главное дело литературы — человек, душе человека. Реализм и фантастике в литературе всегда дополняли друг друга. В чем отличие фантастики вообще от фантастики научной! В том, как я понимаю, что научная фантастика основывается на данных науки и техники. Но что же в центре научной фантастики — техника или люди! Если техника, то это — не художественная литература. А если человек, то имеет ли смысл противопоставлять фантастику другим жанрам как нечто особенное! Я считаю, что научная фантастика в свое время обогатила литературу, но сейчас полностью исчерпала себя как особый жанр. В то, что она может выйти из кризиса, я не верю.

Н. ЯКОВЛЕВ

гор. ЗАВОДОУКОВСК Тюменской обл.

...О «ДЕТЕКТИВЕ»

ВОПРОС ОСТАЕТСЯ ОТКРЫТЫМ

Вопрос о «детективе», который неоднократно поднимался «Литературной газетой», так и остается, по сути дела, открытым. Существует ли такой жанр? Его приметы? Даже статья В. Ардаматского «Еще раз о «детективе» ответа, по-моему, не дает. Да и трудно ответить на такие вопросы, пока нет теоретического осмысления проблемы, пока не выяснена, не определена жанровая специфика «детектива». Теоретические работы есть, но разрозненные. Пожалуй, настала пора для обобщений, которые позволят решить проблему причастности «детектива» к «большой» прозе и правомерности выделения его в особый жанр.

Н. МОДЕСТОВА, доцент

КИЕВ

ДИСКУССИИ НЕ НУЖНЫ

А не кажется ли вам, уважаемые товарищи, что читателям «Литературной газеты» совсем не нужна подобная дискуссия о «детективе»? Нам нужны сами «детективные» романы и повести. И побольше. И получше. Конечно, всем нам хочется, чтобы эти произведения были достаточно увлекательны, но не за счет дешевых трюков. Наши издательства, дающие «зеленый свет» «детективным» книгам, не должны принимать от авторов и доводить до читателя плохие, слабые рукописи. Нужно сделать так, чтобы читатель получал больше доброжачественной «детективной» и приключенческой литературы. А уж потом, добившись реальных результатов, и подискутировать не грешно...

Д. ШНЕЙДАС

КАУНАС

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ — СЛЕДОВАТЕЛЬ

Я не во всем согласен с В. Ардаматским. Хочет он того или нет, а «детективная» литература как таковая, безусловно, существует. К ней, как известно, мы относим романы, повести и рассказы, сюжет которых строится на раскрытии преступлений, чаще всего — загадочных, трудных для следователя, который и является главным героем таких произведений. Специфика сюжета, разумеется, накладывает свой отпечаток и на художественные приемы, которыми пользуются писатели. Я не знаю, достаточно ли всего этого, чтобы выделить «детективную» литературу в особый жанр. Вероятнее всего, недостаточно. Ну, пусть будет не жанр, а вид. Во всяком случае, «детективная» литература — понятие того же порядка, что и литература научно-фантастическая или, скажем, приключенческая.

Единственное, в чем я могу согласиться с В. Ардаматским, это в неправомерности отождествления литературы «детективной» с литературой приключенческой, в частности с книгами о разведчиках. Сам В. Ардаматский, кстати, пишет интересные произведения такого плана, они мне нравятся, но к «детективной» литературе, право, никакого отношения не имеют...

Конечно, во всех видах художественной прозы есть произведения хорошие, есть посредственные, а есть и просто плохие. В «детективной» литературе, которую я очень люблю, халтурных поделок, к сожалению, особенно много. Но это другой вопрос. Об этом, мне кажется, и надо в первую очередь вести разговор.

А. СИДОРОВ, кандидат технических наук

ЛЕНИНГРАД

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Х. Х. ГАШОКОВУ — 60 лет

Писателю Хусину Ханаховичу Гашокову исполнилось 60 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего шестидесятилетия и сорокалетия творческой деятельности шлем Вам, признанному поэту Советской Черкесии, свои добрые приветы и наилучшие пожелания.

Пастух, затем рабочий-ставочник, Вы прошли большой путь, стали писателем-профессионалом. Автор лирических сборников, повестей, пьес. Вы внесли заметный вклад в литературу родного народа. Большую творческую работу Вы долгое время и плодотворно совмещали с ответственной деятельностью руководителя Карачаево-Черкесской писательской организации.

Советский патриотизм, созидательный труд, особенно молодежи, — вот главное и столь нужное направление Ваших талантливых произведений.

Желаем Вам хорошего здоровья, новых творческих успехов».

Р. Н. АСАЕВУ — 50 лет

Писателю Ревазу Николаевичу Асаеву исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по грузинской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с пятидесятилетием со дня рождения. Ваши первые поэтические сборники были тепло встречены читателями. Любовь и Родина, светлый и радостный мир современника, трудовая доблесть лучших сынов ее — все это присутствует в Ваших стихах, отмеченных тонким лиризмом и гражданственностью.

В своих книгах «Моя Осетия», «Человек родился жить», «Милость народа» Вы воспеваете мирный труд на мирной земле, которую отстояли советские люди в труднейшие дни войны, в которой Вы принимали активное участие.

Желаем Вам доброго здоровья, счастья и новых творческих успехов».

И. П. КАЗИМИРОВУ — 50 лет

Игорю Петровичу Казимирову исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по украинской литературе и Иностранная комиссия СП СССР направили юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с пятидесятилетием со дня рождения.

Около 25 лет работаете Вы в аппарате правления Союза писателей Украины, внося свою ценную лепту в благородное дело дальнейшего развития и укрепления братских взаимосвязей между литературами народов СССР.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, новых успехов в труде, большого личного счастья».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

КИНО И ОБЩЕСТВО

АНКЕТА «ЛГ»

15 УЧАСТНИКОВ И ГОСТЕЙ VIII МОСКОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ» «ЛГ»

Ф. Бальмаседа Ф. Ванчини А. Р. Годой

Х. Зееман А. Карина А. Кахлик

С. Крамер Д. Лоллобриджида К. Макк

Т. Мифунэ П. Обье Ю. Озеров

Д. Ольбрыхский Б. Поль В. Щепанович

1. КАКОЕ МЕСТО ЗАНИМАЕТ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, КИНО В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА?

Фернандо БАЛЬМАСЕДА,

режиссер (ЧИЛИ):

— Искусство кино всегда будет необходимо людям.

Уже здесь, в Москве, на фестивале, я увидел отрывок из документальной ленты, снятой на Ближнем Востоке. В каком-то глухое местечко приехал импровизированный кинотеатр, смонтированный в небольшом ящике. В допотопный проектор вставляется старый, исцарапанный ролик, луч электрического света заменяет отброшенный зеркалом солнечный зайчик. В боковой стенке ящика есть прорези для глаз. Хозяин, он же киномеханик, крутит ручку, и несколько счастливцев приникают к отверстиям в стенке. Нищие, оборванные крестьяне толпятся в очереди в этот «кинотеатр», выкладывают последние медяки.

Конечно, киноэпоха братьев Люмьер позади. Однако даже такой кинематограф завоевывает любовь людей. К сожалению, новейший широкоформатный экран нередко преподносит нечто мало достойное эпохи. Кино не только технически, но и своей общественной, творческой миссией должно соответствовать современности.

Хорст ЗБЕМАН,

режиссер (ГДР):

— В наши дни, в условиях разрядки международной напряженности, роль кинематографа еще более усиливается. И это, разумеется, повышает ответственность людей, создающих фильмы. Многое сейчас убеждает нас в реальной возможности упрочить безопасность народов в Европа, да и на всей планете. Я лично стремлюсь внести свой творческий вклад в это великое дело современности.

Тосиро МИФУНЭ,

актер (ЯПОНИЯ):

— Значение кинематографа в жизни мира огромно. Еще одно тому свидетельство — Московский кинофестиваль, который проводится в многонациональном государстве и на котором представлено киноискусство необычайно большого числа стран. Этот фестиваль привлекает меня своим интернационализмом, демократическими, народными традициями. Как члену жюри, актеру, режиссеру и просто человеку мне особенно интересно было увидеть здесь, на фестивале, произведения не только развитых стран, но и, главное, стран, начинающих свой путь в кино.

Меня восхищает, что киноискусство в Советском Союзе—государственное, общенародное дело. Я приветствую сотрудничество наших стран в области кинематографии, в частности совместную работу над фильмом «Дерсу Узала» Акиры Куросавы и советских кинематографистов.

Флорестано ВАНЧИНИ,

режиссер (ИТАЛИЯ):

— Кино — это Вавилон. В нем столько всего вместилось: прекрасного, гордого, умного, отвратительного, жалкого... Модель нашего мира.

Но в основе подлинного искусства всегда лежит светлое, гуманистическое начало. Кино не в силах самостоятельно перестроить мир не более справедливой основе. Но помогать этому оно обязано.

Любой фильм продолжается в зрителе. А если нет продолжения за порогом кинозала, фильм мертв, он — муляж. Вне жизни современного ему общества кино не существует.

Стенли КРАМЕР,

режиссер (США):

— Роль кино в современном мире велика, и она все растет и растет. Но, к сожалению, наибольшее влияние оказывают как раз те вещи чисто внешнего характера, которым легче всего подражать. Происходит следующее: все женщины вдруг начинают одинаково причесываться, или носить одинаковые платья, или молодые люди начинают ездить на мотоциклах в одинаковых кожаных куртках и джинсах. Они увидели все это в нашумевших фильмах, которые им понравились, и взяли за образец. На них оказала воздействие «внешняя» сторона в кинематографе. И так — сплошь и рядом.

Если же кто-то предполагает, что через кино в широких масштабах столь же легко распространяются более глубокие и куда более трудные для подражания вещи,— интеллектуальные, моральные, философские, — то, на мой взгляд, увы, он ошибается. То, чему легче подражать, и проникает легче.

Тем не менее кино позволяет художнику выразить свои мысли и чувства с наибольшей, максимальной полнотой, какая невозможна ни для художника, показывающего свою картину на выставке или в музее, ни для певца, выступающего в «Метрополитен-опера», и так далее. Моей мечтой всегда было говорить одновременно с возможно большим количеством людей. Поэтому я считаю, что не существует отдельного кинематографа для элиты и отдельного для массового зрителя. Это неправильное определение. Есть один общий экран.

Карой МАКК,

режиссер (ВЕНГРИЯ):

— В Москве в дни фестиваля я видел телерепортаж о вручении Л. И. Брежневу международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Это заслуженная награда. Политика мира, проводимая Советским Союзом, отвечает интересам тех самых людей, которые сидят около меня в кинотеатре и смотрят наши фильмы. Мы, кинематографисты, должны своей работой способствовать улучшению взаимопонимания между народами.

Армандо Роблес ГОДОЙ,

режиссер (ПЕРУ):

— Кино очень тесно связано с современным миром, объемля все его аспекты. Это искусство родилось столь недавно, что его историю можно обозреть как историю жизни одного поколения. Не перегруженное, как другие искусства, предысторией, уходящей в глубь веков, где теряются истоки, кинематограф «догнал» их, дав миру шедевры, вошедшие в историю культуры на равных основаниях с произведениями литературы, живописи, музыки.

Кинематограф — самый распространенный способ человеческого общения. Он привлекает в свои залы по сравнению с другими искусствами самое большое количество людей.

Нам неизвестна эмоциональная реакция зрителя, посещавшего театры Древней Греции. Остались документы, которые, естественно, эмоций не передают. Возможно, что реакция эта была сходной с той, которую мы наблюдаем в кинозалах. Но театр зарождался как средство локально-национального выражения, а то время как кинофильм с самого начала предназначен мировому потреблению. Этому есть одно косвенное подтверждение: статистика показывает одинаковую по всему миру картину возвращения зрителя в кинотеатры после многолетнего увлечения телевидением. В Перу, например, в 1972—1973 годах количество кинозрителей увеличилось на 26 процентов.

Анна КАРИНА,

актриса (ФРАНЦИЯ):

— Кинематограф воспитывает своего зрителя, учит его понимать мир, дает ему колоссальную информацию. Самое главное—утоляет потребность человека в спектакле, в зрелище. Мир нуждается в кино, несмотря на возрастающую, на мой взгляд, роль телевидения, которое в чем-то все-таки заменяет кино, являясь также зрелищем, и даже более комфортабельным.

2. КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТОМУ, ЧТО СЕКС, ЖЕСТОКОСТЬ И НАСИЛИЕ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ЗАНИМАЮТ БОЛЬШОЕ МЕСТО В ЗАПАДНОМ КИНО?

Ф. БАЛЬМАСЕДА:

— В буржуазном обществе секс, насилие — это тот же товар, которым торгуют, которым спекулируют. Что только не придумаешь, чтобы хоть на секунду отвлечь внимание простых людей от нищеты, безработицы, всего, что неразрывно связано с понятием «капиталистический мир».

Правда, многие крупные художники, используя в своих картинах, например, мотивы жестокости, отражают быт общества, в котором живут. Они заставляют потрясенного зрителя задуматься, тревожат, будоражат мысль, мобилизуют на активный протест.

С. КРАМЕР:

— Показ секса на экране часто клеймится как порнография. У нас, в Соединенных Штатах, Верховный суд принял постановление, которое разрешает даже местным властям в городах принимать определенные меры, если усматривают в какой-то картине порнографию. Сказано так: если вы считаете, что это порнография, заклеймите, запретите демонстрацию. Ибо это очень условная вещь. Здесь многое зависит от того, какими глазами смотреть на что-то: один смотрит «нормальными» глазами, другой, даже когда смотрит на Венеру Милосскую, видит совсем не произведение искусства...

Ф. ВАНЧИНИ:

— Секс — это отвратительное явление в искусстве. Действительно, у нас стало нормой: если в фильме заранее не запрограммированы секс или насилие, продюсер не даст ни сольди на постановку. Да, я обошелся без этого в фильме, который шел на конкурсе в Москве, — «Убийство Маттеотти», но здесь редкое исключение, только подтверждающее правило. Если картина не будет иметь прокатного успеха (она закончена совсем недавно, фестиваль в Москве практически стал для нее премьерой), то я останусь при своих принципах и без денег на новую постановку.

Даниэль ОЛЬБРЫХСКИЙ,

актер (ПОЛЬША):

— Вероятно, запретных тем для экрана нет. Важно, как показывать, для чего показывать. Если жестокость ради жестокости, если это самоцель, тогда искусство кончается.

3. ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ О ВОЗРОСШЕМ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ИНТЕРЕСЕ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ КИНЕМАТОГРАФУ?

Ф. ВАНЧИНИ:

— Кино — исследователь, анализатор социальных процессов — должно давать людям массовый, показательный урок истории. Я об этом задумался, еще когда ставил фильм «Долгая ночь 1943 года». Рассказывая о мрачных днях фашизма в Италии, я испытывал настоятельную потребность обратиться к истокам этого страшного явления, объяснить средствами своего искусства, почему же стала возможной «долгая ночь». Так я пришел к фильму «Убийство Маттеотти». Дело не только в прошлом, надо было сейчас призвать к единству и решительности демократические силы перед лицом реакции.

Успех политического кинематографа закономерен. Это естественный отклик на желание миллионов людей увидеть на экране то, что их глубоко волнует сегодня. На Московском фестивале демонстрировалось немало таких фильмов. Среди наиболее ярких впечатлений — советский фильм «Это сладкое слово — свобода!».

С. КРАМЕР:

— Некоторые мои картины упрямо называли политическими, но я не выделяю политических картин из числа остальных. Ставя очередной фильм, я просто исследую те проблемы, которые меня волнуют.

Конечно, меня интересует то, о чем думают люди. Конечно, меня заботит то, что их волнует. Безусловно. Но для меня кинематограф прежде всего — способ поделиться с людьми своими размышлениями о жизни, обсудить проблемы... И, наверное, мне сопутствует какое-то особенное счастье — можете называть это удачей,—потому что то, что я сделал для самоутверждения, часто нравится и публике. Если же мои привязанности и любовь совпадают с тем, что дорого зрителю, я удовлетворен. А совпадение происходит только потому, что я люблю то же самое, что любят люди, потому что я люблю людей!

Если часть фильмов такого рода называют политическими — пусть. Дело, я думаю, не в названии. Если публике принимает фильм, если ей созвучны мысли, которые он несет, — это счастье для художника. Если картина сделана плохо и зритель ее не принимает, автору лучше раствориться в ночи...

Паскаль ОБЬЕ,

режиссер (ФРАНЦИЯ):

— Что такое политический кинематограф? Это тот кинематограф, где в основу сюжета положено политическое событие, как в других случаях выбирается сюжет детективный, мелодраматический, или же это фильм, который оказывает политическое воздействие на общество? Во всех случаях я верю в то, что фильм, если это, конечно, серьезное произведение искусства, может нести функции политического факта. И если в последние годы заметно возрос успех фильмов, в которых речь идет о политике, то это произошло потому, что люди больше стали интересоваться политикой, жить ею.

Кинематограф в нашей стране находится под давлением буржуазной идеологии. Она порождает своих героев — положительного или отрицательного (то есть антигероя), но от этого идеологические позиции не меняются. Мы хотели бы снимать фильмы, в которых героем был бы истинный герой истории — народ. Революционное советское кино уже в первые годы своего существования показало этого героя. Мы и сейчас еще не рассказали всего, что могли, о простых людях, о мужчинах и женщинах, а без рассказа о добрых тружениках а наше время обойтись трудно.

А. КАРИНА:

— Если говорить о том, какой след оставляет фильм у зрителя, то, несомненно, политический кинематограф влияет на самосознание публики, вскрывая факты, спрятанные от «среднего», от непосвященного человека. Хорошим примером может служить «Похищение» Ива Буассе, фильм, представленный на Московском фестивале.

Деление фильмов с точки зрения зрительской аудитории, по-моему, правомерно, это факт естественный. Не думаю, что в основе этого лежит деление на «сложные» или «простые» по структуре фильмы. Часто случается, что банальная история по своей глубине превосходит формально изощренные произведения. Художник, делая фильм, должен относиться сознательно к тому, что публика, которая придет смотреть его работу, будет неоднородной. Он заранее должен ориентировать свой фильм на ту или иную аудиторию.

Фильм «Жить вместе», который я сняла недавно, адресован интеллигенции, потому что рассказывает об этих кругах. И то, что главными зрителями моего фильма были именно эти люди, меня не смущает.

Антонин КАХЛИК,

режиссер (ЧЕХОСЛОВАКИЯ):

— Фильмы Московского фестиваля говорят со всем миром, и мне кажется, что многие картины социалистических стран отличаются глубоким идейным содержанием, художественным мастерством. В моем собственном творчестве меня увлекают проблемы молодежи и политическое кино. После «33 серебряных перепелок» я снял политический фильм «Преступление в «Синей звезде», посвященный событиям 1920 года, предшествовавшим возникновению Коммунистической партии Чехословакии. Сейчас я собираюсь снять еще два политических фильма — о Клементе Готвальде и о последних годах жизни Ярослава Гашека.

Бернар ПОЛЬ,

режиссер (ФРАНЦИЯ):

— Я взял для своего фильма «Бомаск» сюжет, который счел актуальным для современной Франции. Изменился «контекст» романа Роже Вайяне, по которому он снят. Рабочие живут в другой среде, их образ жизни изменился (прошло двадцать лет со дня появления романа), но проблемы остались те же. А именно они и интересуют меня: профсоюзные конфликты, борьба рабочих с владельцами предприятий, защита своих прав. Рассказывается «банальная история». Но цель моя заключалась в том, чтобы она, выдвинув проблему на первый план, заставила человека, сидящего в зрительном зале, задуматься над ситуацией, в которой он находится и к которой ранее он относился, быть может, бессознательно.

Так называемое «рабочее кино» во Франции находится в трудном положении. Рабочие ходят в кино гораздо реже, чем буржуа, — примерно один раз в месяц, поэтому они не могут влиять на репертуар, создавать успех какому-либо фильму. Это я испытал на опыте проката своего фильма «Время жить». Буржуазная публика его игнорировала, и он сошел с экрана раньше, чем привлек внимание тех, кому был предназначен.

Я не уповаю на то, что все профсоюзные конфликты после «Бомаска» будут решены. Но художник должен ставить перед собой не только сиюминутные задачи.

4. КАК ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ СЕБЕ ОТНОШЕНИЯ КИНО И ЛИТЕРАТУРЫ?

Бранимир ЩЕПАНОВИЧ,

сценарист (ЮГОСЛАВИЯ):

— Ответ на этот вопрос вытекает из нашей собственной творческой практики, которая еще и еще раз подчеркивает, что кинематограф кровно связан с литературой и работа для экрана, для миллионов кинозрителей тоже требует от литератора максимального напряжения сил.

Как создавался сценарий нашего конкурсного фильма «Сутеска»? Тема фильма — одна из решающих битв югославских партизан с гитлеровскими полчищами в районе Сутески, одно из важнейших событий в истории нашей революции, нашей освободительной войны. В архивах хранится огромное количество материалов, здравствуют многие участники этих событий. Их воспоминания были бесценным материалом для меня, сценариста, и для режиссера Стипа Делича, с которым мы сообща работали над этим фильмом четыре года. Главная наша идея заключалась в том, что этот фильм должен воспроизвести на экране глубокий патриотизм югославских партизан, нашего народа, который во главе с товарищем Тито в битве на Сутаске показал массовый героизм в борьбе с фашистами, за свободу своей родины. Работая над литературной первоосновой фильма — над сценарием, я стремился к тому, чтобы он был пронизан подлинным историзмом, чтобы правдиво воспроизвел эту тяжелую, кровопролитную битву, когда, против 120 тысяч отборных гитлеровских войск сражались 20 тысяч бесстрашных югославских партизан. Литератор, который пишет для кино, подвластен одним и тем же законам литературы: он должен писать правду, истинную жизнь.

Джина ЛОЛЛОБРИДЖИДА,

актриса (ИТАЛИЯ):

— Связь литературы и кинематографа—это очень серьезный вопрос. Мне, скажем, очень нравятся советские экранизации произведений классики. Недавно я видела «Дядю Ваню» и плакала. Я в восторге от советских экранизаций Шекспира.

Мне приходилось много сниматься в кино, но, признаться, у меня еще не было роли, которой я могла бы гордиться. В представленном на Московском фестивале фильме «Пиноккио» я играла для детей: меня трогают их любовь к сказкам и непосредственность чувства. Но моя мечта — сыграть героиню произведения русской классической литературы. Это пока секрет, но я надеюсь, что в скором времени буду сниматься в совместном советско-итальянском фильме по одному из произведений Чехова, которого очень люблю.

Д. ОЛЬБРЫХСКИЙ:

— Литература всегда идет чуть-чуть впереди кино. Чуть-чуть, но впереди. И это прекрасно. Пока так будет продолжаться, кино не потеряет хороших эталонов.

Ф. ВАНЧИНИ:

— В литературе, скажем, давно известно понятие «документальная» проза». Кинематографисты прежде всего на ее опыте убедились, что конкретный факт часто впечатляет больше фантастического вымысла, а сухой, но точный пересказ реальных событий может, словно запутанный детектив, держать зрителя в постоянном напряжении.

Развитие кино и его взаимодействие с литературой определяют главное — соотношение твоего искусства с жизнью. Главное — что ты хочешь сказать людям и нужно ли им это.

В этом суть и литературы, и кино.

Материалы «круглого стола» «ЛГ» готовили А. ДРАНОВ, Н. МАР, Д. ОСТРОВСКИЙ, Л. ПОЛЬСКАЯ, Р. ПОСПЕЛОВ, Г. ЦИТРИНЯК, Н. ШАЛУНОВСКАЯ

ОТВЕТЫ ПОДСКАЗАНЫ ЖИЗНЬЮ

Юрий ОЗЕРОВ,
кинорежиссер, лауреат Ленинской премии

АНКЕТА «Кино и общество», которую почти год вела на своих страницах «Литературная газета» и которая сегодня завершается «круглым столом» участников и гостей VIII Московского международного кинофестиваля, обязывала всех ее участников с особой пристальностью и требовательностью оценить свою работу и работу товарищей по искусству. Вопросы, на которые редакция попросила ответить мастеров кино, являются, по существу, конденсатом проблематики современного кинематографа. Подробно ответить на эти вопросы — значит рассказать, каким ты видишь сегодняшнее кино, что тебе в нем нравится, а что не нравится, каким бы ты хотел его увидеть завтра. Уже самый характер анкеты, проклямирующий социальность киноискусства, его неразрывную связь с обществом, заставляет говорить о ее важности и актуальности.

Свыше пятидесяти крупных мастеров советского и зарубежного кинематографа из пятнадцати стран откликнулись на вопросы.

Более половины из них — режиссеры, то есть те, чьи замыслы, чье видение мира реализуются в сложном и дорогостоящем процессе производства фильма.

Большая группа участников анкеты — актеры, люди, без которых кинофильм не может состояться как живое, волнующее произведение искусства.

А ведь есть еще и сценаристы, и операторы, и композиторы, и критики.

Что же показала анкета «Кино и общество»? Конечно, в этом кратком обзоре я не могу коснуться всех вопросов анкеты и всех ответов на них — речь пойдет лишь о наиболее важных положениях, принципиальных для жизни кинематографа. Естественно, что в таком обширном и представительном обсуждении проблем киноискусства нашлось место разным взглядам. В том числе и спорным, дискуссионным, иногда малоубедительным, а порой, с моей точки зрения, и просто неверным. Что ж, истина, как известно, рождается в открытом споре.

Прежде всего анкета показала огромную заинтересованность кинематографистов в дальнейшем развитии и совершенствовании, в неуклонном прогрессе своего любимого искусства. Но именно эта заинтересованность и предопределила ту особую требовательность к современному состоянию кинематографа, к его тематике и идейно-художественному уровню, которой пронизано большинство ответов. Потому что кинематограф, как утверждал Чезаре Дзаваттини, «нуждается в самокритике». «Речь идет не о том, — уточнял Дзаваттини, — чтобы «делать лучше»... а о том, чтобы заняться серьезной самокритикой: все сознательные кинематографисты должны отдавать себе отчет в существовании реальной действительности».

И вот эта мысль о социальной принадлежности и социальной ответственности киноискусства буквально пронизывает всю анкету. «Кинематограф — это орудие социальной борьбы», — заявляет Джозеф Сгрик. «Уверен, что если государственные и политические деятели станут придавать больше внимания развитию кинематографа, то кино будет играть еще более важную роль в жизни современного общества», — констатирует Акира Куросава.

Ну, а как же быть с телевидением, якобы конкурирующим с кинематографом! Сергей Бондарчук считает, что это тоже кино. Разница только в том, что кино смотрят сообща в кинотеатра, а телевидение — в одиночку на дому». И, суда по анкете, кинематографисты согласны с такой точкой зрения.

И, конечно же, опять сошлюсь на Сергея Бондарчука, «конкуренции кино и телевидения у нас быть не должно, ибо и то, и другое находится в руках государства».

Много откликов вызвал вопрос о мере необходимого показа насилия и жестокости на экране, о сексуальных «увлечениях» современного западного кинематографа. Для кинематографистов капиталистических стран это актуальный вопрос, ибо те сложнейшие политические, моральные, нравственные «взрывы», свидетелями которых они являются, находят свое отражение на экране. Как? В этом суть проблемы. Ведь нельзя же признать гуманистическим искусство, которое «объективно» переносит на экран секс и насилие, развращая тем самым души зрителей. Думаю, что нам ближе всего позиция Рене Клера: «К сексу, жестокости, насилию в кинематографе отношусь отрицательно. Скажу решительнее: я их презираю. Все это — возбуждающие средства коммерческого кинематографа».

Думаю, что не стоит подробно останавливаться на вопроса о политическом фильме. Ясно, что нашим зрителям политический фильм знаком уже с первых дней существования советского кино. Ясно также, что зрительскую популярность на Западе он завоевал потому, что все большее число людей осознают необходимость включиться в социальную борьбу.

Очень важен для всего советского кинематографа вопрос о современном герое. Каков он, этот герой? Очень сложный вопрос. Жаль, что режиссеры довольно скупо отнеслись к нему, и это лишь доказывает неразработанность самой проблемы. В то же время естественно, что внимательно отнеслись к нему актеры. Так, Нонна Мордюкова считает, что «герой должен быть яркой натурой, наделенной сильными страстями и чувствами». Как бы продолжает эту мысль Ирина Скобцева, утверждая, что если «герой произносит хорошие слова, которые никак не трансформируются в хорошие дела, то он воспринимается как болтун и воздействия его на зрительный зал равно нулю».

В ПОСТАНОВЛЕНИИ ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии» были рассмотрены узловые проблемы жизни нашего кинематографа. В том числе и проблема теоретического осмысления богатейшей практики советского и мирового киноискусства. Кинематограф ведь не стоит на месте, он постоянно развивается, ищет и находит новые темы, идеи, ситуации, конфликты, характеры, наконец, новые формы выразительности. И все эти изменения происходят не сами по себе, а в соответствии с движением самой жизни. В то же время коммерческий буржуазный кинематограф, стремясь удовлетворить убогие вкусы своих потребителей и во многом формируя сам эти вкусы, изо всех сил старается затушевать реальные противоречия действительности и демонстрирует на экране или беспримерный по наивности земной рай, или же ситуации, отвратительные в своем цинизме. И это тоже, хотим мы того или нет, форма реакции кинематографа на действительность, взятая, конечно, со знаком минус.

Рассмотрению всех этих связей кинематографа с действительностью и была посвящена анкета «Кино и общество».

НАКАНУНЕ СОБЫТИЯ

К ЮНОСТИ МИРА

28 июля в Берлине открывается X Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Он будет проходить под девизом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу». Столица Германской Демократической Республики деятельно готовится к приему юности мира. В одном из своих последних номеров газета «Берлинер цайтунг» публикует обращения и участникам фестиваля видных писателей разных стран. Мы перепечатываем в сокращенном виде некоторые из этих приветствий.

Анна ЗЕГЕРС
(ГДР):

— Я приветствую гостей Всемирного фестиваля от имени писателей Германской Демократической Республики. Широко открыты вам наши сердца... Вы прибываете к нам из многих стран мира — веселые и сильные, многосторонне одаренные, люди разных профессий... Ваши песни и ваши речи всегда найдут отклик — к ним прислушиваются молодые люди всего мира. Они говорят: юноши и девушки, участвующие во Всемирном фестивале,— наши братья и сестры...

Ярослав ИВАШКЕВИЧ
(ПОЛЬША):

— Пусть эта встреча внесет свой весомый вклад в развитие дружбы народов, в дело мира и прогресса человечества. Наша планета нуждается в мире: ведь мир — важнейшая предпосылка созидательного труда, расцвета культур, взаимопонимания между народами.

Жоржи АМАДУ
(БРАЗИЛИЯ):

— Нынешний фестиваль, вне всякого сомнения, явится новым подтверждением воли молодежи обеспечить мир во всем мире, утвердить право людей на счастливую жизнь и лучшее будущее.

Георгий МАРКОВ
(СССР):

— День ото дня растет роль боевого содружества всех отрядов международного демократического движения молодежи, ведущих совместную борьбу против империализма, за мир и дружбу народов. Мы убеждены, что Всемирный фестиваль явится убедительной демонстрацией боевой солидарности молодого поколения нашей планеты, важной вехой на пути к укреплению его единства в борьбе за мир, свободу и социализм.

Чарльз П. СНОУ
(АНГЛИЯ):

— Я желаю вашему фестивалю максимального успеха. Передайте, пожалуйста, всем собравшимся выражения моей сердечной симпатии и наилучшие пожелания.

Алекс Ла ГУМА
(ЮАР):

— Многие молодые люди моей страны взяли в руки оружие, чтобы одержать победу над угнетателями и апартеидом. Некоторые из них пали в этой борьбе, другие томятся в тюрьмах. Но мы знаем, что поддержка и солидарность прогрессивных сил всего мира помогут нам победить, что верх в нашей стране в конечном счете одержат мир, дружба, справедливость и человечность.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ШТУРМ МОНКАДЫ: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Куба в СССР Северо Агирре дель Кристо отвечает на вопросы «Литературной газеты»

26 июля кубинский народ отмечает свой революционный праздник — 20-ю годовщину штурма казармы Монкада. Специальный корреспондент «ЛГ» М. Максимов обратился к послу Республики Куба в СССР Северо Агирре дель Кристо с просьбой ответить на несколько вопросов.

— Прежде всего, товарищ посол, мы хотим передать вам, представителю народа Кубы в нашей стране, горячие поздравления читателей «Литературной газеты» со славной годовщиной и попросить рассказать о том, каков значение имел штурм казармы Монкада в истории кубинской революции.

— Нынешнюю, двадцатую годовщину Национального восстания кубинский народ встречает в обстановке радостного подъема. Значение этой даты заключается в том, что именно 26 июля 1953 года наш народ во главе с Фиделем Кастро начал последний этап вооруженной борьбы за свою национальную независимость. Это было началом последнего этапа, поскольку борьба всего кубинского народа против иностранного гнета, против эксплуатации, голода и нищеты, против тех условий жизни, которые были навязаны кубинцам сначала испанской монархией, а затем империалистическими монополиями США, началась еще в 1868 году. Тогда во главе этой борьбы стоял замечательный патриот Карлос Мануэль де Сеспедес.

С тех пор на протяжении почти ста лет кубинский народ неустанно боролся за свое освобождение, за ликвидацию всяческого угнетения. Мы использовали за это время все формы борьбы: забастовки, манифестации в знак протеста против беззакония правительств, создававшихся олигархией и кубинскими латифундистами, демонстрации рабочих, студентов, а в различные моменты —вооруженные действия против палачей, против наемников, которых всегда имела под рукой буржуазия.

И вот 20 лет назад группа отважных людей во главе с Фиделем Кастро, его братом Раулем, Абелем Сантамарией, который пал в этой борьбе, другими мужественными молодыми патриотами бросилась на штурм второй по величине в стране хорошо укрепленной крепости — казармы Монкада. Эти героические действия не привели в то время к победе, но они явились началом решающего этапа вооруженной борьбы за национальную независимость. Несколько лет спустя, страшась народного гнева, диктатор Батиста вынужден был освободить из тюрьмы Фиделя Кастро и его друзей, участвовавших в штурме Монкады. И вскоре стали организовываться повстанческие отряды в горах, вначале в Ориенте, а затем и по всей стране. Так родилась знаменитая «гениальная» — вооруженная борьба, которая слилась воедино с сопротивлением всего народа.

Как известно, 1 января 1959 года была окончательно свергнута власть камарильи Батисты и положен конец правлению реакционной буржуазии и латифундистов — верных союзников империализма янки. Буржуазное государство было разрушено. Власть перешла в руки трудящихся. С тех пор Куба избрала новый путь — путь независимого развития.

Борьба против Батисты не была борьбой против одного человека, одного правительства. Это была борьба против реакционных классов, вручивших власть этому человеку, этому правительству.

Речь Фиделя Кастро на суде после штурма Монкады, содержавшая знаменитую фразу: «История меня оправдает»,—речь, в которой обличались и судьи, и сама система, — стала фактически программой национально-освободительного движения.

Позднее революция национально - освободительная превратилась в революцию социалистическую. И сейчас кубинцы строят новое общество, общество, в котором нет ни угнетателей, ни угнетаемых.

— Какое значение для этого строительства имеет сотрудничество Республики Куба с Советским Союзом и другими социалистическими странами?

— Первостепенное. Прежде всего необходимо сказать, что если на Кубе смогла победить социалистическая революция, то она стала возможной благодаря Великому Октябрю. Если бы меня спросили, какова была первая поддержка, оказанная Советским Союзом Кубе, кубинской революции, я сказал бы, что ею была Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная под руководством Ленина.

Советско-кубинское сотрудничество охватывает все области жизни. За последние годы оно достигло высочайшего уровня и с каждым днем становится все шире и глубже. Нынешние отношения между Кубой и Советским Союзом дают наглядный пример добрых отношений, какие должны существовать между свободными и суверенными социалистическими государствами. Сотрудничество с СССР, другими социалистическими странами, наше участие в СЭВ позволяют быстрыми темпами преодолевать экономическую отсталость, которая была характерна для дореволюционной Кубы. Теперь с помощью друзей стремительно возникают новые отрасли хозяйства, каждый день мы фиксируем важные завоевания на фронте борьбы за национальную экономику. И не только за экономику. Нужно сказать и о культуре, здравоохранении и о других аспектах жизни нашего общества.

— Товарищ посол, одна из страниц номера «Литературной газеты», где будет опубликовано ваше интервью, посвящена кубинской литературе. Не могли бы вы рассказать о литературных связях Кубы и Советского Союза?

— Отношения между революционной интеллигенцией Кубы и советской интеллигенцией поддерживаются уже много лет. В те тяжелые времена, когда на нашем острове преследовались не только коммунистические идеи, но и любая прогрессивная мысль, представители передовой интеллигенции внимательно следили за творческой жизнью в СССР. Революционная литература тех лет распространялась на Кубе подпольно. Но многим были знакомы имена советских писателей. Организовывались кружки, где не только читались, но и изучались работы наиболее известных писателей Советского Союза. Особенно произведения Максима Горького. Этот писатель и его книги пользовались большой популярностью среди кубинцев, боровшихся против эксплуатации и нищеты. В те времена не только кубинские писатели-коммунисты, но и все, кто выступал против империализма, искали и находили контакты с советской литературой.

Пионером пропаганды на Кубе достижений советской литературы был товарищ Хуан Маринелло. Большая роль в этом принадлежит также нашему национальному поэту Николасу Гильену. Большая дружба наших литератур, способствуя взаимному духовному обогащению, является важным фактором укрепления братского союза наших стран.

Материалы, посвященные кубинской литературе, см. на стр. 15.

СЕМЬ ДНЕЙ В ИЮЛЕ...

ОТВЕТ ПО СУЩЕСТВУ

МУТЯТ ВОДУ

В последнее время чилийская реакция усилила антисоветскую кампанию. Поводом для этого послужило, в частности, подписание ряда контрактов с СССР, согласно которым группа советских инженеров будет работать в некоторых отраслях чилийской экономики, в том числа и в медной промышленности.

Корреспондент «ЛГ» Я. ВОРОВОЙ обратился к заместителю министра цветной металлургии СССР В. Н. КОСТИНУ и попросил его рассказать о развитии советско-чилийского сотрудничества в меднорудной промышленности.

— Медь — основное богатство Чили, — сказал В. Н. Костин. — Вся жизнь страны так или иначе связана с доходами от ее продажи. По данным статистики, свыше 80 процентов валютных поступлений зависят от меди.

Наше первое знакомство с медной промышленностью Чили произошло в июне 1971 года, когда по приглашению президента Сальвадора Альенде страну посетила группа советских экспертов. В это время проходила национализация медной промышленности.

Наша группа побывала на всех основных рудниках. В конце визита президенту был представлен доклад, который через несколько месяцев был полностью опубликован в приложении к газете «Эль-Сигло».

В июле 1971 года чилийское правительство обратилось к правительству СССР с просьбой об оказании технической помощи. И вскоре в Чили отправились 20 советских специалистов. Их самоотверженная работа была высоко оценена руководителями медной промышленности.

В апреле 1973 года в Чили во второй раз выехала советская делегация, которую мне было поручено возглавлять. Мы пробыли там 40 дней, нас неоднократно принимал Сальвадор Альенде.

Я хотел бы отметить, что и на этот раз атмосфера, в которой нам приходилось работать, была дружелюбной. Мы трудились бок о бок с чилийскими инженерами и поэтому с полным правом могли написать в итоговом докладе, что его следует рассматривать как нашу совместную работу.

Полагаю, что доклад имеет большое практическое значение для республики. В нем было показано, что полученные в 1972 году 720 тысяч тонн меди — далеко не предел, что даже имеющихся мощностей вполне достаточно для производства 900 тысяч тонн. Были также указаны причины отставания и меры по их преодолению.

Правительство Чили предложило заключить новый контракт, согласно которому 46 советских специалистов должны приступить к работе в государственной компании «Коделько».

Чилийская реакция решила использовать этот факт для развязывания очередной антисоветской кампании, утверждая, в частности, что Чили невыгодно советское техническое содействие.

Правительство же Чили резонно считает, что наша помощь развивающейся экономике республики очень полезна. Она не связана ни с какими политическими условиями. Это — пример истинной товарищеской поддержки. Советское оборудование поступает в страну в счет выгодного для Чили кредита.

Лучшим ответом чилийским правым кругам, пытающимся клеветать на Советский Союз, дискредитировать его бескорыстную помощь, служат слова президента Сальвадора Альенде, которые он произнес в Национальном конгрессе 21 мая 1973 года: «Дальнейшее развитие взаимного сотрудничества с СССР — необходимое условие прогресса Чили».

Так что утверждения чилийской реакции беспочвенны и явно злонамеренны.

ДОСЬЕ «ЛГ»

ПЕКИНСКИЕ ДЕФОРМАЦИИ

Внимательный анализ положения в Китае показывает, что, несмотря на некоторые новые нюансы, главные направления в политика маоистов остаются неизменными. В КНР продолжается углубление деформации социалистической экономической базы и политической надстройки. Политика «больших скачков», «трех красных знамен», а позднее — «культурной революции» означала подмену в Китае социалистических методов хозяйственного руководства волюнтаризмом и авантюризмом и причинила огромный ущерб экономике.

В Китае сохранены все основные атрибуты военно-бюрократической диктатуры, созданной во время «культурной революции». Политическая власть сосредоточена в руках Мао Цзэ-дуна и его маленькой группы. Конституция КНР фактически отменена.

«Работническо дело» (БОЛГАРИЯ)

Население Китая все еще лишено многих удобств. Китайские руководители и чиновники признают, что их страна отстала «в тысяче отношений» и что пройдет много лет, прежде чем она сможет догнать остальных.

Китайцы постоянно ссылаются на политику «ходьбы на двух ногах». Это означает также и полное использование традиционных и примитивных способов производства, независимо от того, идет ли речь об уборке урожая с применением древних серпов или же о выжимании машинного масла из использованной ветоши.

«Балтимор сан» (США)

Мы увидели горстку одетых в лохмотья мужчин, женщин и детей, живущих в холмистой местности коммуны Гуанли, провинции Гуандун. Жизнь этих семей, рассказал чиновник, находившийся с нами, — тяжелая борьба.

Взрослые и дети в провинции Гуандун часто ходят босиком, чтобы сберечь обувь. Рис здесь не походит на отполированные гладкие жемчужины. Он неровный и темный, ибо часть шелухи намеренно оставляется в зерне, чтобы хоть на малую долю увеличить запасы основного продукта питания.

«Фар истерн экономик ревью» (ГОНКОНГ)

Основной причиной восстановления профсоюзов в Китае является намерение китайского руководства превратить эту организацию в глашатая и опору маоистских идей среди многомиллионного рабочего класса. В этом отношении китайским профсоюзам предстоят еще многие испытания, поскольку маоисты хотят превратить их в казенную организацию военного типа, которая будет неуклонно следовать только «стратегическим указаниям председателя Мао».

«Труд» (БОЛГАРИЯ)

Пекин усиленно популяризирует новый латинский алфавит для языков, на которых говорит более четырех миллионов человек.

В главном города Синьцзяна—Урумчи была созвана конференция, чтобы ускорить введение нового алфавита среди уйгуров и казахов, проживающих в этой провинции. Антисоветский характер языковой реформы очевиден. Она призвана разрушить языковые связи между уйгурами и казахами Синьцзяна и такими же этническими группами, находящимися по другую сторону границы.

«Нью-Йорк таймс» (США)

Согласно последним статистическим данным, число прибывающих в Гонконг перебежчиков с материкового Китая в нынешнем году резко возросло. В первом полугодии сюда прибыло 2016 человек, почти на пятьдесят пять процентов больше, чем в период с января по июнь 1972 года. Фактическое число беженцев, как полагают, вдвое или даже втрое превышает официальную цифру.

Франс Пресс (ФРАНЦИЯ)

Китайский беженец Ву Су-чэнь заявил, что в Китае налажено секретное производство героина для сбыта на мировом рынке. Ву Су-чэнь рассказал, что героин производится в секретной лаборатории в Кантоне и затем переправляется в португальскую колонию Макао, откуда поступает на международные рынки. Ему стало известно об этом от подруги его жены, которая работала в этой лаборатории, где было занято 700 человек. Ву Су-чэнь также сказал, что, выезжая по служебным делам в провинцию Вантунь, он лично видел плантации мака, из которого вырабатывают героин.

«Гардиан» (АНГЛИЯ)

Досье подготовил М. ПАВЛОВ

ТЕЛЕКС

КОФЕ ИЗ КОСТА-РИКИ

Председатель Национального кооператива производителей кофе Коста-Рики Монхе заявил, что Советский Союз закупил в стране 40 тысяч квинталов кофе. Он сказал также, что Коста-Рика особо заинтересована в сохранении советского рынка, который является стабильным и с каждым днем увеличивается.

ТАСС

ЖИТЬ В ОДИНОЧКУ...

По данным статистического управления ФРГ, за период с 1957 по 1971 год число одиночек—холостяков и вдов возросло в стране не менее чем на 82 процента, в то время как число семей, насчитывающих более одного человека,— всего на 12 процентов. В результате доля одиночек в общем числе семей увеличилась примерно с 20 процентов почти до 27. Сто лет назад их доля составляла ровно 6 процентов. Средняя численность семьи уменьшилась с 2,94 человека в 1957 году до 2,66 — в 1971 году.

ДПА

КОМПЕНСАЦИЯ ЗА УЩЕРБ

Суд в Париже постановил, что ультраправый еженедельник «Миньот» должен выплатить 15 тысяч франков в качестве компенсации за ущерб, нанесенный единственному сыну покойного президента Шарля де Голля контр-адмиралу Филипу де Голлю, которого еженедельник в одной статье обвинил в заговоре с целью свержения правительства. Затем де Голля генералу де Буасье, начальнику штаба французской армии, было присуждено 10 тысяч франков в виде компенсации за ущерб, нанесенный этой же статьей.

Ассошиэйтед Пресс

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

«МАРШ ЛИВИЙЦЕВ НА КАИР»

Как известно, 18 июля из ряда городов Ливии в сторону ливийско-египетской границы направились участники так называемого «марша единства». Мы приводим сообщения иностранных информационных агентств и газет об этом марше.

Колонна грузовиков и автобусов, перевозящих, по официальным подсчетам, 20 тысяч ливийцев, отправилась 18 июля из ливийской столицы в пятидневный «марш единства» на Каир. Они везут петиции, написанные кровью, с требованием, чтобы египетский президент Анвар Садат осуществил полное объединение Египта и Ливии 1 сентября. Об этом сообщило Ливийское информационное агентство.

Агентство добавило, что колонна грузовиков и автобусов по пути подбирала новых добровольцев. Марш продолжался, несмотря на послание, адресованное Садатом ливийскому лидеру полковнику Каддафи, в котором сообщалось, что марш неприемлем.

Очевидцы сообщили, что, когда колонна двигалась по улицам Триполи, невозможно было подсчитать, сколько в ней машин, — буквально тысячи. Колонна включает автоводоцистерны, грузовики с продовольствием, машины «Скорой помощи», бензовозы и пожарные машины.

Этим маршам руководит «Высший комитет по организации марша», который призвал всех ливийских администраторов оказывать ему содействие.

Ливийское информационное агентство, переименованное в Агентство новостей арабской революции, после того как Каддафи начал 16 апреля культурную революцию, сообщило, что этот марш начался 18 июля в 8 часов утра из Рас-Гедера на тунисской границе. Колонна должна прибыть в Каир 23 июля, в 21-ю годовщину египетской революции 1952 года. По прибытии на ливийско-египетскую границу участники марша намереваются уничтожить колючую проволоку и заграждения, образующие границу, говорится в заявлении, переданном радио Триполи.

Агентство ЮПИ

Триполийское радио сообщило, что, когда ливийцы прибудут в Каир, они устроят сидячую забастовку на площади Республики, пока не будет подписано соглашение о полном объединении, и вручат президенту Садату документ, написанный кровью, возложив на него ответственность за решение проблемы слияния двух стран. Как полагают, вдохновителем процессии является ливийский лидер Муамар Каддафи, который в ходе своего недавнего 18-дневного визита в АРЕ и переговоров о слиянии еще раз подчеркнул, что меньше, чем на объединение, он не пойдет. Он заявил об этом, отвечая на сдержанные высказывания многих египтян, которые с большой осторожностью подходят и этому вопросу.

Когда Каддафи был в Каире в этом месяце, он сказал, что если не будет достигнуто полное слияние, то он подаст в отставку и будет сидеть дома...

Вечером 17 июля радио Триполи объявило, что ливийским банкам дано указание работать и ночью, чтобы предоставить людям возможность взять деньги для участия в марше. Прервав свою обычную программу, радио призвало ливийцев принять участие в «изъявлении надежды и единства». Радио сообщило, что ливийские «народные комитеты» решили реквизировать весь общественный транспорт, чтобы доставить людей в Египет.

Агентство Рейтер

«Я уверен, — говорится в послании Анвара Садата Муамару Каддафи, — что вы полностью сознаете опасность, в которой может привести инициатива проведения марша... Моим долгом вашего старшего брата является указать вам на эту опасность... Аллах не простит нас, если мы поможем осуществлению планов наших врагов. Предложенный Ливией марш открывает двери перед врагами единства и революции...»

Агентство МЕН

Генеральный секретариат АСС АРЕ объявил о том, что Египет готов встретить «наших братьев, идущих маршем из Ливии». Участники марша будут приняты комитетами представителей правительственных учреждений и политических организаций в Мерса-Матрухе, в 260 километрах от ливийско-египетской границы, для ведения переговоров об объединении Ливии и Египта.

Агентство МЕН

«Ливийский народный марш» достиг ливийско-египетской границы. Впереди колонны следовали мотоциклы ливийской полиции. Через громкоговорители передавались призывы к участникам марша следовать сразу в Каир. Впереди колонны шел бульдозер, который сначала уничтожил ворота ливийской таможни, а затем сделал то же самое с восточными и западными воротами египетской таможни, разрушил проволочные заграждения и египетский туристско-автомобильный центр. Над колонной летал ливийский вертолет. Среди участников марша распространялись листовки, отпечатанные в Ливии. Несмотря на договоренность между Египтом и Ливией о том, что колонна остановится в Мерса-Матрухе, около ста машин прорвались через заграждения и продолжили путь в Александрию. Через два часа к ним присоединились еще 300 ливийских автомашин...

Агентство МЕН

М. Каддафи направил президенту Садату телеграмму, в которой, в частности, говорится: «Вы знаете, что я подал в отставку, с тем чтобы открыть дорогу единству и устранить все препятствия на его пути, главным из которых, естественно, является мой пост. Большая часть ливийского народа знает об этом. Что касается меня как гражданина, то я заверяю вас в том, что для меня услышанное по радио сообщение о марше было такой же неожиданностью, как и для вас...»

Агентство МЕН

Совет революционного командования Ливии отклонил отставку председателя совета каддафи. Совет считает, что отставки вообще не было как таковой.

Агентство МЕН

Президент Садат направил полковнику Каддафи новое послание, в котором, в частности, говорится: «...Возникает впечатление, что ливийское руководство снимает с себя ответственность за организацию этого марша, что оно якобы не знало о нем и потому не отвечает за контроль над ним. Мы не можем поверить в то, что ливийское руководство... могло бросить развитие событий на произвол судьбы... Появились признаки того, что некоторые участники вышли за пределы целей народной встречи в Мерса-Матрухе, проявив пренебрежение к представителям различных слоев египетского народа... Вероятно, вы... оцените чувства, которые могут возникнуть между египетским и ливийским народами, если будут затронуты симпатии и гордость египетского народа... а сам марш превратится в хаос, вызывающий лишь боль за наших братьев. Возникнет отталкивающее чувство, для преодоления которого потребуется значительное время. Я продолжаю настаивать на том, чтобы вы проявили свою власть и руководство...»

Агентство МЕН

«Всякое единство между двумя странами может осуществляться только по договоренности и по воле народов этих стран. А в данном случае 2,5 миллиона ливийцев пытаются навязать свою волю 34 миллионам египтян... Руководители Ливии заявили, что они ничего не знают о манифестации. Кто поверит, что 5 тысяч ливийских автомашин, мчащихся под эскортом полицейских машин и кружащих над ними ливийских вертолетов, могут проделать все это случайно, без подготовки? Более того, что означает разрушение некоторых египетских пограничных пунктов? Единство не осуществляется силой».

Газете «Аш-Шааб» (БЕЙРУТ)

«Дата 1 сентября намечена для проведения референдума, а не для объединения двух стран. Нам предстоит преодолеть множество этапов, прежде чем будет достигнута эта цель. Неудачный опыт прошлого побуждает нас проявлять самую большую осторожность», — заявил в интервью министр иностранных дел АРЕ Мухаммед Хасан эз-Зайят.

Газета «Монд» (ПАРИЖ)

Первый секретарь ЦК АСС АРЕ Хафез Ганем принял прибывшую в Каир ливийскую делегацию, состоявшую из представителей высшего комитета по руководству «маршем единства». После окончания беседы Хафез Ганем заявил, что «в ходе встречи состоялась свободная демократическая дискуссия по вопросу об объединении Египта и Ливии».

Агентство МЕН

Основная масса участников ливийского «марша единства» покинула Мерса-Матрух и направилась обратно к египетско-ливийской границе в соответствии с указаниями высшего комитета по руководству маршем. Эти указания были даны участникам марша после состоявшейся встречи делегации комитета, возглавляемой членом Совета революционного командования Ливии аль-Харруби с первым секретарем ЦК АСС АРЕ Ганемом.

Агентство МЕН

Подборку подготовил А. КУРОВ

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» О ВОЛНЕНИЯХ В АШДОДЕ

Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала следующую статью Теренса Смита, которую мы перепечатываем с сокращениями.

Ашдод, Израиль, 18 июля.

Жизнь в этом портовом городе была четыре дня нарушена из-за голодовок и бунтов, в которых участвовали несколько тысяч разгневанных новых иммигрантов из Советской Грузии, требующих предоставления им лучшей работы и улучшения условий жизни.

Эта «ашдодская» война, как ее назвали в израильской печати, достигла кульминационного момента в прошлый четверг, когда 2 000 грузин осадили порт и парализовали жизнь города. Демонстранты блокировали въезд в город, захватили большинство зданий, где размещаются государственные учреждения, и избили представителей портовых властей и чиновников.

Временного перемирия добился министр транспорта Шимон Перес, который несколько часов вел переговоры с демонстрантами и, наконец, уступил их требованиям о том, чтобы 47 человек из их числа, лишившихся сезонной работы в порту, были снова взяты на работу.

Решение Переса подверглось критике печати как капитуляция перед тактикой силы. Но правительственные и профсоюзные представители в Ашдоде признают сейчас, что это было необходимо, дабы избежать серьезного взрыва разгневанной и недовольной грузинской общины в Израиле.

«Обиженные и недовольные тем, как с ними обращаются, эти люди потрясали кулаками, — заявил руководитель профсоюза портовых грузчиков. — Произошли бы кровопролития... Грузины считают, что их обижают и с ними здесь плохо обращаются. Они не собираются принимать отрицательный ответ».

Это противоборство в Ашдоде наглядно иллюстрирует проблемы, с которыми столкнулась самая новая группа эмигрантов...

Серьезная трудность — это проблема языка. Огромное большинство говорит по-грузински, а не по-русски. Поскольку они имеют тенденцию держаться все вместе, мало кто научился говорить на иврите, чтобы общаться с другими израильтянами.

...Помимо социального разрыва, многие грузины испытывают финансовые трудности. Большинство из них жили довольно зажиточно до приезда сюда. Поскольку у них нет капитала, чтобы начать новое дело в Израиле, они вынуждены соглашаться выполнять низкооплачиваемую работу в порту и на заводах в окрестностях города. Сейчас, когда в порту не сезон, многие оказались без работы.

По мнению руководителя профсоюза портовых грузчиков, который сам эмигрировал из Марокко в 1950 году, многие жалобы грузин на плохое с ними обращение вполне обоснованы.

«Правительство должно заботиться об этих людях, — сказал он. — Оно не может просто взять их сюда и потом бросить на произвол судьбы. Им нужна работа...»

По его мнению, хуже всего то, что многие израильтяне начинают относиться враждебно к грузинам и дискриминировать их как национальную группу.

«Они — «новые марокканцы», — саркастически заметил он, — с ними обращаются так же, как с нами 20 лет назад».

Представитель грузинской общины в Ашдоде — Йозеф Швили, громогласный плотный человек с красным лицом.

«Мы жили, как короли, в Грузии по сравнению с тем, как мы живем здесь, — сердито прокричал он корреспонденту. — Наши люди приехали сюда, как овцы, с закрытыми глазами. К нам в город приехали люди и рассказали нам, как замечательно в Израиле, а когда мы приехали сюда, они обращаются с нами, как бандиты».

Главная трудность, сказал Швили, — это экономическая проблема. Половина мужского грузинского населения в Ашдоде — без работы. Из-за экономических трудностей, сказал Швили, многие грузины хотели бы вернуться в Советский Союз. «Половина уехала бы хоть завтра, если бы можно было вернуться», — сказал он...

ЧЕЛОВЕК ТРУДА — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ИЗ ОЧЕРКОВ, ПРИСЛАННЫХ НА КОНКУРС

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ЗЕМЛЕ

Георгий КУБЛИЦКИЙ

БЕСКРАЙНЕЕ русское поле, жаворонки в синеве, возбужденная перекличка грачей по редким перелескам... Бежит дорога — и который уже раз ощущаю несовместимость сегодняшнего курского ласково-спокойного, мягкого и мирного пейзажа с представлением о битве, все искромсавшей, испепелившей здесь три десятилетия назад.

А битва, а напоминания о славе и скорби — всюду. Танки, поднятые на гранит и бетон. Памятники в каждой деревеньке, на каждом придорожном холме. Земля родная, сколько же твоих сынов полегло на полях Курской дуги!

Уже свыше четырехсот памятных мест достойно обозначил народ на курских просторах — и глубоко патриотическое дело, нужное живущим, призванное воспитывать гордость прошлым у грядущих поколений, все продолжается.

Вот и местечко Свобода в канун тридцатилетия Курской битвы открыло мемориальный комплекс, восстановив командный пункт штаба Центрального фронта. Тот блиндаж, где в драматическую ночь с 4 на 5 июля 1943 года был отдан приказ об артиллерийской контрподготовке, начавшей историческое сражение.

И как все мирно здесь сегодня! В зарослях сирени, напротив старой монастырской стены, — бывшая аптека, та самая, где была столовая Военного совета. Однажды поздним весенним вечером командующий фронтом Константин Константинович Рокоссовский вызвал туда шифровальщика. Как раз в эти минуты немецкий самолет «повесил» в небе осветительные бомбы, а следом послышался гул другого. Рокоссовский скомандовал: «Ложись!». Прогремел оглушительный взрыв. В столовой посыпалась штукатурка, со звоном разлетелись стекла. Еще взрыв — и все стихло.

Дом командующего, стоявший рядом со столовой, был начисто снесен второй бомбой. Дом, куда обычно именно в этот предполуночный час Рокоссовский вызывал шифровальщика. «Спас меня просто случай, а возможно, интуиция. На войне всякое бывает», — читаем в воспоминаниях маршала.

После налета КП перенесли по другую сторону стены, укрыли под землю, защитив несколькими накатами дубовых бревен. Сюда-то в ночь на 5 июля и был доставлен «язык», захваченный разведчиками лейтенанта Ивана Мелешникова. Командование знало, что гитлеровцы вот-вот начнут наступление. Важно было уточнить время. Пленный назвал его: сегодня, в три часа *пополуночи*. Их, саперов, послали готовить проходы в минных полях.

Решение надо было принимать без промедления. И командующий фронтом отдал приказ о заранее запланированном упреждающем ударе.

Одно из пятисот орудий, открывших огонь в 2 часа 20 минут пополуночи, поднимает ствол у бывших монастырских ворот. Стодвадцатидвухмиллиметровая корпусная пушка. Подлинная, действительно участвовавшая в Курской битве, не просто однотипная. А напротив ее подлинная же семидесятишестимиллиметровая противотанковая, одна из тех, что на курской земле вступали в поединки с устрашающими машинами «тигров».

И за бывшей же монастырской стеной — длинная памятная стела, где поименованы все части, участвовавшие в великом сражении. В день ее открытия ветераны 60-й армии собирались возле «своей» памятной доски, и буквы едва различались под грудой цветов, а по соседству — ветераны 65-й, 70-й, 13-й, 48-й, 2-й танковой, 16-й воздушной...

И, конечно, все перебывали «у Рокоссовского». Не блиндаж — целый подземный дом! Восстановили его по чертежам бывшего начальника инженерных войск фронта, ныне маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, строившего КП.

— Когда я пришел к маршалу и рассказал, что мы задумали, он тут же набросал схему. Ошибка, говорит, может быть плюс-минус подметра в ту или другую сторону. И мы постарались, чтобы все было в точности. Даже телефоны достали такие, как были тогда.

Это рассказывает участник битвы Николай Иванович Морозов, инженер-полковник в отставке, возглавляющий в Свободе комитет ветеранов. Энергичный, как говорят, «пробивной», он очень много сделал для создания мемориала. Да разве только он? И соседнее профтехучилище, где свой музей Курской битвы, и колхоз «Дружба», и местный электромеханический завод. И так всюду на белгородской, на курской земле, где тридцатилетие великой битвы снова и снова всколыхнуло людей, будя воспоминания и рождая энергию.

Командный пункт — на гребне высокого холма. По склону — окопы. Дали неоглядные: говорят, в ясные ночи отсюда видны отсветы огней Курска.

Сегодня — 25 июля. Тридцать лет назад, в этот день, сводка Совинформбюро сообщала о продолжающемся наступлении наших войск. До первого победного салюта Великой Отечественной, прогремевшего в честь освобождения Орла и Белгорода, оставалось всего несколько дней...

КУРСКАЯ дуга и курская руда. Дело не только в географическом совпадении. Общность — в колоссальности масштабов того, что происходило здесь в военную пору и происходит в мирные дни девятой пятилетки. Можно совместить нынешнюю карту с картой Курской битвы. Одна из стрел предполагавшегося ржавского наступления нацелится туда, где теперь большой горняцкий город Губкин. Он стал городом двенадцать лет спустя после битвы. Там, где рудная земля поднялась многолюдный Железногорск, в дни битвы простирались леса. Исполинский кратер нынешнего Михайловского железного рудника возник на месте землянок штаба партизанской бригады.

Курская магнитная аномалия времен битвы — это затопленные стволы двух небольших шахт да предупреждение летчикам перед боевым вылетом: учтите, товарищи, возможное влияние рудных залежей на стрелку компаса.

Курская магнитная аномалия сегодня — это триллионы тонн железистых кварцитов и десятки миллиардов тонн богатых руд, разведанные запасы, далеко превосходящие все остальные, найденные до сих пор на земном шаре. Это мощнейший комплекс горнорудных предприятий, различимые из космоса гигантские карьеры, где действуют рожденные научно-технической революцией роторные экскаваторы, гусеницы которых раз в пятнадцать больше, чем у самых мощных танков, бившихся под Прохоровкой или Понырями.

КМА — это пятилетка, которая началась с приближения добычи к двадцати миллионам тонн руды в год и которую предстоит закончить уровнем, близким к сорока миллионам.

Нет на железной земле уголка, где не трудились бы ветераны войны, где не сыскались бы строители оборонительных рубежей Курской дуги — их ведь было несколько сот тысяч. И еще работают на этой земле те, кто прокладывал когда-то дорогу к руде, прошел дорогами войны, вернулся к разрушенным шахтам и дожил до счастливой поры, когда на Курской магнитной дело, по ленинскому завету, ведется действительно «*сызбо* энергично».

— ЗНАЧИТ, наверное, такое уж мое счастье... Как раз в ночь с двадцать второго на двадцать третье апреля. Мы нутром чувствовали, что она близко. Шли через плотный песок. И вдруг — скала, аж искры летят. Не иначе — руда! Я, как бригадир, сам и отбил первые кусочки. Скинул брезентовую куртку, завернул в нее. А наверху перезвон начался: дошли, мол,— ура! ура! Только рассвело — зовут меня к начальству. Я хотел было на пол вытрясти, а директор сгреб со стола все бумаги: сыпь, мол, прямо на зеленое сукно. Я на кабинетные часы взглянул — шесть утра. А директор говорит: буду сейчас звонить в Москву Ивану Михайловичу, Академику Губкину, значит, нашему главному болельщику.

Диспетчерская комбината «КМАруда» в городе Губкине, где Алексей Григорьевич Малыгин рассказывает мне, как сорок лет назад его бригада добыла первую богатую руду Курской магнитной аномалии, разделена надвое стеклянной перегородкой от потолка до пульта. По ту сторону — автоматы, показывающие ритм работы дробильно-сортировочной фабрики. Сегодня выходной, дел меньше, чем обычно, и у диспетчера Малыгина выкраивается время для рассказа.

Алексей Григорьевич подстрижен коротко, до синевы на висках и затылке: верен моде тридцатых годов. У него несколько любимых приговорок, порой в рассказ вкраплены слова, которые теперь услышишь разве что у героев пьес о первых пятилетках. Но служебные его разговоры точны и кратки. Я слышу как бы двух Малыгиных. Вот засветился кружок на пульте:

— Малыгин. Да. Есть за вторую смену. Передробили... (Он называет цифру.) Железнодорожная вскрышка... Агломерат... Да. Нормально. Будьте здоровы. Так на чем я? Ну, значит, днем мы уже знали, что Губкин Иван Михайлович все свои ученые дела бросает и к нам вот-вот самолично будет.

— Хорошо, а торжества какие-нибудь были? Ведь первая богатая руда!..

— Торжества? Торжеств особенных не было. Промежду себя мы так порешили: вместо хлеба-соли встретить Ивана Михайловича рудой. Наковыряли полную бадью. И тяже-елая же — ужас! Ждем Губкина. Слышим — приехал!

Алексей Григорьевич вскакивает, тянет меня к окну, за которым совсем близко поднимается копер над шахтой.

— Вот, значит, шахта, вот электростанция, а рядом стоял быткомбинат с баней и одноэтажный этакий, понимаете, деревянный дом управления. День, помню, выдался холодный, дождище хлещет. Как только Губкин в копер шагнул, мы всей бригадой на бадью навалились плечом, опрокинули, высыпали руду к его ногам. И вот что я вам скажу: Губкин на нас сначала ноль внимания, а с этакой, понимаете ли, жадностью накинулся на руду. Присел, руками перебирает, куском о кусок стучит. Видим, проснял, заулыбался — и к нам. Тут уж всем до единого руки пожал. Крепко так, но молча.

Малыгину за шестьдесят. На шахты в Донбасс сбежал из деревни, «потаясь от матери», — та была против. Околачивался на бирже труда, голодал. Тянуло к проходчикам. Добился своего. В Донбассе впервые услышал о КМА.

— Сюда пришел в январе тридцать третьего. Пешком шел аж от самого Старого Оскола. Темнело, поземка мела злая. Пустошь кругом, дичина. Вижу — далеко в темноте огонь вспыхнул. Это лампочки зажглись на первом копре, на деревянном, стоял он на месте того, который вы за окном видите. Так я на свет шел, шел и вышел прямо к копру. Гляжу — а тут уже наши донбассовские ребята шуруют, вот какая вещь.

Опять мигает светлячок на пульте.

— Малыгин. Семь машин? Бедная руда? А геофизические анализы? Так. Прекращайте возить... Да, встретил, значит, своих ребят. Ну, мы бузу тереть не стали, принялись наши, донбассовские, порядки наводить. Требуем довести план до каждого забоя, чтобы, значит, никакой обезлички. «Даешь, говорим, борьбу за выполнение норм!» А это не просто было, ой, как не просто! Вместо отбойного молотка — кайло. Меня назначили бригадиром. Выдвинули мы встречный план. Начали соревнование — кто победит, тому поднимать первую бадью руды. Ну, я уже рассказывал, как у нас получилось.

За окнами диспетчерской хохот, возгласы: рабочие парни идут мимо, к центру города, на гулянье в парк. В управлении комбината пусто. Время уже к обеду, всюду, наверное, накрыты столы. Не тяжело ли Алексею Григорьевичу сидеть здесь целую смену? Ведь отработал же свое с лихвой.

Малыгин вздохнул, сердито постучал пальцами по столу:

— Говорят: «Чего тебе не хватает? Пенсия у тебя — дай бог, горняцкая. Разводи сад, рыбалкой побалуйся». А я говорю: в чем же тогда у меня смысл жизни будет? Ведь я всю жизнь — в работе. Только и перерыв был, что на войну...

Он покачал головой, задумался. Вспыхнул глазок на пульте.

— Диспетчер Малыгин. Привет, Иван Тихонович. Десять и четыре, семь и три. Железнодорожники? Нормально. Тоже нормально. Спасибо.

НЫНЕШНИЙ Первомай я провел в Губкине. И только на демонстрации воочию убедился, сколько в горняцком городе строителей. Они шли через праздничную солнечную площадь едва не дольше, чем горняки. «КМАрудстрой», «Промстрой 3», «Промстрой 4», «Промстрой 5», «Завод стройматериалов», «Трансводстрой», «Строймонтажпоезд 512»... «СМУ», «СУ», «РСУ»...

Курская магнитная аномалия — это добыча руды и стройка, стройка, стройка. Строят города, дороги, рудники, горно-обогатительные комбинаты. В недалеком будущем — строительство гигантского металлургического завода, в котором примут участие страны СЭВ, и закладка небывалого в горной практике опытно-промышленного рудника для разработки пока что единственного известного в мире сосредоточения неслыханных запасов богатых железных руд. Эти руды лежат на большой глубине под Белгородом, возле селения Яковлево. Неподалеку от тех мест, где наши танкисты выдержали особенно яростные атаки гитлеровцев и где весной нынешнего года съехавшиеся со всей Белгородской области на субботник Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда посадили каштаны главной аллеи будущего мемориального парка.

Были среди них мои старые знакомые — Иван Васильевич Ермоленко, прославившийся еще на Волго-Доне, и Михаил Юрьевич Евец, один из самых знаменитых экскаваторщиков стройки в Жигулях: руда давно притянула их в карьеры КМА.

Когда Евец воевал на Сталинградском фронте, нынешнему экскаваторщику Михайловского рудника Герою Социалистического Труда Сергею Титовичу Акимову было двенадцать лет. Он — курский, из села Колпаково. Вспоминает:

— Нас работать гоняли, у меня сил мало, а он, гитлеровец, чуть что — по голове. Да что говорить, все знают, как было. Ну, наши наступали быстро, с вечера немцы по-своему галдели, а утром слышим: «Ура! Ура». Мы из погребов на улицу, тоже «ура!» кричим.

Акимов ходит в «пожилых», в «бывалых», потому что уже выросло, уже действует на самых боевых участках поколение, родившееся после Курской битвы, после войны, поколение, для которого семидесятые годы — пора желанной зрелости.

Бригада Валентина Кочетова — на стройке Михайловского горно-обогатительного комбината. Инженер сказал о ее рабочем месте:

— Каркас да плюс консоли. Много арматуры, сотни позиций. Работенка кропотливая. Но Кочетов не рвется к легкой. Организатор хоть куда, чертежи читает в совершенстве. И хозяин! Хо-зя-ин! Вы посмотрите на его леса: половина из старых, но еще прочных досок. Другие выбрасывают, у этого все в деле.

Кочетов высок, я бы сказал, могуч с виду. Спецовка сидит на нем ладно, и весь он — готовая натура для плаката о пятилетке. Только художник снял бы озорно надвинутую почти на левую бровь кепочку, открыв широкий лоб и острые глаза.

Отец Кочетова, геологоразведчик, часто брал сына с собой. Так хозяйственность — не с изыскани ли? В тайге ничего не выбрасываешь, универмагов вокруг нет, там действительно каждая веревочка может пригодиться.

— Кто его знает, возможно, — согласился Кочетов. — Как-то не задумывался. Вы говорите — хозяйственность. Так ведь чему-то нас учили, верно? Я конспекты, которые в техникуме вел, не выбросил, ну и книжки подбираю по своей части. Очень полезная, например, штука — серия «Основы экономических знаний». Тут тебе и хозрасчет, и новинки всякие.

По соседству с бригадой Кочетова — бригада Михеева. Бригады примерно одинаковы, работа сходная: три ряда колонн делают «кочетовцы», три — «михеевцы». И соревнуются, конечно.

— Работаем ведь локоть о локоть. «Ребята, гляньте, куда Михеев выскочил, это что же такое?» Догоняем. А когда и не догоняем. Официально же соревнуемся с «атомщиками», с комсомольско-молодежной бригадой Зверева Ивана Ивановича.

«Атомщики» — это строители Курской атомной электростанции, тоже ударной стройки пятилетки. Две комсомольско-молодежные бригады, бригадиры — ровесники, обоим по двадцать семь.

Когда после Курской битвы железную землю очистили от гитлеровцев, ни Кочетова, ни Зверева, ни большинства членов их бригад еще не было на свете. Но два участника многих сражений — в бригадах. У Кочетова летчик Афанасий Тимошенко, уроженец села под Железногорском, у Зверева — командир стрелковой роты Иван Шатохин, тоже курянин, Герои Советского Союза, зачисленные в бригады посмертно. Оба погибли молодыми, оба остались среди молодых, их имена — в памяти, их фамилии — в табеле, оба всегда на работе, и двадцать четыре члена бригады не уйдут с площадки, пока не перевыполнят норму двадцать пятого...

ДВА ГОДА плодотворно работает на КМА редакционный пост журнала «Знамя». Вместе с другими и я бываю на рудниках железной земли, где в трудовых буднях мужает новый мощный отряд рабочего класса, соль и гордость бывшего край деревянной сохи.

В 1923 году Маяковский увидел здесь «будущего приоткрытый глаз». Минуло полвека — и пусть еще не всегда ровно и гладко, пусть со своими трудностями и проблемами, Курская магнитная идет к рубежам пятилетки, определившей ей видное место в металлургии великой индустриальной державы.

ПИСЬМО С КОММЕНТАРИЕМ

НЕХОДОВОЙ БОТИНОК

КАК ПОЯВЛЯЕТСЯ НА ПРИЛАВКАХ ОБУВЬ, НЕ НУЖНАЯ ПОКУПАТЕЛЮ? СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «ЛГ» ПОПЫТАЛСЯ ВЫЯСНИТЬ ЭТО

В ялтинском новом и фешенебельном Доме торговли сталлажи отдела обуви предлагают вам такие поделки, что поневоле думаешь, не в магазин ли уцененных товаров ты попал? Изготовители плохой обуви просто-таки их уважают покупателя. Но в таком случае и покупатель вправе так же относиться к их продукции.

С. СКВИРСКИЙ
ЯЛТА

ЧТО МОЖЕТ быть противоестественнее *самого* понятия «*неходовая*» обувь? Которая не «идет» и к которой, стало быть, не ходят.

В трудные для страны времена — сегодняшняя молодежь знает о них только понаслышке — на душу населения в *год приходилось* меньше пары туфель. Люди и тогда хотели прилично обуваться, но прочность ботинок была им важнее фасона. Сегодня на душу выпускается почти три пары — включая младенцев, которым нужны лишь пинетки. Завтра обуви будет выпускаться еще больше. Уже давно в *магазинах* появился выбор, а с ним и столь понятный соблазн найти хорошее и пренебречь плохим.

Выясняя причины, по которым покупатель отказался приобрести обувь, Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению спроса населения на товары народного потребления и конъюнктуры торгояли (ВНИИКС) обнаружил, что 42 процента опрошенных мужчин и 48 процентов женщин отвергли обувь из-за того, что она не соответствовала представлениям о моде. Соответственно 22 и 32 процента — из-за низкого качества, плохого внешнего вида. И только 16 и 12 процентов — из-за высокой цены. У оптовиков ВНИИКС поинтересовался причинами *образования* запасов «неходовой» обуви. Около половины ответов: немодная, неудачная модель. И только 8 процентов — дорого.

Итак, сегодняшний «усредненный» покупатель, выбирая туфли или сапоги, гораздо больше считается с модой, чем с ценой. Он готов заплатить подороже, но дайте ему то, что он хочет. Игнорировать его требования и вкусы — значит, кроме всего прочего, приносить убытки государству. И немалые! Последний единовременный учет скопившихся в торговле обувных залежей проводился в РСФСР в прошлом году. Он дал такие цифры: на полках пылилось семнадцать млн. пар кожаной обуви на 144 млн. рублей.

В одном магазине я наблюдал, как в рабочее время добрая треть наличного состава продавцов сидела в подсобке и зашивала тюки посылок. Отправляли обратно полуботинки ленинградского объединению «Скороход» и сапоги Зарайской обувной фабрике. Брак надо было зашить по строгим правилам почты бережно, даже любовно. И я этом было что-то очень странное. Заведующая показала содержимое посылок. Полуботинки выглядели отталкивающе, еще непривлекательнее — «неходовой» зарайский сапог. Из свиной кожи, жесткий и тяжелый, какого-то скверного коричневого цвета.

История его появления в магазине весьма поучительна. Оказывается, торговцы заказывали вовсе не эти сапоги. Те, что осенью на оптовой ярмарке предложила фабрика, выглядели несравненно лучше, из ялового, а на свиного хрома, с «молнией», а не с резинкой посредине голенища — словно у штиблет. Но как же все-таки: заказывают одно — получают другое!

За разгадкой я отправился на оптовую ярмарку, которая открылась на центральной базе Рособувьторга. Там московские магазины закупали обувь у предприятий. Ярмарка выглядела весьма внушительно. Холодно и гордо сверкал лак, мягко лоснился хром, матово светился велюр — «замша», как по наведению называем ее мы.

Впрочем, приятное впечатление рассеялось после одного небольшого опыта, на который я решился по совету работников торговли. Вместе с товароведом Марией Васильевной Синельниковой мы поехали в Мособувьторг и возвратились с туго набитой хозяйственной сумкой. Сравнили образцы обуви, поступившие в торговлю, с теми, что выставлены на ярмарке. Вот продукция фабрики «Буревестник»: женские туфли, мужские полуботинки — модельные и обычные. Номера *артикулов* и моделей одни и те же, но туфли словно бы кто-то перекосил. Исчез шикарный блеск полуботинок, тусклым, неинтересным стал рисунок их тиснения. Родство еще угадывалось, но те, из магазина, выглядели захудалой родней.

Улыбки представителей фабрики, присутствовавших на ярмарке и наблюдавших за этой операцией, как-то сразу поблекли. Они еще оправдывались: одно дело, дескать, изготовить эталоны, а совсем другое — массовое производство. Но оправдания звучали вяло, чувствовалась неуверенность позиции.

Рядом с залом ярмарки — ассортиментный кабинет Рособувьторга. Тем вместе с хорошей демонстрируется пресловутая «неходовая» обувь. Фирмы «Красная звезда» из города Кимры (получено 1 615, *продано* 23), Днепропетровской фабрики (получено 895, забраковано 895). Уродливые изделия из Шахт, Гродно и других мест.

Образцы этих изделий тоже фигурировали на ярмарках, а еще раньше утверждались художественным советом Минлегпрома соответствующей республики. Но ведь уважаемые члены советов, наверное, должны бы прийти в ужас, покажи им промышленность честно всех уродцев, которых ей потом магазины возвращают в посылках. И уж, наверное, не появились бы подписи, утверждающие брак артикула такого-то, модели такой-то.

Но как все-таки совершается противоестественное превращение прекрасного лебедя в гадкого утенка? Я поехал на Зарайскую фабрику, чтобы увидеть этот процесс на месте. Честно скажу, собираясь туда, ожидал встретить злостных злостных браконелов, бюрократов-руководителей. Встретил же усталых, задерганных комиссиями и проверками людей, которые не только готовы были признать все недостатки, но и еще *насыпали* мне их, что называется, полный карман.

Фабрику лихорадило от перебоев в снабжении. Нет запаса — все сырье идет в дело «с колес». Перебой означает остановку линии или даже цеха. В прошлом году из-за этого немало рабочих ушло с предприятия: кто на соседний завод, кто на стройку. По словам главного инженера Б. Пащенко, не хватало около трехсот человек. И когда возникает прорыв (кому неритмичность — питательная среда), его затыкают бухгалтерами, плотниками, жестянщиками. Прямо по дедушке Крылову: сапоги тачает пирожник. Один-два дня на обучение, и человека ставят к поточной линии...

Во многом виноваты смежники. Из-за низкого качества «молний» Ленинградского производственного объединения металлофурнитурных предприятий фабрике вернули — шутка сказать! — около одиннадцати тысяч пар сапог. Это было стихийное бедствие...

Так зарайский сапог потерял «молнию» — ее пришлось заменить резинкой. Кроме того, вместо ялового занаряднли фабрике свиной хром. После этого ничто уже не могло спасти сапоги от пренебрежения покупателей...

Но позвольте, как это — «вместо»? Договор — юридический документ, тесно увязанный с другим документом — планом? А в том-то и дело, что не так уж и тесно — зазор между ними довольно велик. Как раз в дни, когда я был на Зарайской фабрике, там составляли заявки на оборудование и сырье для плана 1974 года. Из министерства торопили: скорей, скорей, срываете сроки! Но как можно составлять здравую заявку, не зная, что́ из разработанных модельерами образцов утвердит художественный совет и что́ отберет ярмарка! Вот эти модели, представьте, отвергнут, а сырье и станки для их изготовления уже намертво впаяны в план.

И опять напрашивается традиционный вопрос: при чем здесь все-таки покупатель? Подвесьте к зарайскому сапогу вместо ярлыка связку объяснительных записок и докладных от всех виновных в его качестве — что, покупатель станет их читать? Станет умиляться и сочувствовать трудностям?

Покупатель ругает торговлю, которая стоит к нему ближе всех и обязана, казалось бы, с максимальной точностью знать его вкусы и требования. В данном случае, как мы видели, ругает зря — она невиновна. Но очень часто его претензии к ней вполне справедливы. Плохое изучение спроса — отсюда ошибки в заказах.

Совсем свежий пример: в заказы обувным предприятиям на 1973 год от торговых организаций Ивановской области уже внесены изменения по 38 позициям, от Архангельской — по 42, от Псковского облпотребсоюза — по 45. Отказалась в прошлом году от своих обувных заказов торговля Кемеровской, Свердловской и некоторых других областей. Какую неразбериху вносят эти просчеты в работу промышленности!

А бывает и так. Вот приходят в магазин машины с товаром. Нередко случается, что половина его по ассортименту соответствует заявкам, другая — нет. 15 минут дано на разгрузку, иначе надо платить за простой. Успеют товароведы наметанным глазом что-то заметить — хорошо. Не заметили, расписались в получении — обязаны продавать. Десять и двадцать дней (в зависимости от местонахождения поставщика) даны на «разбраковку». Миновали — никаких претензий фабрика может не принимать. Убытки на счет магазина. А в магазине, чтобы выполнить вовремя эту работу, — ни подсобок, ни рабочей силы. И тогда просят фабрику — возьмите свой брак, оформите задним числом. Ну, что ж, те понимают — берут. Но уже появился прецедент: одне договаривающаяся сторона «одолжилась». Очередь за другой. Возник порочный круг компромиссов. Чем он шире, тем хуже сквозь него просматриваются перекошенные швы или «вылегение» стельки на туфлях. Гибкость договорной системы стесняется дряблостью.

В прошлом году Минлегпром СССР проводил экономический эксперимент, предусматривавший некоторые изменения в традиционной системе планирования. Несколько обувных предприятий (в том числе и знакомый нам «Буревестник») решили поставить в еще большую зависимость от торговли. Говорит она: такой-то фасон устарел — тут же снимают его с производства. Требует: вот эта новая модель пользуется спросом — осваивают.

Но эксперимент, по мнению его участников, был плохо подготовлен. Начали поздно — в феврале, три-четыре месяца ушло на перестройку потоков. Следовательно, по-новому работали не год, как предполагалось, а лишь полгода. Успели заменить несколько «неходовых» моделей «ходовыми». Однако перестройке временно уменьшила выпуск продукции. Иначе, собственно, и не могло быть. Но именно из-за этого эксперимент признали неудачным. Такое мнение я слышал от работников министерства. Другую точку зрения высказал главный инженер «Буревестника» Евгений Борисович Быховский:

— Мы бы наверняка наверстали и количество, — сердито доказывал он мне,— ведь только-только начали вкушать плоды хозяйственной смелости. Конец году — хлоп! — эксперимент прикрыли, а нас — на прежние рельсы...

Кто прав — сказать непросто. Следов серьезного анализа этого эксперименте отыскать в министерстве мне не удалось.

Между тем старые рельсы взаимоотношений между торговлей и промышленностью и плохо увязанного с ними планирование, как мы уже видели ведут в тупик многомиллионных убытков, к печальному парадоксу на магазинных полках: с одной стороны, нечего купить, с другой — некуда девать.

И. НОВИКОВ

СОРЕВНОВАНИЕ: ПЯТЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

НАЙТИ КРИТЕРИИ!

В редакцию продолжают поступать письма и статьи читателей, адресованные в новую рубрику этого года — «СОРЕВНОВАНИЕ: ПЯТЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ». Рабочие и ученые, инженеры и хозяйственные руководители рассматривают в них все предложенные для обсуждения аспекты темы: они говорят о роли НОВАТОРА и значении ПОЧИНА, анализируют характер ОБЯЗАТЕЛЬСТВ и действенность СТИМУЛОВ, размышляют о подведении ИТОГОВ соревнования.

Ряд полученных редакцией материалов уже был представлен на страницах газеты, мы публиковали и сами письма, и размышления над ними писателей, и обстоятельные выступления ученых. Сегодня разговор о социалистическом соревновании продолжает член-корреспондент АН УССР В. МАМУТОВ.

В нашем институте по просьбе ВЦСПС начато специальное исследование проблем социалистического соревнования. Уже определились некоторые теоретические и практические экономико-правовые вопросы, требующие дополнительного изучения и обсуждения.

Прежде всего: какое содержание мы вкладываем в распространенный лозунг «Шире размах соревнования»? Сейчас, хотя и не без сучка и задоринки, оно ведется на уровне отдельных работников, бригад, цехов, предприятий и объединений. Но разве это все? Что, по существу, мешает соревноваться и хозяйственным министерствам, этим «суперобъединениям» индустрии? Не наш взгляд, и такое соревнование необходимо. Оценку его итогов надо строить на основе научного подбора и анализа сравнимых показателей.

А чего мы ждем от соревнования в современных условиях? Очевидно, результатом его должно быть прежде всего повышение эффективности общественного производства. Для этого необходимо, чтобы методы планирования, оценки и стимулирования хозяйственной деятельности основывались на сравнении итогов, достигнутых разными участниками соревнования, а не только тем или другим предприятием в сравнении с взятыми им на себя обязательствами.

Между тем достижения в соревновании далеко не всегда определяются по сравнительному уровню эффективности производства, чаще используются другие показатели, которые не дают полного представления об этом уровне. Вряд ли, например, следует приветствовать принятие сверхплановых обязательств, так как это не способствует разработке с самого начала оптимальных напряженных планов.

Вопросами социалистического соревнования занимаются в основном профсоюзы — что само по себе прекрасно, но от этой важной работы весьма далеки еще плановые, статистические, финансовые органы, которые, казалось бы, и должны осуществлять подлинное сравнение итогов хозяйствования. Критерии и методы сравнения должны быть закреплены юридически и стать общеобязательными. Методики сравнительного анализа можно и нужно разработать для всех отраслей и руководствоваться ими как при составлении плана, так и при подведении итогов. Полезно было бы, чтобы они подводились не в «рабочем порядке», а решениями специальных комиссий, включающих специалистов, представителей общественных организаций и вневедомственных органов. Такие коллегиальные органы могли бы широко использовать недооцениваемый зачастую метод экспертных оценок.

К сожалению, подобные вопросы не разработаны экономически и не закреплены юридически.

Что положить в основу оценок? Нам представляется, что вся система материального и морального поощрения должна быть построена на успехах участников соревнования в сравнении друг с другом. Поверхностный анализ только лишь «собственных» показателей тут подходит мало. Да и напряженность планов следует определять не по собственной «базе», а на основе отраслевых и межотраслевых методик сравнительного анализа. Это могло бы упростить весьма сложную ныне систему планирования и экономического стимулирования.

Заслуживает специального рассмотрения вопрос о том, не следует ли сделать основным (а для хозяйственных руководителей, может, и единственным) видом поощрения премии за успехи в соревновании, а не за выполнение или перевыполнение рассчитанных «по базе» (от прошлогоднего уровня) показателей, которые далеко не всегда отражают действительные достижения.

Конечно, всякая оценка относительна, но оценка на основе сравнительного анализа более объективна. Критерии для нее не так легко разработать, это верно, но в принципе проблема разрешима. Она не более сложна, чем сравнение работы нашей промышленности с зарубежной, а такие сопоставления делаются.

В. МАМУТОВ,
член-корреспондент АН УССР, заведующий отделом экономико-правовых проблем Института экономики промышленности АН УССР
ДОНЕЦК

Знамя соревнования — победителю
Фото читателя А. АЛЕКСАНДРОВА

Минувала половина третьего года пятилетки, года, с которым теперь уже прочно связано определение — решающий... Естественно, все основные публикации отдела экономики «ЛГ» были посвящены актуальным проблемам повышения эффективности в разных сферах хозяйствования и управления, социалистическому соревнованию, вопросам укрепления государственной дисциплины, воспитанию чувства ответственности каждого за порученное дело.

Очевидно, нашим читателям будет небезынтересно узнать, что более двух третей выступлений на эти темы, опубликованных в «ЛГ», — 92 — принадлежат им самим. Иногда это были большие статьи, такие, как «Престиж на подпорках» (З. Лебедева, главный инженер ленинградской фабрики «Рабочий»), «Изобретательство: розы и тернии» (В. Данилов, токарь-лекальщик московского завода «Знамя труда»), «По инструкции или по совести!» (С. Володарский, днепропетровский экономист), в чаще всего — короткие, эмоциональные или деловые отклики на выступления газеты, реплики в дискуссиях. Чтобы полнее отразить мнение читателей по различным проблемам, вызвавшим особенный интерес, мы подготовили и опубликовали несколько больших обзоров редакционной почты: «Прав ли директор!» (17 января с. г.), «Размышления у «долгого ящика» (24 января), «Электронный ключ — не фантазия, а реальность» (1 мая), «От признания — к действию!» (9 мая), «Устарел ли старина велосипед?» (30 мая), страницу откликов на статью «Безнаказанность» (13 июня) и другие.

Нас радует, что читатели «ЛГ» активно, доброжелательно и заинтересованно участвовали в обсуждении публицистических статей писателей Вадима Кожевникова «Под знаком года», Вадима Очеретина «Соревнование: суть и форма», Георгия Радова «Человек на службе» и «Безнаказанность», Бориса Можаева «От чего зависит урожай», Николая Воронова «С кого спрос!», Льва Лондона «Хозяйственник: штрихи к портрету» и ряде других...

Управление... руководители и подчиненные... человек на службе... природа и мы... архитектура и градостроительство... — эти традиционные темы и во втором полугодии 1973 года останутся основными в разделе «Человек и экономика».

На этой странице мы публикуем статьи и письма читателей по некоторым проблемам, обсуждавшимся в «Литературной газете» за минувшие шесть месяцев. Надеемся, что и впредь читатели будут активно участвовать в работе газеты.

РЕЗОНАНС

ПРИРОДА И МЫ

ПОСЛЕ ШТРАФА

В этом году «ЛГ» в своем традиционном разделе «Природа и мы» напечатала несколько статей, посвященных охране лесов и зеленых насаждений: «Грянул гром...» О. Волкова (№ 11, 14 марта с. г.), «Сказка с грустным концом» А. Алдан-Семенова (№ 16, 18 апреля с. г.), «Города в тени деревьев» В. Чивилихина (№ 23, 6 июня с. г.), «Топор из-за угла» В. Травинского (№ 27, 4 июля с. г.) и ряд других. Эти выступления вызвали много откликов. Писатель Вл. Монастырев продолжает разговор о лесе.

Вл. МОНАСТЫРЕВ

ВЕЧЕРОМ Новороссийское радио в последних известиях передало тревожное сообщение: комбинат «Новоросцемент» признан виновным в уничтожении 612 гектаров леса в Небердяевском лесничестве... Сумма уплаченного им штрафа приближается к 300 тысячам рублей...

Я только что приехал в Новороссийск, едва успел умыться в номере гостиницы, радуясь, что в городе не в пример прошлым годам стало легче с водой: вот она, горячая и холодная, бежит из крана без перебоев, а на пассажирском причале в порту уже нет полуметрового диаметра трубы, по которой перекачивали в город привозную воду из танкеров... И вдруг это сообщение — о потраве леса! Неужели жизнь ничему не научила?

Менее чем за сто лет люди свели с Маркхотского хребта лес. На голых склонах не удерживалась, не уходила в почву влага — и не стало пресной воды. Хуже того, несколько раз на протяжении последних шестидесяти лет обрушились ливневые наводнения. Самое крупное случилось в тридцать первом: прошли сильные июльские дожди, вода безлесными балками хлынула на город, смывая все на своем пути. Было разрушено железнодорожное полотно, залиты заводские территории, парализовано движение. Убыток исчислялся в миллионах рублей...

Кому ведать этим надлежит, разумеется, думали о том, как обезопасить город. Поперек балок сооружали запруды, но они быстро выходили из строя. Тогда-то и стало очевидным: единственный надежный способ не только сдержать, но и удержать воду — вырастить вновь лес на оголенных склонах.

О том, как решали эту непростую задачу, как выхаживали молодые деревца, уберегая их от жгучих ветров и все смывающих лиманей, можно рассказать много интересного и поучительного. Люди не жалели сил и труда, чтобы исправить, восполнить урон, нанесенный бездумным отношением к природе. И сотни гектаров на склонах между Новороссийском и Геленджиком стали одеваться молодым лесом...

И вдруг — потрава в Небердяевском лесничестве!

Я поехал в Новороссийский лесхоз.

— Да, оштрафовали комбинат, — сказал директор Борис Николаевич Мясоедов. — Госарбитраж штраф утвердил. Это история довольно длинная, третий год тянется. Посмотрите документы...

Вот что следовало из деловых бумаг.

В 1970 году новороссийские лесоводы забили тревогу: на глазах усыхали насаждения в Небердяевском лесничестве. По распоряжению Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся, была создана комиссия во главе с А. М. Протопоповой (заместителем председателя Новороссийского горисполкома), вошли в нее ученые-лесоводы и медицинские работники, всего десять человек. Комиссия выехала на место и дала такое заключение: на 600 гектарах леса усохло 80 процентов (!) деревьев. Причины? Отложение мощного слоя цементной пыли на деревьях прекращает фотосинтез, оседая на них, эта пыль затрудняет газообмен. Даже микрофлора, опасная для деревьев, отсутствует: стволовые вредители не выдержали, погибли.

В этом районе расположено водохранилище, питающее Новороссийск пресной водой, почвозащитное и водоохранное значение леса здесь особенно велико: там, где он усох, почва катастрофически быстро смывается — это комиссия тоже отметила. Выводы ученых-лесоводов и врачей были недвусмысленны: лес губят цементная пыль и газы, выбрасываемые трубами заводов «Пролетарий» и «Октябрь».

На основании этого заключения краевые организации санкционировали штраф за потраву леса. Руководители комбината «Новоросцемент» не признали себя виновными и апеллировали в столицу, в организации вышестоящие.

20 января 1972 года в папке появляется еще один документ — акт экспертизы, заключение на заключение комиссии и апелляцию цементников, подписанное доктором биологических наук, профессором А. А. Яценко-Хмелевским, заведующим кафедрой анатомии и физиологии растений Ленинградской ордена Ленина лесотехнической академии.

Профессор отметил, что «причины усыхания деревьев в заключении комиссии даны в самом общем виде», не подкреплены лабораторными исследованиями и носят характер скорее эмоциональный, чем объективно-научный, а возражения ответчика, руководителей комбината «Новоросцемент», «поражают своей нелогичностью». В самом деле, цементники заявляли, что, во-первых, истратили около четырех миллионов рублей на реконструкцию электрофильтров, поэтому-де никакой запыленности от работы печей быть не может. Во-вторых, они полагают, цементная пыль не вредит растениям, а, наоборот, полезна, и ее даже пытаются применять как удобрение. В-третьих, они ведут печи на форсированных режимах не по своей прихоти, а потому, что стране нужно больше цемента, и это освобождает их от ответственности за потраву небердяевского леса.

Логика, действительно, странная...

Госарбитраж при Совете Министров СССР потребовал рассмотреть это дело заново, и приказом председателя Гослесхоза СССР от 14 апреля 1972 года была назначена новая комиссия, на этот раз из двенадцати человек. Она побывала на месте, провела лабораторные исследования и без эмоций, но с более убедительной научной аргументацией подтвердила выводы первой комиссии. Госарбитраж при Краснодарском крайисполкома вновь вынес постановление о взыскании 295 797 рублей 80 копеек с комбината «Новоросцемент». С точностью до копеечки!

— А что дальше? — спросил я у директора лесхоза.

— И меня этот вопрос занимает, — ответил директор. — Ну, уплатят цементники штраф и по-прежнему будут засыпать цементной пылью лес. Кому от этого станет легче?

Я поехал в управление комбината «Новоросцемент». Позиция руководителей этой организации в печальной истории с небердяевским лесом с самом деле вызывала недоумение. Бережное отношение к природным богатствам страны — это же дело государственной важности! За последнее время партия и правительство приняли и широко обнародовали ряд решений, обязывающих руководителей всех министерств и ведомств, предприятий и учреждений заботиться об окружающей среде, украшать землю, а не губить ее. Неужели не знают этого товарищи из «Новоросцемента»?

Инженер Анатолий Яковлевич Андреев, ведающий лабораторией очистных сооружений, считает штраф за потраву несправедливым, отстаивает свою точку зрения напористо, темпераментно.

— Когда ничего не делали, — восклицает он, — вовсю пылили, нас никто ни в чем не обвинял. А теперь, когда так много сделано для обеспыливания, нас штрафуют, в газетах прорабатывают!

Действительно, было время, когда цементные заводы работали без всяких очистных аппаратов. Только в 1954 году поставили первые фильтры — механически перенесли к цементным печам аппараты, работавшие на тепловых электростанциях. Это удовлетворительных результатов не дало. В 1964 году появились здесь фильтры усовершенствованные, но тоже недостаточно эффективные. Их опять усовершенствовали, и запыленность окружающего пространства заметно уменьшилась. Выходит: сделано немало...

Однако в марте нынешнего года газета «Труд» опубликовала статью Г. Ключерова «Серое небо», в которой цементникам предъявлялись серьезные упреки: они продолжают в Новороссийске «пылить» сверх меры, нарушаются строгие приказы Министерства промышленности строительных материалов, предписывающие довести выброс газа и пыли в атмосферу до санитарных норм.

Комбинат «Новоросцемент» наращивает производственные мощности, вводит в строй новые печи, но очистными сооружениями их в должной мере не обеспечивает. Новые печи были пущены без разрешения органов санитарного надзора.

Юрий Владимирович Семенов, секретарь парткома, говоря о затратах на обеспыливание, вспомнил и о том, что большие средства уже израсходованы на создание первой очереди санитарно-защитной зоны вокруг цементных предприятий. Это сделано по требованию Министерства здравоохранения РСФСР.

В радиусе пятисот метров вокруг заводов освободили все жилые помещения. В другие районы переселили 220 семей.

— Дома, в которых они жили, — говорит Юрий Владимирович, — пустуют, разрушаются, даже временно в них селить никого не разрешают.

А между тем зелень в этой зоне растет, деревья не гибнут.

— Городское метеобюро, — добавляет инженер Андреев, — держит вокруг заводов свои посты. Вот их данные, — он разворачивает сводку по месяцам. — В течение 1972 года запыленность ниже допустимой нормы.

— Конечно, — рассуждает Ю. В. Семенов, — трубы, через которые уходят пыль и газы от печей, высоки, ветер большей частью дует с моря и уносит пыль через хребет в район Небердяевского водохранилища... А санитарно-защитная зона... — Он помолчал и вздохнул: — Мы можем себе позволить вокруг заводов зону пустоты, но это, наверное, не выход. Вот здесь, в этой комнате, сидел товарищ из нашего министерства, который побывал в Англии. В Лондоне он видел цементный завод едва ли не в центре города. Никакой санитарно-защитной зоны вокруг него нет — там земля дорогая. Но и пыли нет. Потому что на каждую печь там ставят не одно, а три очистных сооружения. Дорого? Конечно, дорого, но надежно.

Потом я беседовал с Василием Мироновичем Доценко, генеральным директором комбината «Новоросцемент».

— Да, штраф мы уплатили, — сказал он таким тоном, будто речь шла о стихийном бедствии, которое нельзя было ни предусмотреть, ни предотвратить. — Я еду в Москву, буду искать институт, который занялся бы этой проблемой. Нам надо точно знать, отчего погиб лес — то ли от цементной пыли, то ли от газов. На будущее надо знать. Если виноваты наши печи, то могут погибнуть и другие участки леса: изменится роза ветров, и снова нас оштрафуют... Буду требовать на коллегии министерства шесть миллионов — на исследования и усовершенствования фильтров...

Как бы там ни было, в переменах, которые уже произошли в отношении к окружающей природе, радуют и обнадеживают. Инженер Андреев еще недоумевает: «Чем больше делаем, тем больше с нас требуют. Несправедливо!» Но таков сегодня моральный климат, таково требование жизни. Мало сделать половину дела, надо начатое доводить до конца. А новороссийским цементникам успокаиваться рано — еще густо клубятся пыль и газы над некоторыми трубами и, когда ветер меняет направление, пыльное облако летит не порт, на город.

Я не услышал от руководителей «Новоросцемента» тех оборонительных аргументов и доводов, которые своей нелогичностью повергли в изумление профессора А. А. Яценко-Хмелевского. Видимо, трехсоттысячный штраф, санкционированный Госарбитражем при Совете Министров СССР, несколько изменил направление их мыслей и заставил смотреть на вещи здраво.

ЕЩЕ РАЗ О БЕЗНАКАЗАННОСТИ

Прокуратура СССР организовала проверку фактов, указанных в статье Г. Радова «Безнаказанность», опубликованной 21 марта 1973 года в «Литературной газете».

Утверждение проектно-сметной документации и строительство перегружателя на торфопредприятии «Дзякино» в Удмуртской АССР осуществлялось в течение очень длительного времени (более 17 лет). До окончания стройки был разработан и внедрен новый, более прогрессивный способ перегрузки торфа. По этой причине торфоперегружатель передали другому предприятию.

Директор предприятия Черных и управляющий трестом «Ижторф» Милютинский, ответственные за строительство перегружателя, за допущенную бесхозяйственность освобождены от занимаемых должностей.

Министерство топливной промышленности РСФСР в связи с этим фактом приняло меры и улучшению руководства и контроля за капитальным строительством.

Технико - экономическое обоснование строительства Панфиловского сырзавода в Волгоградской области разработано в 1959 году на основании плановых данных в развитии животноводства в этой зоне. Плановые данные оказались ошибочными, производственная мощности завода в связи с неоправдавшимися расчетами на закупку молока были бы использованы только наполовину. В связи с этим строительство было прекращено, оборудование завода передано пищекомбинату, в построенном здании разместили другое предприятие.

Министерство мясной и молочной промышленности РСФСР потребовало от начальников главных управлений и производственных объединений в дальнейшем тщательно анализировать технико-экономические обоснования строительства новых предприятий.

В связи с давностью указанных фактов бесхозяйственности в настоящее время нет законных оснований для привлечение к ответственности виновных лиц.

За приписки на строительстве больничного комплекса в гор. Тим Курской области и дисциплинарной ответственности привлечены главный инженер отдела капитального строительства облисполкома Чистяков и начальник ПМК-720 Ефименко. Прокуратура Курской области продолжает проверку фактов приписок на этом объекте, после окончания которой будет решен вопрос об ответственности виновных.

В статье Г. Радова правильно ставится вопрос о безнаказанности как одной из причин, порождающих бесхозяйственность, расточительство, обман государства и граждан, и указывается на необходимость повышения персональной ответственности виновных в этом лиц.

Создание обстановки нетерпимости к фактам очковтирательства и бесхозяйственности — актуальное и нужное дело.

Опубликованная «Литературной газетой» статья «Безнаказанность» способствует усилению борьбы с подобными явлениями.

М. МАЛЯРОВ,
государственный советник юстиции 1 класса, первый заместитель Генерального прокурора СССР

ЧИТАЯ СВЕЖУЮ ПОЧТУ

«УСТАРЕЛ ЛИ СТАРИНА ВЕЛОСИПЕД?»

У НАШИХ читателей явная симпатия к колесам. Когда «ЛГ» писала о проблемах автомобилизации, ответом был самый широкий поток откликов. Теперь так же активно читатели поддерживают разговор о велосипеде. Частенько они даже отдают предпочтение паре колес перед четырьмя.

«Может быть, это несколько странно слышать от жителя «автомобильного» города Тольятти, но я всей душой за велосипед», — говорится в письме М. Конопляницева. Автор уверен, что «популярность велосипеда у нас в стране очень велика и не нуждается в «подогреве». Требуется только создать нормальные условия для его использования».

С почтой прибывают все новые свидетельства того, что пользоваться велосипедом — особенно в городах — весьма трудно. Житель Новороссийска Ф. Волков обстоятельно пишет, как не приспособлены современные городские квартиры для хранения велосипеда — хоть за окно вывешивай! Ленинградский рабочий С. Петров говорит, что немедленно завел бы «велик», если бы администрация Ленинградского металлического завода, где он работает, оборудовала хоть немудреную стоянку. И так далее, и тому подобное — на темы, остроту которых, откровенно говоря, мы могли уже оценить и по прежней почте.

Но вот письмо, которое заставило нас заново насторожиться.

«С удивлением прочитал в вашей газете, что потребность в запасных частях к велосипедам полностью удовлетворяется. Я уже четыре года в таком крупном центре, как Горький, не могу купить детали к своему «Спутнику», а наиболее часто изнашивающиеся тормозные колодки вообще в продажу не поступали.

В. РАЙГОРОДСКИЙ».

Что такое?.. Да, действительно, мы не без удовольствия опубликовали официальный ответ Минавтопрома СССР, из которого следовало, что, за исключением «обуан», в запасных частях недостатка нет. О чем же свидетельствует сигнал из Горького? Быть может, городу случайно и катастрофически не повезло?

Но не успели мы остановиться на этой «утешительной» мысли, как — новое письмо! На этот раз вполне официальное, подписанное руководителями (директор В. Лавренко, заместитель Б. Блинкин) Харьковской межобластной торговой базы «Укоопгалантерейкультторг», продающей велосипеды и запчасти к ним в сельской местности на территории всей (!) Украины. Читаем:

«Никак нельзя согласиться с ответом Минавтопрома СССР, будто «в настоящее время промышленность полностью удовлетворяет заявки торгующих организаций как по количеству, так и по номенклатуре». Ежегодно наша база на основе поступающих заказов от оптовых кооперативных организаций республики составляет сводную заявку на велозапчасти и направляет ее поставщикам. Затем на межреспубликанских оптовых ярмарках заключаются торговые сделки на закупку необходимых товаров на следующий год. Такая ярмарка проходила в мае в Москве. И какие же результаты в части «полного удовлетворения заявок»?»

Дальше — выразительные цифры. Харьковский велозавод имени Петровского не удовлетворил заявки базы на 20 тысяч ведущих конусов, 10 тысяч шатунов, 100 тысяч кареток шатунов и 50 тысяч велонасосов. Жуковский велозавод недодал еще 50 тысяч каретов шатунов. Пензенский имени Фрунзе «отказался от продажи необходимых нам велозапчастей». Ни один завод не дал колес в сборе с резиной. На 80 процентов втуне осталась заявка на велозаплатки. «Почти неразрешимую проблему составляет закупка вентилей в сборе (Ульяновский машиностроительный завод имени Володарского) и велосчетчиков (владимирский завод «Автоприбор»)».

Мы называем здесь далеко не все, что перечислено в письме, но согласны с его авторами: «Приведенные примеры красноречиво говорят, что с обеспечением велозапчастями дело обстоит совсем не так благополучно, как это представляется Минавтопрому СССР и его Главному управлению по производству мотоциклов и велосипедов».

«Уважаемая редакция, — заключают харьковчане, — мы очень хотели бы, чтобы с нашим письмом были ознакомлены Минавтопром СССР, Министерство торговли СССР, перечисленные в письме промышленные предприятия и чтобы оно помогло решить вопросы, связанные с удовлетворением покупательского спроса на велозапчасти».

Что же, охотно выполняем просьбу... Как, вероятно, помнят читатели, предыдущий редакционный комментарий недвусмысленно давал понять, что официальный ответ Главмотовелопрома трудно счесть удовлетворительным. Надо сказать, что после этого начальник главка Г. Самсонов прислал в редакцию второе письмо, с которым мы еще познакомим читателей. Пока же заметим, что о запасных частях речи в нем нет.

Вопрос этот, как говорится, остается открытым — и в Горьком, к северу-востоку от Москвы, и на Украине, к юго-западу...

ТОЧКА ПОСТАВЛЕНА 12 ИЮНЯ...

Как помнят читатели «ЛГ», в статье писателя Георгия Радова «Безнаказанность», вызвавшей много откликов, в числе других был приведен и пример безответственности в строительстве районной больницы в гор. Тим Курской области. Сооружение ее затянулось на годы, неоднократно срывались «последние», самые «последние» и «окончательные» сроки, назначаемые строителями, вышестоящими организациями, различными проверяющими комиссиями.

Министерство сельского строительства РСФСР и Курский облисполком в своих официальных ответах редакции заверили, что все запланированные объекты больницы будут введены в строй не позже 1 июня 1973 года. Мы опубликовали эти ответы («ЛГ», № 24, 1973), но вынуждены были заметить в редакционном комментарии к ним: увы, опять слово не сдержано, точку ставить рано. Корреспондент «ЛГ» 6 июня звонил в Тим и выяснил, что имеется масса недоделок, роддом не сдан...

И вот в «Литературную газету» пришел еще один официальный ответ:

«В связи с публикацией комментария «Ответы и ответственность» («ЛГ», № 24) направляю копии документов, из которых видно, что все недоделки по первой очереди больницы в Тиме Курской области устранены до 12 июня. Роддом этой больницы принят Государственной комиссией 14 июня с. г.

Приложение: справка и акт на 4 л.

**С. ПОТАПОВ,
начальник Главцчосельстроя Министерства сельского строительства РСФСР»**

Наконец-то! Из приложенного начальником главка акта Государственной комиссии видно: кроме столярных работ, благоустройства и озеленения, выполненных удовлетворительно, все остальное сделано хорошо, такова же и общая оценка. Как говорится, что хорошо, то хорошо. А если бы еще и вовремя, а не с затяжкой на много лет, — было бы совсем хорошо...

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

Н. СМИРНОВА

полемические заметки

КУДА УХОДЯТ ДЕТСКИЕ ИГРЫ?

ПОЛУФАБРИКАТ МЫЛЬНОГО ПУЗЫРЯ

Были мыльные пузыри, стали радужные шары. Переименованные пузыри обитают теперь в пластмассовой круглой коробочке. Стоит нагреть ее в руке согласно инструкции, достать маленькую ракетку с натянутой шампуниевой основой, подуть на нее — вот вам радужный шар. Появление его так элегантно, что поистине невежливым было бы напоминать ему о родстве с мыльным пузырем. Да и то сказать — очень уж старомодно предлагать нашим детям всю эту мороку: выпрашивать мыло, строгать его, ждать, пока оно разойдется в теплой воде, искать соломинку — не тонкую и не толстую, потом макать ее в мыльную пену. Плошка упадет, мыло выскользнет, ребенок пальцы обрежет, мыла наглотается — сколько возможных неприятностей! Недаром коробочки нарасхват.

Но не слишком ли много здесь выгод для нас, взрослых, и не проиграл ли ребенок, получив взамен процесса игры, самого «игранья» — уже готовый результат? Нужен ли он ему, этот полуфабрикат игры?

Берясь за сложные свои приготовления, ребенок еще сам не знает, получится ли у него все, как надо, хватит ли умения, сноровки. И каждый этап здесь — самоутверждение, маленький шаг вперед. И с каждым шагом все ближе этот драгоценный прекрасный шар. Вот бы получился он такой большой, чтобы туда хоть котенка посадить, и он долго и плавно опускался бы с высоты пятого этажа... Или чтобы очень прочный — тогда бы он дожил до зимы и пригодился на елку... Или чтоб вышло многомного маленьких пузырьков, только надо быстро их делать, и получится что-то облачно-кудрявое.

Образы роятся в голове, и чувство удачи заранее окрыляет, и не плошка с мылом, а целый ворох событий у него в руках, когда выбегает он на улицу, — потому что какие же пузыри в комнате!

В игру дитя уходит
с головой:
Притихши, бережно
в тростинку дует,
И вот пузырь, как бы
псалом святой,
Взлетает, славословит
и ликует.

И вот это приготовление праздника, предчувствие радости, разбег фантазии — саму игру мы крадем у ребенка, когда дарим ему маленькую изящную коробочку. Для чего же было уничтожать игру, так бережно хранимую временем? Для чего было изобретать этот полуфабрикат игры? Очевидно, для того, для чего изобретаются все полуфабрикаты, — для экономии времени.

Научно-техническая революция требует от нас, конечно, расторопности, и мы учимся все быстрее думать, работать, ездить, отдыхать, везде находим резервы для экономии времени. Вот решили сэкономить и на часах, отведенных для игры. Постепенно, незаметно для себя и, уж конечно, без злого умысла, взрослые отнимают у детей все новые забавы.

Индустрия игрушек в чем-то отняла у детей и праздник елки. Замена пришла тоже в ослепительном обличье — разве сравнятся вырезанные ребенком из картона, бумаги домики и зайцы со сверкающими магазинными дарами.

«Давай купим» вместо «давай сделаем» нас уже не смущает. Зато теперь мы не тратим свое драгоценное время на всякую ерунду. Наше дело — купить елку, готовые украшения, положить под елку подарки. И так сколько хлопот!

Отняли весенние «кораблики». Ведь по городским узеньким ручейкам пройдет лишь непримятая щепочка или выструганный кораблик из коры. Только они расскажут об опасных рифах, о кораблекрушениях, о необитаемых островах, о пиратах и колумбах. Пластмассовые «плавсредства» с негнущимися парусами тут же утонут, а заводные красавцы требуют полного штиля в ванной.

Отняли коня на палочке, который верно служил мальчишкам всех времен и народов для лихих кавалерийских походов. На тяжелом педальном коне далеко не ускачешь.

Нам во взрослой жизни нужны ощутимые плоды нашей деятельности, важен результат, мы и ребенку предлагаем его из тех же соображений. Мы наивны, как художники, изображавшие младенцев маленькими взрослыми.

Хорошая игрушка дает толчок детской фантазии, затевает игру, держит ее, развивает. Плохая — способна только погасить ее. Важно, чтобы взрослые знали, что такое «хорошая». Не зная этого, они могут причинить ущерб развитию ребенка.

Г. А. ЕСИПЕНКО, заместитель заведующего отделом игрушек «Детского мира»:

— А кто это вам сказал, что играть стали меньше? Ведь игрушки для того, чтобы играть? А они у нас нарасхват. В прошлом году в первом квартале мы продали электрифицированных игрушек на 486 тысяч, а в этом — на 756 тысяч. И музыкальных продали больше, и елочных. На нас теперь работают 40 баз в разных областях страны. Каждый год весной на ярмарке мы делаем закупки отечественных и иностранных игрушек. Радуемся, когда удается наладить производство хорошей новинки. Знаете эти рижские коляски для кукол — точные копии настоящих, даже капюшон навесной откидывается? И вот наконец мы один завод уговорили — он взял у рижан образец, и в 1974 году такую коляску можно будет купить и в Москве, а не везти из Риги. Цена? До 20 рублей, я думаю. Мы сейчас на это не оглядываемся. Вон машины детские по 25 рублей разбирают. Недавно поступила в магазин новая игрушка, радиоуправляемый луноход, так за нее разве жалко 20 рублей? Красивая, современная, полезная. «Хоккей» новосибирского завода больше двух дней на лежит, а уж и дорогой, и громоздкий, но против светового табло ни один папа не устоит! Повар тоже у нас долго не задерживается — очень уж здорово у него блин на сковородке подпрыгивает, аж переворачивается в воздухе. Сейчас детям раздолье. Народ стал лучше жить, больше заботится о детях, вот и балует их. Если бы вы три-четыре года назад к нам пришли, я поняла бы вас — разве сравнишь, какой был ассортимент.

Кстати пойдемте выставку кукол посмотрим, перспективные модели фабрики «Художественная игрушка» и московской «Фабрики кукол». Куклы у нас что-то стали хуже идти — наверное, рынок насытился. Теперь фабрики стараются и новые материалы достать, и одеть их получше. Смотрите, и волосы какие красивые, теперь «в моде» длинные, и ткани новейшие. Вот малыш в ползунках, вот кукла в брючном костюме, вот в кожаной юбочке, вот кукла-невеста, вот в лаковых сапожках.

Так что никак я не пойму вашего беспокойства...

КОМУ НАЗЫВАТЬ КУКЛУ!

Очень симпатичный человек Галина Анатольевна. Но и симпатичные люди заблуждаются, добросовестно, ни на минуту не сомневаясь в своей правоте. Вот, например, ей очень нравится повар — он и вправду эффектен.

Но для ребенка — что толку в поваре, у которого блин «подскакивает на сковороде и даже переворачивается»? Повар — наполовину, на удивление, для гостей.

В 1738 году в Париже произвела фурор (среди взрослых!) заводная утка, которая крякала, била крыльями и клевала рассыпанный корм. Но ведь с тех пор прошло много времени, и маленького человека окружает в быту столько чудес техники, что зачем ему еще и блины на электричестве? Такие игрушки не оставляют места для творческой фантазии ребенка, они услужливо подсовывают готовый образ и сами по себе уже составляют предмет материального удовольствия. Взрослому было интересно придумать такое чудо, сделать его, — для него и игрушка. Думаю, что, покупая игрушки для детей, часто родители покупают их, в сущности, для себя.

Мы любим говорить: каждый ребенок — творец. Но даже назвать куклу мы не даем ребенку: на коробке уже проставлено ее имя.

Неблагодарный, он сидит посреди своих сокровищ и хнычет. Как быстро все ему надоедает, жалуемся мы и приносим еще один автобус, или машинку, или куклу. Изнывая сами под натиском информации, мы не умеем уберечь от нее собственного ребенка и с каждым новым подарком обрушиваем на него все новые впечатления. Нарушена «техника безопасности» (нравственной!) обращения с игрушкой и заложены предпосылки для поверхностности, рассеянности, легкомыслия.

Хорошо, если он сам воспротивится и скажет: убери их все от меня, оставь одного мишку, я не могу любить всех сразу. А если нет? Если подчинится нашему деспотизму и привыкнет смотреть на игрушки, но не играть с ними? Если так и не станут они для него первыми товарищами по играм?

Тогда произойдет то, чему мы так долго способствовали, что никак не проявится внешне, не станет причиной беспокойства родителей, но отразится на всей жизни ребенка, во многом ее обеднив, — ребенок не научится играть. И мы, выходит, собственными руками отбиваем у детей вкус к игре, умение играть — и тем, что изобретаем в принципе неверные игры, и тем, что заваливаем его немыслимым количеством пусть даже хороших игрушек. И тем, что рано оставляем его наедине с телевизором, который тоже не требует активного действия.

Ребенок должен играть! Всегда «золотое детство» связывалось с веселыми, беззаботными играми. Такое счастливое детство нужно и современному человеку, как бы ни изменились условия его жизни, как бы ни возросли скорости.

ДИАГНОЗ — «НЕ ДОИГРАЛ»

А. В. ЗАПОРОЖЕЦ, доктор психологических наук, директор Института дошкольного воспитания Академии педагогических наук СССР:

— На всякой возрастной ступени детства закладываются качества, которые будут определять ребенка как личность во взрослой жизни. В дошкольном возрасте важнейшее из них — воображение. Только в последние годы психологи до конца поняли, насколько это действительно важно. Приведу аргументы, способные убедить людей деловых. Научно-технический прогресс предъявляет сейчас обществу спрос на людей, мыслящих масштабно, гармонично. Открытия стали возможны на стыке различных наук. Узкие специалисты слишком скованы своими знаниями. Энциклопедисты же в наш век чрезвычайно редки. Наука сейчас все больше дифференцируется, и она не в состоянии научить целостному восприятию. Только люди, наделенные богатым воображением, могут собрать воедино разрозненные куски сложнейших явлений.

Не трудно заметить здесь прямую связь с начатками искусства, для которого образ, воображение — необходимо. Япония, например, уже сделала из этого практические выводы и обучает детей искусству не из эстетических побуждений, из чистого прагматизма. Японские учителя убеждены, что никакой другой предмет не может соперничать с искусством в возможности развития гибких ассоциативных форм мышления.

Вот почему и в нашем веке важно детство — только при достаточном созерцании, размышлениях может ребенок осознать и вместить в себя образ. Вот почему важно умение играть — для формирования воображения. А ведь давно это все было известно, предсказано великими людьми: «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет. Это положение покажется парадоксальным, но на нем будет построено, я вам это обещаю, все здание эстетического искусства и еще более трудного искусства жить». Это — Шиллер.

Ребенок с хорошо развитым воображением и учится гораздо лучше. А то ведь и обычная наблюдательность теперь редкость. По свидетельству психологов, дети, только что поступившие в первый класс, недостаточно наблюдательны: не могут точно, интересно, подходя с разных сторон, рассказать о птичке или растении, на которое смотрят. Диагноз — «не доиграл».

КРИЗИСНАЯ СИТУАЦИЯ

В одном дачном поселке, когда выстроились дома, зацвели пионы и появились даже качели и сетки для волейбола, дачники вдруг заметили: очень тихо у них. Слишком даже — не слышно ребячьих голосов. Оказалось, скучно ребятам.

А не хватает им все того же — умения по-настоящему играть. Мы ведь не учили их в раннем детстве, полагая, что этому не учат.

И теперь, когда дети подросли, это стало заметно и тревожно.

Почему даже на даче нет никаких общих игр и вечерами ребята не пропадают в темноте, изображая разведчиков, а смирно сидят, ужинают, в шахматы играют? Казалось бы, лето, каникулы, уроков нет — играйте досыта. Так нет — сидят по домам. Дружат обычно по двое: иногда младшие — лет по 8—9 — объединяются для строительства плота, затеянного взрослыми, или на чей-нибудь день рождения и опять рассыпаются на минигруппы. Дети постарше, лет с 13, в их затеях никогда не участвуют. Они вечером или играют в футбол на лесном поле, или поют там под гитару, окруженные велосипедами. И никаких «казаков-разбойников», которые, бывало, на несколько вечеров захватывали все население городского двора — от 6 до 16.

Очень уж помолодели игры. Как будто табличку повесили: детям после 12 лет играть не разрешается. Хорошо это или плохо? Когда говорят медики, что болезни помолодели — гипертония, близорукость, стенокардия, — всем ясно, что это очень опасно для детского здоровья. А как быть с играми? Может, это признак повзросления поколения, и этому надо радоваться, и спокойно себе сидеть на даче в отвоеванной тишине и спокойствии? А может, потому они не играют, что не знают никаких игр?

Но трудно найти ответ на такие вопросы. Потому что никто играми подростков не занимается, их не изучает. В самой Академии педагогических наук СССР нет ни сектора, ни лаборатории, ни даже отдельных научных сотрудников, занимающихся изучением детских игр. Современная педагогическая наука так деликатна, что не «решается» врываться в интимную жизнь детей.

А ведь когда-то эти проблемы изучались вполне серьезно: в 1921—1923 годах — в Институте игры, в 1923—1927-м — Кружке игр и праздников, в 1927—1936-м — в Институте методов внешкольной работы, позднее на Центральной станции детских развлечений, в Совете по игре центрального Дома художественного воспитания, в разных журналах, популярных у детей и взрослых, «Затейнике», «Всегда всем весело», «Внешкольнике», «Организуйте детвору».

Впрочем, и сейчас на такие вопросы можно найти ответ — неофициальный.

В стране есть десятка полтора энтузиастов, которые наблюдают за игрой пристально и давно уже бьют тревогу, утверждая, что игры подростков переживают кризис. А одно исследование особенно ценно, потому что проводилось долго и тщательно.

ЛАПТА, ДА НЕ ТА

Е. М. МИНСКИН, заведующий отделом игр и развлечений Московского городского дворца пионеров:

— Лет пять назад мы задались целью выяснить, в какие игры, как и сколько играют нынешние дети.

Мы разработали анкету и при содействии многих пионерских вожатых, учителей, классных руководителей опросили несколько тысяч детей, главным образом в Москве и Московской области, а также в некоторых других районах страны, в городе и на селе. Анкета очень проста: 1. В какие игры ты играешь — а) в школе, б) дома, в) на улице. 2. Назови пять-шесть самых любимых тобою игр. Помимо этого, при участии «Пионерской зорьки» был проведен «Всесоюзный поход за играми». Дети присылали описание самых распространенных и полюбившихся им игр. Поступило еще около двух тысяч писем, альбомов, тетрадей с описанием игр. Анализ собранного материала позволяет сделать вывод: наши дети играют мало, намного меньше, чем играли их сверстники 30—50 лет назад, чем это свойственно их возрасту: выбор самодеятельных игр беден и ограничен. Это очень тревожно. И наша вина — взрослых, что игра во всем своем многообразии до сих пор не взята на вооружение ни в школе, ни в семье, ни в пионерской организации.

В ШКОЛЕ дети (как показали их ответы) почти совсем не играют. Есть ребята, которые даже не считают правомерным такой вопрос, обращенный к ним. («В школе я не играю, а учусь», «Школе — заведение, в котором учатся, а не играют»). А тем, кому очень хотелось бы поиграть на переменах, это не разрешается («На перемене мы играем «в слона» и «в чехарду», но играть не дают, приходится следить за учителями»).

Совсем нет упоминаний — ни одного! — об играх на уроках или в предметных кружках.

НА ПИОНЕРСКИХ СБОРАХ игры — явление необычное («...а на сборах мы совещаемся»).

ДОМА если играют, то преимущественно в настольные и тихие игры. Очень распространены шашки и шахматы. За ними идут домино, лото (иногда на деньги) и нарты («с бабушкой, с братом Валентином»). Городские ребята иногда называют покупные настольные игры («Золотой ключик», «С утра до вечера» и другие, а также настольный футбол, хоккей), подаренные взрослыми, чаще всего в день рождения. Играют также в «морской бой», в «крестики-нолики», в «города».

Не столь уж редко встречаются и такие ответы: «дома я ни в какие игры не играю», «дома я делаю уроки, потом смотрю телевизор», «дома никаких игр нет», «хочу играть, но нет возможности» и т. п.

ВО ДВОРЕ, на улице дети затевают «прятки», «салки», «вышибалы», «штандар», «колдунчики», «хали-хало», «казаки-разбойники», «прыгалки», «классики», «ручеек», «12 палочек», «школа мяча». По сравнению с тем, что бывало, это скудный выбор.

Очень редко назывались творческие, сюжетные игры, подобные довоенным играм в «чапаевцев» и «папанинцев», послевоенным — «в партизан».

Зато удивительно много ответов типа: выходим во двор и не знаем, во что играть, скучно. Из Перми прислали описание новой игры — «ресторан». Те же классики, только вместо классов — рубли: 1, 2, 3. Иногда выручка попадает в «ресторан» и тогда все кричат: «пропил!»

Исчезают игры, созданные педагогическим талантом народа, переходящие из поколения в поколение, развивающие смекалку, силу, ловкость, смелость: «горелки», «пустое место», «третий лишний», [illegible]

Много писем, авторы которых (мальчишки 7—14 лет) признают только спортивные игры. Никакие другие подвижные игры «принципиально» не замечают и, похоже, гордятся этим.

Спорт властно теснит подвижные игры, и беды здесь обычно не видят. Мол, чем лапта лучше футбола. Лапта была одной из любимых игр, футбол становится единственной. Если мальчишка хорош в нападении, ему уже не бывать вратарем, не та специализация. Он и один останется — все равно будет, нет, не играть — тренироваться, чтобы отработать «сухой лист», чтобы добиться результата. В лапту принимали любого, в футболе же ценят умение. Впрочем, и лапта зачастую уже не та: играют до изнеможения, обязательно до разгромного счета. Раньше, как правило, счета не вели.

ЗАПЛАНИРОВАННЫЕ УБЫТКИ

Есть у биологов «Красная книга», куда с болью заносят они исчезнувших представителей животного мира. «Красная книга» игр — тех, что исчезают на наших глазах, пополняется с каждым годом. И не сами по себе они уходят, как не сами по себе исчезли странствующие голуби, туры, зубры.

Нить игры, пусть даже ослабленная, резко обрывается в школе. Конечно, есть талантливые педагоги, призывающие игру на уроки, на перемены, однако большинство полагает, что ей не место «за партой». Но ведь и ученье может даваться в игре. А у нас иной раз сама игра становится ученьем.

Представление о школе как о «заведении, в котором учатся, а не играют», так глубоко проникло в сознание, что кажется кощунственным предложение повесить на стенах длинных коридоров игровые стенды: путешествия по карте, слова - перевертыши, загадки, ребусы, шарады, задачи на внимание. А почему?

Игра позволяет безболезненно и даже весело овладевать все новым опытом и приобщаться к жизни взрослых, не боясь, не замечая трудностей.

Именно поэтому многие против перехода на обучение с шести лет: не вдруг переменишь эту инерцию школы, не вдруг научишь школьных учителей, всех, уметь в игре учить математике. Пусть уж лучше ребята поиграют подольше до школы...

Игра должна проникнуть в быт детей, и нужно отойти от шаблона в работе с детьми, посмотреть на себя и на них со стороны. Умело сочетая все типы игр — подвижные, познавательные, творческие, — воспитатель может сделать гораздо интереснее жизнь своих питомцев.

Какие это будут игры — вопрос особый. Чтобы ответить на него, нужно фундаментально исследовать детские игры, выяснить, почему одни уцелели, другие исчезли, возродить несправедливо забытые и наметить направление для создания новых.

Работа, конечно, огромная — не меньше той, что проделали в конце XIX века наши соотечественники А. Филиппов и В. Игнатьев, организовав большой поход за играми по Руси, всколыхнувший всю общественность, или известный исследователь и популяризатор игр Е. Покровский, собравший и описавший две тысячи игр в своем труде, или замечательный ученый П. Лесгафт, который для изучения детских игр совершил путешествие по зарубежным странам.

Эти походы, книги, этнографические экспедиции поддерживали интерес к игре, учили играть и больших, и маленьких.

Почему же сейчас обеспокоена судьбой игры только горстка энтузиастов, слывущих «чудаками»?

Вспомним слова Я. Корчака: «Игры... единственная область, где мы предоставляем ему (ребенку. — Н. С.) более или менее широкую инициативу. Лишь в играх ребенок чувствует себя до некоторой степени независимым».

Да, во многом именно в игре подросток сможет научиться искусству общения, умению проявлять инициативу, принимать решения, играючи преодолевать нервное напряжение — тому, что потребует от него взрослая жизнь.

Это не прихоть, не причуда — игра, а одно из важнейших средств воспитания Человека.

Фото Ю. ЧЕРНЫШЕВА, Н. СВИРИДОВОЙ, Д. ВОЗДВИЖЕНСКОГО

ЭВМ и КВАРТИРА

У читателей «ЛГ» вызвал интерес поднятый газетой разговор об использовании ЭВМ в распределении квартир. Корреспондент «ЛГ» Л. Великанова обратилась к начальнику Управления учета и распределения жилой площади Мосгорисполкома А. Ф. Безавлуку с вопросом:

— Как помогает электронная техника в управлении сложным квартирным фондом столицы?

Вот что он рассказал:

ЗА ПОСЛЕДНИЕ годы в Москве сложилась достаточно стройная и гибкая система распределения жилой площади. В этом большая заслуга городской партийной организации и советских органов, которые уделяют постоянное внимание ее совершенствованию.

Эта система полностью соответствует действующим в нашей стране основным принципам распределения жилья как общественного продукта. Выработаны главные направления распределения жилой площади, и мы своевременно принимаем меры, чтобы использовать ее для удовлетворения неотложных потребностей.

Однако по мере решения ряда крупных социальных проблем (переселение из подвалов, снесение всех бараков и т. д.) объективная оценка наиболее острой нуждаемости в улучшении жилищных условий становится все труднее, требует учета такого количества различных по характеру и значению факторов, которые зачастую не могут быть суммированы обычными средствами.

Представьте себе: ежегодно в Москве распределяется примерно четыре миллиона квадратных метров жилой площади да плюс освобождающиеся квартиры — 200 тысяч семей становятся новоселами. Кто они, эти люди? Рабочие? Инженеры и техники? Студенты? Почему именно они получают новые квартиры? Какую площадь оставляют? Вопросы непраздные.

Вообще-то мы всегда стремились обладать необходимой информацией, рисующей социальный портрет будущего новосела, учитывать качество освобождающегося жилья, однако несколько упрощали задачу. Скажем, так: на очереди стоит семья из пяти человек, глава которой — слесарь одного из автомобильных заводов. Если они получали ордер, считалось, что в новую квартиру вселяется пятеро рабочих автомобильной промышленности, хотя жена главы семьи могла быть медицинской сестрой, дети — студентами, а мать — пенсионеркой. Откровенно говоря, рассортировывать данные о каждом члене семьи вручную мы были просто не в состоянии. Да и вряд ли информация была бы очень достоверной и оперативной...

Даже данные о времени постановки на очередь — и те нередко поступали к нам в искаженном виде. Когда ввели машинный учет, оказалось, что 25—30 процентов «очередников» давно отпраздновали новоселье, но либо «руки не дошли» до того, чтобы снять их с учета, либо они числились в списках для «масштабности», чтобы данному району выделили побольше квартир.

Сейчас, когда учет нуждающихся в жилой площади в значительной степени переложен на ЭВМ, разработана новая карточка учета очередников. В ней 26 пунктов, которые дают полное представление о каждой семье, претендующей на новую квартиру: здесь и размер, и состояние занимаемой площади, и категория учета (семья включена в список на общих основаниях или потому, что один из ее членов — инвалид Отечественной войны или больной туберкулезом и т. д.), и социальное положение каждого.

Эта карточка позволяет буквально за несколько минут получить абсолютно точные сведения о том, сколько нуждающихся в площади стоит у станка и в каких отраслях промышленности они работают, сколько сидят за чертежными столами, работает в школах...

Новая карточка будет учитывать не только метраж, но и тип дома (каменный, смешанный, деревянный), и тип квартиры (со всеми удобствами или, скажем, без горячей воды и т. д.). Теперь под наблюдением окажется весь так называемый ветхий фонд.

Но не только это. Важно иметь полное представление о том, какая семья проживает сегодня в Москве и какой она станет через пять, десять, пятнадцать лет. Сейчас мы очень остро ощущаем недостаток в однокомнатных квартирах: больше стало меньших семей, состоящих из одного-двух человек. А поскольку предложение двухкомнатных квартир отстает от спроса, приходится порой идти на перекос жилой площади и задерживать тех, чья очередь при другой «раскладке» квартир подошла бы значительно быстрее.

ВСЕ ЧАЩЕ возникающие теперь потребности в перераспределении жилья в какой-то степени удовлетворяет сейчас городское бюро по обмену жилой площади. Внедрение электронной техники позволяет «расквартировывать» площадь желающих обменяться (по категориям домов и квартир, метражу, наличию удобств, количеству комнат) настолько быстро, что подготовка к выпуску «Бюллетеня по обмену жилплощади» сокращается с 3 месяцев до 10 дней. И главное: у бюро появляется возможность начать в массовом масштабе подбор вариантов обмена. Это и позволит впоследствии перейти к перераспределению жилой площади.

Сейчас Институт проблем управления решил составить демографический портрет москвича. Управление учета и распределения жилой площади обратилось в институт с просьбой внести в анкету серьезное дополнение: выяснить не только, кто живет в Москве, но и как живет, в каких домах и квартирах. Потом любые изменения — рождения, смерти, перемена места жительства и т. д. — будут постоянно вноситься, и в любой момент информация будет и полной, и достоверной. Это даст возможность проектировщикам разрабатывать оптимальные размеры жилья, не прибегая к весьма приблизительным расчетам.

Задача эта, конечно, очень важная, решение ее только начинается, однако уже первые результаты показывают, что дело перспективное, и ЭВМ завоевывает среди тех, кто занимается учетом и распределением жилой площади, все больше сторонников.

Четко представляя себе основные направления распределения жилой площади, при составлении годовых планов жилищные органы тем не менее нуждаются в строго объективных данных о ее действительной потребности на каждом конкретном участке, чтобы не основе этих данных распланировать весь имеющийся фонд между районами, а также между организациями. Сейчас с помощью того же Института проблем управления мы подходим к решению и этой задачи. В целом же автоматизированную систему управления учетом и распределением жилой площади разрабатывает и будет внедрять Главный научно-исследовательский вычислительный центр Мосгорисполкома.

НАРЯДУ с некоторыми другими организациями ведем контроль за ходом заселения новых домов. Дело это не такое уж простое, как может показаться непосвященному. Зачастую нам приходится сталкиваться с, казалось бы, парадоксальными явлениями: каждая организация, каждое предприятие жаждет получить как можно больше квартир, но потом они... долго пустуют. Почему? Кто в этом виноват? На каком этапе чаще всего происходят заминки?

С помощью ЭВМ в любой момент мы сможем не только ответить на вопрос, сколько площади не заселено в таком-то районе и с какого времени она ждет новоселов, но и назвать номера пустующих квартир. В этом нам очень помогла лаборатория математического моделирования систем управления Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ), с которой мы связаны более двух лет.

Пришлось зашифровать все до единой новостройки и ввести специальный «Учетный талон к ордеру». В этот талон заносятся дата его выдачи, адрес (полностью и в зашифрованном виде — для машинной обработки), название ведомства, предоставившего квартиру, и некоторые другие данные. Наступает первое число, и все «учетные талоны», сданные за предыдущий месяц, поступают в вычислительный центр ЦЭМИ. Теперь достаточно буквально пяти минут, чтобы мы получили, скажем, суммарную справку о том, сколько сейчас жилой площади на заселено по городу в целом и по каждому району (в том числе ведомственной площади) в отдельности. Еще пятнадцать минут — и машина выдает полный список квартир, которые заждались своих хозяев, в рядом будет стоять дата выдачи ордера.

Впрочем, зачем нам говорить о таких практически важных вещах отвлеченно? Вот они, эти данные. Загляните в один из первых районов — Бауманский. Смотрите: по состоянию на июнь в новостройке под шифром 45 долго пустует 596 квартир жилой площади, четырнадцать квартир.

Когда мы начинали эту работу, данные, которые выдавала нам лаборатория, резко отличались от тех, которые поступали из исполкомов районных Советов. Долгое время многие не могли уразуметь, что ЭВМ не принимает никакой неточности и приблизительности — до 90 процентов талонов имели ошибки. Этот этап пройден — в некоторых районах «кривая ошибок» упала до полутора-двух процентов, то есть находится на уровне допустимой нормы.

При хорошей организаторской работе такая информация станет эффективным средством, с помощью которого можно найти виновного и сократить разрыв между детой, когда дом формально считается сданным в эксплуатацию, и временем его фактического вступления в строй.

ПРИ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ внедрении всей задуманной системы вычислительный центр в любой момент сможет представить нам отчет о выполнении плана распределения жилой площади по каждому району. В нем будут содержаться подробнейшие сведения о том, сколько домов (или квартир) «израсходовано» не реконструкцию, на капитальный ремонт, на снос, на служебные и прочие нужды, сколько получили очередники года. Ведется строгий учет выполнения плана обеспечения жилой площадью очередников — по каждой категории в отдельности: инвалиды Отечественной войны I, II, III групп; семьи погибших на фронтах Отечественной войны; инвалиды труда; больные туберкулезом, внесенные в списки не общих основаниях, и т. д. Мы самым тщательным образом следим за тем, получают ли квартиры учителя и врачи — они на особом учете.

Сейчас мы приступили к работе по пересмотру действующего «Положения о порядке распределения жилой площади в г. Москве», имея о виду в большей мере, чем это делается сейчас, учитывать при распределении жилья трудовую и общественно полезную деятельность человека. Хотелось бы, чтобы передовик производства имел явные преимущества в этом деле по сравнению с тем, кто работает не в полную силу, чтобы рабочий горячего цеха или вредного производства имел преимущество перед тем, чей труд легче.

Но для этого нам необходимы точные расчеты: сколько потребуется площади и какой именно, каковы будут сроки предоставления и т. д. Без ЭВМ с такими расчетами не справиться.

С другой стороны, хочу подчеркнуть особо: сама машина никаких решений не принимает — это может сделать только человек. Он закладывает в нее исходные данные, а она выдает разные варианты. Дело руководящих — выбрать из них единственно правильный. И ЭВМ может быстро и безошибочно ответить на вопрос, сколько человек в течение, допустим, пяти лет постоянно подтверждают звание ударника коммунистического труда, многие ли из них нуждаются в улучшении жилищных условий и можно ли в течение ближайшего времени обеспечить этих нуждающихся.

И все же нельзя забывать, что при решении жилищных вопросов речь идет всегда о человеке, со всеми его индивидуальными особенностями, запросами, интересами, взглядами. Машина нам может помочь, но она никогда не заменит личного общения руководителей и работников исполкомов Советов и жилищных органов с теми, кто обращается к ним со своими нуждами, просьбами. Чуткость, забота, внимание к людям являются непременными требованиями, предъявляемыми к тем, кто решает жилищные вопросы, какими бы объективными данными они ни были вооружены с помощью современной техники.

Хочется повторить: все это пока лишь начало работы. Однако мы возлагаем на Главный научно-исследовательский вычислительный центр Мосгорисполкома большие надежды, поскольку уже сейчас видно, что ЭВМ — большое подспорье в решении нашей основной задачи: как можно точнее учитывать и правильно распределять миллионы и миллионы квадратных метров жилой площади, добиваться, чтобы ее по возможности быстро получали именно те, кому она положена в первую очередь. При наших московских масштабах без электронной техники невозможно добиться ни оперативного, всестороннего и точного учета, ни оптимальных вариантов распределения и перераспределения жилой площади.

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГРОССМЕЙСТЕРОВ...

Шахматный мир вступил в новую фазу борьбы за высший титул. Недавно в Ленинграде закончился один из двух межзональных турниров. 21 июля в Бразилии начался второй.

По результатам ленинградского турнира право продолжить борьбу за первенство мира завоевали советские гроссмейстеры Анатолий Карпов, Виктор Корчной и американский гроссмейстер Роберт Бирн.

Пользуясь случаем, «Литературная газета» попросила Виктора Корчного, Бента Ларсена и президента ФИДЕ, экс-чемпиона мира д-ра Макса Эйве, гостившего в Ленинграде, высказать свое мнение по наиболее волнующим проблемам международной шахматной жизни.

Но усадить гроссмейстеров за «круглый стол» «ЛГ», увы, не удалось. Острые углы взаимных упреков и обид легли между двумя собеседниками — Б. Ларсеном и М. Эйве. В такой ситуации не оставалось ничего иного, как побеседовать с гроссмейстерами за разными столами. С Б. Ларсеном — за обеденным столом в ресторане «Астория», с В. Корчным — за рабочим столом в его ленинградской квартире, с М. Эйве — за шахматным столиком в пресс-центре межзонального турнира.

ЭЙВЕ. Шахматы завоевали широкую популярность и признание во всем мире. На сегодняшний день в Международной шахматной федерации (ФИДЕ) представлены 82 страны. Вскоре будут рассмотрены еще два заявления о приеме, поступившие от национальных федераций Иордании и КНР.

Нелегко возглавлять разноязыкую армию в несколько миллионов шахматистов. Особенно когда дело касается «элиты», борющейся за шахматный престол. Претендентов на высший титул с каждым годом становится все больше. Поэтому систему розыгрыша первенства мира приходится постоянно видоизменять и совершенствовать.

Отбор претендентов проводится сейчас в двух межзональных турнирах, а не в одном, как в прошлые годы. Это дает возможность привлечь к участию большее число шахматистов.

Еще одно новшество ожидает претендентов. Если раньше в матче побеждал участник, набравший больше очков в определенном количестве партий, то теперь четвертьфинальные, полуфинальные и финальный поединки будут продолжаться соответственно до трех, четырех и пяти побед при общем лимите встреч — 16, 20 и 24 партии.

Новые правила приведут, на мой взгляд, к более острой, более содержательной борьбе. Теперь вряд ли повторится трагикомическая ситуация, встретившаяся два года назад в матче Петросян — Корчной, когда девять партий из десяти закончились вничью.

КОРЧНОЙ. Новая система представляется мне прогрессивной, хотя, по существу, это и возвращение к старому. Еще матч на первенство мира между Алехиным и Капабланкой игрался до шести выигранных партий.

ЛАРСЕН. Идеальной системы, видимо, нет. Любая имеет свои плюсы и минусы. Но в конце концов побеждает все же сильнейший.

Кто победит в нынешнем цикле соревнования претендентов — сказать трудно. Есть старые фавориты, от которых уже нельзя ожидать многого, и новые, о которых мы еще мало знаем.

Я не думаю, что Карпов сумеет на одном дыхании дойти до Фишера. У молодого гроссмейстера нет опыта матчевой борьбы. Однако полностью исключать эту возможность не следует.

Спасский еще не пришел в себя после матча с Фишером. На недавнем международном турнире в Дортмунде он, правда, разделил первое место с Андерссоном и Хехтом. Но это нельзя считать большим достижением, поскольку состав участников не был выдающимся, а победители не показали даже гроссмейстерского результата.

Когда я сравниваю игру претендентов, мне начинает казаться, что лучшие шансы на победу имеют Корчной и Петросян. Только я не знаю, сохранил ли Петросян энергию и желание бороться за первенство мира.

КОРЧНОЙ. Выиграть состязание претендентов мне вряд ли удастся. Среди моих соперников есть «неудобные» шахматисты. По своему стилю я предпочитаю играть с теми, кто играет сам, а не «стоит на месте». Легче всего в этом смысле мне было бы с Фишером, но проверить свое предположение я, к сожалению, не могу.

ЛАРСЕН. С Фишером легче других играть Петросяну. При хорошей подготовке шансы экс-чемпиона мира отнюдь не хуже. Особенно при хорошей психологической подготовке. В Буэнос-Айресе Петросян не использовал своего переверса. Он, как мне кажется, избрал не совсем правильную тактику, проявив непонятное миролюбие в тот момент, когда Фишер играл неуверенно.

Что касается Спасского, то я не думаю, чтобы его шансы в новом поединке с Фишером были достаточно высоки. Внутренняя уверенность экс-чемпиона мира в борьбе с американским гроссмейстером поколеблена, и ее очень трудно восстановить.

Корчной как-то заметил, что с удовольствием сыграл бы матч с Фишером, но победить бы его не смог. Я не представляю себе, как Корчной может заранее предрекать свое поражение во встрече с кем-либо вообще. Но если он этого ожидает, значит, ему и нечего садиться за доску.

КОРЧНОЙ. Нужно трезво оценивать свои шансы. Мне кажется, я занял более правильную позицию, чем Ларсен и Тайманов перед матчем с Фишером. Лучше несколько недооценивать свои силы, нежели переоценивать их.

Я не боюсь Фишера и доказал это в наших личных встречах. Но трезво взвешивая все «за» и «против», прихожу к выводу, что на победу в матче с чемпионом мира рассчитывать не могу.

Думаю, что и Петросян не слишком надеется на успех. Вряд ли за три года, прошедших со времени его поединка с Фишером, экс-чемпион мира «подрос» как шахматист.

Правда, Петросян психологически меньше пострадал от поражения, нежели его коллеги. Мне кажется, собираясь в Буэнос-Айрес, он отчетливо представлял себе, какие испытания его ожидают, и был готов к худшему. Поэтому результат матча не вызвал у него психического шока, тогда как поражение всех остальных соперников Фишера оставило в их душе глубокий след.

А вообще я считаю, что обыгранное Фишером поколение уже не может с ним успешно бороться. Эта задача по плечу молодежи. Справится ли с ней Карпов? Не знаю. Последние выступления Карпова показали, что как турнирный боец он, видимо, не уступает Фишеру. Но способен ли он противостоять чемпиону мира в единоборстве?

ЛАРСЕН. Чтобы победить Фишера, еще недостаточно хорошо играть в шахматы. Необходимо обладать огромной психологической устойчивостью и твердым характером. Всем памятна «война нервов», объявленная Фишером в Рейкьявике. Она всегда может повториться. В такой ситуации нелегко сохранить хладнокровие и принять правильное решение. Спасскому это не удалось.

КОРЧНОЙ. Спасский должен был уехать из Рейкьявика, как только Фишер начал свою беспрецедентную психологическую атаку, его волю. Вот что значит неправильно оценить обстановку! Впрочем, во время напряженного соревнования наши мысли и чувства — не более чем кривое зеркало действительной ситуации.

ЭЙВЕ. Спасский имел достаточно оснований, чтобы уехать из Рейкьявика. И эта угроза реально существовала. Но в организацию матча было вложено столько труда, а интерес к нему был так велик, что я предпринял все возможное и невозможное, чтобы матч все же состоялся.

ЛАРСЕН. Эйве действительно оказался в затруднительном положении. Как глава «шахматного государства» он обязан был соблюдать правила и пресечь необоснованные требования претендента. С другой стороны, его примиренческую позицию можно понять — весь мир с нетерпением ожидал этого поединка. И все же невольно возникает вопрос: не слишком ли большую заинтересованность проявил президент?

КОРЧНОЙ. Я думаю, президент ФИДЕ поступил неправильно, когда пошел на поводу у Фишера и нарушил регламент матча. Но его действия были лишь отражением действий Спасского. Проявя чемпион мира большую твердость, Эйве не рискнул бы обойти правила.

ЭЙВЕ. Ботвинник в одной из своих статей заметил, что в матче были заинтересованы трое — Фишер, Спасский и я. Не знаю, что имел в виду мой старый друг, но по существу он был прав.

Фишер хотел стать чемпионом мира. Спасский — отстоять свое звание, доказать превосходство над главным соперником. Я же не хотел разочаровывать миллионы любителей шахмат, с нетерпением ожидавших грандиозного поединка.

Мои личные симпатии были на стороне Спасского, и у вас это хорошо знают из моих публичных выступлений. Более того, я уверен, что победа Спасского отвечала бы интересам шахматного мира. С новым чемпионом хлопот не оберешься...

Прежние правила о матчах на первенство мира содержали ряд неясностей и давали повод для разночтения. На ближайшем конгрессе ФИДЕ будет утверждено новое положение. В нем подробно регламентируются все условия соревнования. Никаких лазеек для произвольного толкования правил не останется. И если Фишер вновь попробует выдвинуть непомерные требования и претензии, он получит должный отпор.

ЛАРСЕН. У меня создается впечатление, что Фишер надолго, если не навсегда, отошел от больших шахмат. В бытность претендентом он неоднократно заявлял, что после того, как завоюет звание чемпиона мира, будет играть по два матча в год. Однако поединок со Спасским отнял у американского гроссмейстера столько нервных сил, что теперь он и слышать не хочет ни о матчах, ни даже о турнирах. Не исключена возможность, что в 1975 году Фишер откажется защищать свой титул, и тогда победитель соревнования претендентов автоматически станет чемпионом мира.

КОРЧНОЙ. Возможно и иное объяснение добровольного отшельничества Фишера. Он прошел долгий, утомительный путь борьбы и хочет отдохнуть, как все чемпионы мира.

ЭЙВЕ. История повторяется. Большинство чемпионов мира после восшествия на престол длительное время не участвовали в соревнованиях. Достаточно назвать Капабланку, Алехина, Ботвинника...

ЛАРСЕН. Ботвинник и Капабланка вообще редко выступали в турнирах. А двухгодичный антракт Алехина был вызван коммерческими соображениями: чемпион мира выступал с публичными лекциями и сеансами одновременной игры. Фишер же полностью изолировал себя от шахматного мира, от людей.

ЭЙВЕ. Недавно я беседовал с адвокатом Фишера, и тот сообщил, что чемпион мира не прочь совершить небольшое турне по Европе. Я не знал, на какой гонорар претендует Фишер, и по своей инициативе назначил 5 тысяч долларов за каждый сеанс одновременной игры на 20 досках. Мне удалось найти шесть городов — в Швеции, Югославии и Испании, согласившихся уплатить эту сумму. Однако Фишер назвал ее смехотворной. Он потребовал 50 тысяч долларов за каждое выступление и, кроме того, выдвинул совершенно нелепое условие, чтобы список участников сеанса был представлен ему заранее.

КОРЧНОЙ. Фишер и не думал выступать, поэтому он отгородился долларовым барьером.

ЛАРСЕН. От Фишера можно ожидать самых нелогичных поступков. Что-то осталось в нем нераскрытым, неразвитым. Иногда он напоминает большого ребенка. Различные жизненные ситуации он оценивает только со своей колокольни и не способен взглянуть на них глазами других людей. Его реакция на окружающий мир не адекватна и бывает настолько неожиданной и острой, что делает отношения с ним крайне затруднительными.

Но есть у Фишера и привлекательные черты. Он беспредельно предан шахматам.

Систематического образования чемпион мира не получил. Когда в 1959 году я был его секундантом на турнире претендентов, то не раз повторял ему: «Бобби, ты должен закончить школу». «Вот еще! — отвечал шестнадцатилетний гроссмейстер, уже успевший к этому времени бросить колледж. — Там же все дураки — и ученики, и преподаватели! Только один учитель был не слишком глуп — он неплохо играл в шахматы...»

Финансовые требования Фишера нередко производят впечатление непомерной алчности. Но это не так. Деньги для Фишера не играют своей обычной роли. До, во время и после матча в Рейкьявике американский гроссмейстер отклонил массу выгодных контрактов. Он легко мог получить несколько миллионов долларов, но так же легко от них отказался.

Фишер одержим одной идеей — повысить престиж шахмат. А масштаб престижа в США — деньги.

ЭЙВЕ. Не нужно идеализировать Фишера. Мне кажется, он просто хочет сколотить себе состояние на черный день. Он не раз говорил, что не намерен, подобно Стейницу, Ласкеру, Алехину и многим другим выдающимся шахматистам, умирать в нужде.

Однако я хочу подчеркнуть, что на своем долгом веку не встречал человека, способного уделять шахматам столько времени. Он работает день и ночь. Его шахматные знания поистине универсальны. И все же по своему таланту Фишер уступает великим чемпионам мира — Капабланке и Алехину.

ЛАРСЕН. По-моему, самым большим шахматным талантом обладал Капабланка. Он был так ленив и так хорошо играл! Алехин тоже не мог пожаловаться на свои способности, но работал над шахматами, пожалуй, не меньше Фишера.

ЭЙВЕ. В последние годы вокруг шахматных побед Фишера возник ореол таинственности. «Дополнительным оружием» американского гроссмейстера называют телепатию, гипноз, а то и вовсе черную магию. Я полагаю, что это лишь одно из негодных средств, которыми обыватели пытаются оправдать поражения их кумиров. Я помню, как аналогичные обвинения выдвигались и против Ласкера, и против Таля. В шахматах существует лишь «гипноз» сильных ходов.

ЛАРСЕН. Какое-либо гипнотическое воздействие одного шахматиста на другого во время партии, по-моему, абсолютно невозможно. Я не раз встречался с Фишером за шахматной доской и даже проиграл ему всухую матч в Денвере. Единственное, на что я мог пожаловаться, так это на жару. Но, думаю, погода от Фишера пока еще не зависит...

КОРЧНОЙ. И я никогда не ощущал какого-либо воздействия со стороны Фишера. Однако такой возможности не отвергаю.

Сильная личность всегда подавляет более слабую. Так, Таль в молодые годы, еще не достигнув вершин шахматного мастерства, одерживал удивительные победы над самыми именитыми и опытными соперниками. Я отношу это исключительно за счет сильной личности Таля, который даже сейчас, в межзональном турнире, будучи тяжело больным и подавленным, боролся с неукротимой энергией и выдержкой.

ЛАРСЕН. В последнее время все чаще дискутируется вопрос о сравнительной силе советских и западных шахматистов. Что касается игры, то здесь у советских шахматистов все обстоит благополучно. Лишь несколько западных шахматистов способны успешно конкурировать с сильнейшими советскими гроссмейстерами. И хотя уровень игры на Западе возрос, разница в общем классе между советскими и зарубежными шахматистами осталась почти прежней. Как и 15 лет назад, советская сборная сильнее любой национальной команды на четырех, десяти, двадцати и даже ста досках. И если снова состоится матч СССР — весь остальной мир (а об этом ведутся разговоры), думаю, советские шахматисты победят вновь.

Однако в турнирах последнего времени некоторые советские гроссмейстеры не проявляют той энергии и жажды победы, которыми они всегда гордились.

ЭЙВЕ. У советских шахматистов нет оснований для беспокойства. Тот факт, что после 25-летнего господства они потеряли звание чемпиона мира, конечно, неприятен, но трагедии из этого делать не следует.

Зато у советских шахматистов появился новый стимул — возвратить шахматную корону. Он должен вызвать новый подъем шахматного движения. Этот подъем, как я заметил, уже начался. Выросла плеяда молодых талантливых гроссмейстеров во главе с Анатолием Карповым. А за ними — я уверен — стоит огромная армия одаренных юношей, еще не успевших проявить себя на международной арене.

***

Еще один вопрос, касающийся президента ФИДЕ, вынесен за рамки общей беседы.

Как известно, на всех не угодишь. Деятельность М. Эйве на посту президента ФИДЕ вызывала порой недовольство. В последнее время против Эйве ополчился Б. Ларсен, считающий его персонально ответственным за свою неудачу в Ленинграде.

— Пока Эйве занимает пост президента, — сказал с нескрываемым раздражением Ларсен, — я не буду участвовать ни в одном соревновании под эгидой ФИДЕ.

В сентябре нынешнего года состоится очередной конгресс ФИДЕ, где должен быть избран президент.

— Намерены ли вы баллотироваться на второй срок? — спросил я у голландского гроссмейстера.

— Не знаю, не знаю. Мне ведь уже 72 года...

— Ну, возраст не помеха. Почетный президент МОК Эвери Брэндедж в 86 лет женился на своей тридцатилетней секретарше.

— Он допустил оплошность.

— Какую?

— Мог бы найти невесту и помоложе...

Виктор ХЕНКИН,
мастер спорта

23 июля 1973 г. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 30

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

СТАРОЕ И НОВОЕ — РЯДОМ

ВЕНГРИЯ. Маленькое кафе расположилось на крепостной стене Рыбачьего бастиона Будапешта.

БОЛГАРИЯ. Старая ветряная мельница живописно сочетается с новыми корпусами курорта «Солнечный берег».

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. Дворик старинного замка Карлштейн превращен в театр. На его сцене — спектакль «Ночь в Карлштейне».

Фото Г. КОПОСОВА и М. ТРАХМАНА

Владимир ЦВЕТОВ

ТРУДНАЯ ДОЛЯ «БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКОВ»

«БЕЛЫЕ ВОРОТНИЧКИ» — ТАК НАЗЫВАЮТ В ЯПОНИИ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛ И СЛУЖАЩИХ

ШУМЛИВАЯ стайка иностранных туристов вошла в конструкторское бюро завода, принадлежащего компании «Мацусита дэнки». Чужая речь нарушила тишину большого зала, но никто из инженеров, чертежников и операторов счетных машин не оторвался от дела, никто не бросил и взгляда в сторону гостей. В конструкторском бюро захронометрировано время всех операций. Иной раз кажется, будто здесь захронометрирована даже скорость творческой мысли конструкторов.

Восемь минут в день сотруднику конструкторского бюро разрешается потратить на туалет и на «перекуры». Сорок минут — продолжительность обеденного перерыва. Покидать пределы завода запрещено. Необходимую книгу или справочник приносит из библиотеки курьер. Время, которое ему требуется, тоже захронометрировано. Инженеров не отвлекают от работы вызовами к начальнику — тот приходит к ним сам, да и то лишь в исключительных случаях, так как в рабочее время совещания не проводятся. «Планеркам», «летучкам» отведены 15 минут до начала смены. Инженеры никогда не делают того, что входит в обязанности чертежников или операторов. Даже карандаши для них точит технический сотрудник. Компания считает: если она платит инженерам - конструкторам за технические идеи и решения, то должна получать за свои деньги максимум отдачи.

* *

«Современная масса индустриалистов — владельцев акций, с одной стороны, и обладателей специальных технических знаний, — с другой, становится движущей силой в управлении предприятиями и создании материальных богатств, в развитии экономики и всего общества. В головах тех, кто каждый день входит в ворота предприятий и учреждений, уже нет мысли, что они относятся к категории угнетенного пролетариата. Их наполняет гордостью сознание того, что они представляют собой японскую трудовую элиту».

Эти слова принадлежат новоявленному японскому «философу» Токусабуро Косака — президенту химической компании «Синъэцу кагаку». Он явно стремится доказать отсутствие классовых противоречий между предпринимателями и «белыми воротничками», приобретающими все больший вес на производстве.

Доля японских «белых воротничков» [illegible] обслуживания [illegible] численности [illegible] так быстро, что уже через два года достигнет, по подсчетам экономистов, 27 процентов, а еще через десять лет — 36 процентов. Если в 1972 году потребность Японии в специалистах по электронно-вычислительным машинам составляла 134 200 человек, то в 1975 году японской экономике нужно будет 273 300 таких работников.

Однако не только автоматизация и кибернетизация производственных процессов, усложнение оборудования ведут к повышению роли и значения «белых воротничков». На некоторых из них — наиболее подготовленных и опытных — предприниматели возлагают функции управления. Производство приобрело такие масштабы, что сами хозяева — президенты, члены советов директоров — уже не в состоянии квалифицированно руководить нынешними гигантскими компаниями, выпускающими тысячи наименований всевозможных товаров, имеющими производственные связи с сотнями фирм и располагающими широкой сетью сбытовых организаций. Внутри компаний происходит, выражаясь языком менеджеров, «делегирование ответственности» низшим управленческим слоям.

В крупных компаниях для «белых воротничков» разработаны «должностные характеристики», в которых дается схема связей и подчинения каждой должности и четко определяются обязанности и пределы ответственности занимающего ее работника. В указанных рамках он волен принимать любые решения, которые сочтет нужным. Целесообразность решений проверяется единственным показателем: размерами прибыли, которую получают хозяева. Консультации с начальством не возбраняются. Однако слишком частое обращение за советом может быть воспринято как признак несоответствия должности.

Японские предприниматели децентрализуют и сами компании, создавая хозрасчетные отделения, руководство которыми передают высшему слою «белых воротничков». Мерилом оценки деятельности руководителей отделений служат также размеры прибыли. [illegible] обеспечивается эта прибыль, [illegible]. Они предоставляют доверенным людям полную самостоятельность, оставляя за собой лишь функции контроля и выработку общей политики.

В нефтяной компании, [illegible] за отделения нефтепереработки, транспортировки, сбыта, [illegible] нефть [illegible] нефтепромышленников, а покупать ее в ином месте, если [illegible] цена [illegible] компании. [illegible] нефтедобычи так должен решить, как снизить себестоимость продукции [illegible] — отделение очистки. [illegible] «белый воротничок».

Может быть, Токусабуро Косака все же прав и действительно сформировалась, как он пишет, «масса индустриалистов», этакий единый социальный слой, состоящий из «владельцев акций» и «обладателей специальных технических знаний»?

Руководитель отделения электровентиляторов компании «Мацусита дэнки» — специалист с тридцатилетним опытом — зарабатывает (со всеми надбавками и премиальными) примерно 120 тысяч иен в месяц, а ежемесячный доход его хозяина Коносукэ Мацусита превышает 70 миллионов.

«Белые воротнички» выполняют работу, требующую самой высокой квалификации. Каждый из них затратил немало средств, чтобы получить дорогостоящее в Японии высшее образование. Интенсификация их труда исключительно велика. Однако зарплата японских «белых воротничков», занятых, к примеру, в обрабатывающей промышленности, в 2,7 раза меньше средней заработной платы американских рабочих. Опрос показал, что только 5 процентов из них причисляют себя к классу капиталистов. Почти 43 процента опрошенных относят себя, вопреки утверждениям Токусабуро Косака, к рабочему классу, то есть к «угнетенному пролетариату».

Такой результат получен несмотря на то, что в ходе приемных экзаменов в промышленных и торговых компаниях, в банках и страховых фирмах отсеивается значительная часть кандидатов в служащие, имеющих классовое самосознание и потому опасных для капиталистов.

Разумеется, во время приемных экзаменов компании тщательно проверяют и степень подготовленности людей, и их способности. Выпускник университета, к 29 годам ставший заведующим отделом крупнейшей маклерской фирмы «Номура секюритиз», шесть раз сдавал экзамены, прежде чем его приняли на работу. «Перед каждым «заходом» к экзаменаторам я «долбил» учебники как одержимый, — говорит он. [illegible] — Мне удалось восполнить пробелы университетского образования, [illegible]. И все же прежде всего приемные экзамены — это своего рода «социальное сито», их главная цель — отобрать «положительные умы» («положительные» с точки зрения предпринимателей).

Предприниматели стремятся выжать из инженерно-технического персонала и служащих максимум того, что они могут дать производству, ибо от этого зависят суммы прибылей.

В электротехнической компании «Хитати», например, молодой специалист в течение первых лет должен потрудиться в цехе, попробовать свои силы в работе с кадрами и, наконец, проявить себя в области управления предприятием. Итоги его деятельности на каждом этапе «джоб ротэйшн» (этим английским термином обозначают в Японии такое чередование видов труда), оценка его склонностей заносятся на карточку. На основании этих данных делают вывод, где рациональнее всего использовать молодого работника.

Карточки на инженерно-технический персонал и на служащих заведены практически во всех крупных компаниях. Карточка — не свод анкетных сведений и не послужной список. Это, скорее, зачетная книжка, в которой проставляются отметки за проявленные деловые и личные качества. Так, в автомобильной компании «Ниссан» в карточку записывают очки, получаемые работником во время регулярных аттестаций. В карточках инженеров, техников, служащих электротехнической компании «Мацусита дэнки» есть графа: «способность к творчеству». Если «белый воротничок» за определенный период времени не вносит предложений, рационализирующих производство, в графе помечают: «способность к творчеству — нулевая».

По карточкам определяют, допустить работника к экзамену на замещение более высокой должности или перевести на менее ответственный пост, заслуживает ли он увеличения заработной платы и следует ли ему повышать квалификацию. В текстильной компании «Тойё рэйон» список должностей содержит точные указания, какими данными надо обладать, чтобы занять любую из них. Список сопоставляется с карточками сотрудников, и таким путем подбираются наиболее подходящие кадры.

Аттестация в большинстве крупных японских компаний проводится по следующим пунктам: достигнутые производственные показатели, умение планировать работу и постоянно добиваться повышении производительности труда, искусство находить общий язык с подчиненными, наличие творческой жилки. В «Мацусита дэнки» учитывают, кроме того, способность воспитывать смену. Там введен институт кандидатов на руководящие должности, получающих соответствующую надбавку к заработной плате. Администрация компании следит за тем, как непосредственный начальник помогает кандидату повышать профессиональный уровень. При этом начальник должен постоянно доказывать администрации свое превосходство над кандидатом.

«Таким образом, — пишут видные японские ученые в книге «Управление фирмами в Японии», — на вновь открывающуюся вакансию направляются только те люди, которые уже зарекомендовали себя как специалисты. Одновременно удается предотвратить ущерб, который может явиться следствием длительного пребывания на определенной должности человека, лишенного необходимых деловых качеств».

Подобная система имеет, однако, и оборотную сторону, о чем авторы книги «Управление фирмами в Японии» предпочитают не говорить. В компаниях царит атмосфера страха и заискивания перед начальством — ведь от него зависят оценки, выставляемые в карточках. Для того чтобы на очередной аттестации набрать удовлетворительную сумму очков, «белый воротничок» не только «выкладывается», но и демонстрирует угодный начальству образ мыслей. Начальство же относится к подчиненным с подозрением и ненавистью: оно считает их конкурентами, которые, стремясь занять должность повыше, добиваются похвальных оценок в карточках. Такой моральный климат вполне устраивает предпринимателей: он разобщает людей и отвлекает от антимонополистической борьбы.

Оплата труда в зависимости от возраста и непрерывного стажа работы на одном месте заставляет персонал дорожить компанией, держаться за нее. Служащий знает, что, когда компания предложит ему уйти с работы «по старости», сумма выходного пособия — эквивалента пенсии — будет определяться его стажем. Это еще одна цепь, удерживающая человека в данной компании.

Дополнительным средством поощрения являются надбавки к основной, или, как ее называют в Японии, «базисной», заработной плате и премиальные. Надбавки за высокие производственные показатели, за выполнение операций, требующих особых знаний и мастерства, составляют, к примеру, в металлургии 35 процентов общей суммы зарплаты, на транспорте — 25 процентов, в обрабатывающей промышленности — 16 процентов. Премиальные поднимают годовой доход «белых воротничков» почти на одну четверть.

Начальная заработная плата молодого специалиста с университетским дипломом — 33 тысячи иен. Техник или служащий, окончивший повышенную среднюю школу, получает чуть больше 26 тысяч иен. А прожиточный минимум одного человека составляет 41 тысячу иен в месяц. И если у человека семья, дети... Хотя «белые воротнички» старшего поколения находятся в несравненно лучшем положении, многие из них не могут обеспечить прожиточный минимум своей семьи. Вот почему они вынуждены работать сверхурочно. На крупных предприятиях их рабочая неделя длится около 55 часов.

Умственное перенапряжение вызывает своего рода профессиональное заболевание у японских «белых воротничков». Его симптомы — апатия и депрессия. Это состояние усугубляется атмосферой всеобщей вражды в цехе, в лаборатории, в конструкторском бюро.

Пораженные этим заболеванием люди перестают творчески мыслить, работу выполняют механически, избегают чтения технической литературы, с тревогой отмечает газета «Нихон кэйдзай симбун».

На вопрос обследователей-социологов: «Оправдываются ли ваши надежды на творческий увлекательный труд?» — более 45 процентов «белых воротничков» ответили отрицательно, а 7 процентов заявили, что с самого начала работы в компании на такой труд и не рассчитывали.

«Белые воротнички» недовольны существующим строем. Буржуазная газета «Нихон кэйдзай симбун» считает это недовольство «признаком профессионального заболевания». Но в таком случае больны по меньшей мере три с половиной миллиона «белых воротничков». Согласно социологическому обследованию, 42 процента научно-технических работников и служащих всех возрастов считают, что в нынешней Японии невозможно кардинальное решение таких проблем, как повышение заработной платы трудящихся, улучшение условий труда, прекращение загрязнения окружающей среды. То же обследование показало: 52 процента «белых воротничков» голосуют на выборах за оппозиционные партии.

за рубежом

ЭКОНОМИКА И НАУКА, БЫТ И НРАВЫ

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ «МАЛЬБОРО»

— Я, КОНЕЧНО, много курю, — соглашается моя американская знакомая Линда Уошборн. — Больше пачки сигарет в день. А ведь началось с чего? Я приехала в Нью-Йорк, в колледж, где мало кого знала. В общежитии подружки собирались подымить в гостиной — в комнате курить не разрешалось. Чтобы познакомиться, найти друзей, я приходила в гостиную и сначала втягивала чужой дым без всякого удовольствия, а потом быстро втянулась и сама...

Линда давно уже перестала быть студенткой. А привычка курить у нее осталась. И вместе с Линдой курят еще пятьдесят миллионов ее соотечественниц и соотечественников или около того. Ее муж Майкл, впрочем, не курит.

В США *бороться* с курением нынче стало модой. Обычно вспоминают Марка Твена, считавшего, что нет ничего проще, как бросить курить, — лично он делал это много раз. Дело, однако, движется медленно. Но все же движется. Случается, в компании из 10—12 человек за весь вечер никто сигарету в рот не возьмет. Вообще-то, может, кто-нибудь из них и курит, но, уважая большинство, при всех в карман за пачкой не тянется.

Любопытна тенденция: число курящих мужчин сокращается, курящих женщин — растет. Сейчас в США курит 30,5 процента взрослых женщин, половина — по пачке сигарет в день и больше. Раньше курильщиц было намного меньше. Курят также 43 процента мужчин (по сравнению с 53 процентами в 1964 году). Среди молодежи процент курящих выше, чем среди взрослых.

Табачные монополии ради прибыли готовы младенца к сигарете приучить. Большие доходы получает и казна. Около половины тех пятидесяти — шестидесяти центов, которые американец платит за пачку сигарет, составляют федеральные и местные налоги. В прошлом году табачный налог достиг 5,1 миллиарда долларов. Некоторые экономисты, впрочем, предлагают подсчитать общегосударственный ущерб от ухудшения народного здоровья на почве курения и предсказывают, что убытки превысят доход, который при таком обороте дела рассеется, как дым.

КАМПАНИЯ американской общественности против курения началась в 1964 году, после опубликования доклада, подготовленного в результате длительных исследований авторитетной комиссией экспертов. Спустя шесть лет конгресс принял закон — на каждой пачке сигарет фабриканты обязаны печатать предупреждение: «По мнению главного врача страны, курение сигарет опасно для вашего здоровья». Табачные компании должны сопровождать этой фразой любую рекламу сигарет в печати. Компании иногда хитрят, пользуются шрифтом помельче и уголком подальше, соблюдая закон лишь формально. Тем не менее теперь каждый умеющий читать предупреждается, на что он идет, открывая пачку.

Как показывает американский опыт, одна предупредительная надпись не в силах исправить положение. Но это вовсе не означает, что она полностью бесполезна. После введения обязательной надписи потребление сигарет в США сократилось. Потом оно поднялось до прежнего уровня. Но, кто знает, без нее, возможно, дело обстояло бы еще хуже.

Теперь впору упомянуть о таком сильно действующем факторе, как американская реклама. В настоящее время расхваливать сигареты по телевидению запрещено. Зато газеты и журналы «процветают» во многом на «табачные деньги». Рекламные картинки в еженедельниках исключительно цветные, рассчитаны на очень широкий диапазон человеческих эмоций: стремление к романтике (юная парочка курит на зеленой лужайке); нужда в общении (джентльмены курят за дружеской беседой); мужество (добрый молодец жадно затягивается сигаретой); нежность (пахитоской «балуется» хрупкое создание); тщеславие (курение — неотъемлемый признак «красивой жизни»); вкусовые ощущения (табачные компании сообщают, что над улучшением «вкуса» сигарет трудятся целые научно - исследовательские *лаборатории*). Пропаганду сигарет на фоне природы — самый частый вариант рекламы — некоторые называют «экологической порнографией» и насилием над здравым смыслом: природа и дым не вяжутся друг с другом.

На площади Таймс-сквер в Нью-Йорке на крыше высокого дома два фанерных молодца с открытыми ртами выпускают клубы дыма на и без того задымленные улицы города. Это реклама марки «Уинстон». На стенах и крышах зданий, на щитах вдоль дорог то и дело встречается такой призыв: «Приезжайте в страну «Мальборо». Но бесполезно искать эту страну на карте. Более того, спрашивать объяснении у компании «Филипп Моррис», выпускающей сигареты марки «Мальборо». Расчет тут простой: «страна «Мальборо» звучит привлекательно, немного таинственно, немного сентиментально. А на щитах — продубленный всеми ветрами прерий ковбой с сигаретой, кони, сочные луга, закат...

Не сдавая позиций на сигаретном фронте, табачные компании одновременно начали в прошлом году фланговый маневр против закона о предостерегающей надписи, выбросив на рынок так называемые «маленькие сигары», внешне те же сигареты, по двадцать штук в пачке и даже с фильтром, только в обертке из обычного табачного листа вместо бумаги, да с табаком покрепче, напоминающим сигарный. Мини-сигары значительно дешевле сигарет, поскольку налог на них в пять раз меньше. В ближайшей ко мне аптеке сигареты — за прилавком, на полке, обращайся к продавцу, а «маленькие сигары» — на прилавке, бери какие хочешь. Всем, конечно, ясно, что через «дырку» в законе пролез волк в овечьей шкуре. Мини-сигары не запрещается рекламировать по телевидению. Не надо печатать надпись-предупреждение. В этом году предполагается продать 3,3 миллиарда «сигариллос». Вперед вырвалась марка «Уинчестер». Ее курит на телеэкране шустрый, ковбойского вида тип с усиками, легко умыкающий красоток от тщедушных некурящих кавалеров, — достаточно ему вынуть из кармана джинсов пачку «Уинчестера»...

ВЕСЬМА существенную помощь табачным фабрикантам в их погоне за прибылью оказывает вашингтонское «табачное лобби», то есть конгрессмены и сенаторы из штатов вроде Северной Каролины, где выращивается табак. О том, как они действуют, можно судить хотя бы по недавнему выступлению сенатора Кука, который назвал главного врача страны «паникером», а его последний доклад, содержащий дополнительные данные о вреде курения, — «опасным и лживым, основанным на манипуляциях и подтасовке фактов».

Многие члены конгресса, надо отдать им должное, предпринимают попытки так расширить понятие «сигарета», чтобы включить в него и «маленькие сигары» со всеми вытекающими из этого последствиями: повышением налога, предупредительной надписью и т. п.

Часть печати, в первую очередь, конечно, издания специальные, регулярно публикует новые данные по проблеме курения. Например, «Джорнел оф американ медикал ассошиэйшн», орган американской медицинской ассоциации, в своем майском номере, сославшись на статистику, сообщил, что курящие женщины умирают раньше, чем некурящие. Печать ввела термин «пассивное курение» и пишет, что, строго говоря, все американцы — курильщики, но делятся на две группы: курящие курильщики и некурящие курильщики, то есть те, кто поневоле вдыхает по второму разу чужой, уже «потребленный» или «подержанный» соседский дым.

Движение в защиту, так сказать, вторичных жертв курения особенно набрало силу после опубликования в январе прошлого года доклада главного врача страны «Последствия курения для здоровья», в котором основное внимание уделялось здоровью некурящих курильщиков. Вот пример. Профессор бактериологии Калифорнийского университета Альберт Крюгер считает, что табачный дым снижает число ионов в воздухе, а это действует на окружающих, как легкий дурман, и снижает их работоспособность.

Раньше в США можно было курить где угодно, чуть ли не в родильной палате. Сейчас вводятся ограничения: «Вы курите? Если курите, садитесь, будьте там любезны, в левой части зала. Не будете курить? Тогда проходите в правую часть, там вам не придется страдать от курящих соседей». Авиакомпании начали рассаживать пассажиров по разным салонам в самолетах в соответствии с указанием управления гражданской авиации США. Некоторые гостиницы в порядке эксперимента ввели комнаты для некурящих — курить в них строго запрещено, и потому отсутствуют даже самые слабые следы запаха дыма. Гостиничный траст «Марриот» в Вашингтоне выделил целые этажи для некурящих постояльцев. Впрочем, и здесь дает о себе знать забота не о здоровье, а всё о той же прибыли. Как писала газета «Вашингтон ивнинг стар энд дейли ньюс», «пепельницы убрали в надежде на привлечение некурящих клиентов, которым опротивели пропитанные застоявшимся табачным запахом номера». Кроме того, хозяева «Марриота» надеются, что отныне у них будет меньше хлопот с прожженными занавесками и одеялами, испорченными мягкими креслами или коврами.

В штате Нью-Джерси в прошлом году приняли закон, карающий нарушителя надписи «Не курить» тюремным заключением на шесть месяцев. Насколько известно, пока что в соответствии с новым законом никого не осудили. В борьбе с устарелыми привычками и укоренившимися обычаями запрещать легче, чем обеспечивать выполнение введенных запретов.

Все чаще в американских городах можно встретить антиникотинную рекламу, оплачиваемую обычно национальным противораковым обществом. У него своя реклама, свой девиз: «Следуй знамению времени, бросай курить!» Пресса, наряду с рекламой табачных изделий, публикует подчас и довольно убедительные материалы о вреде табака. Запомнился, например, репортаж журналиста, который умер от рака легких, развившегося на почве курения. Буквально на смертном одре этот журналист описал свои мучения с просьбой опубликовать его рассказ, когда его самого уже не будет в живых, что и сделал журнал «Ридерс дайджест». Право слово, жуткий рассказ.

ПОСКОЛЬКУ в США спрос всегда рождает предложение, всякий, пожелавший бросить курить, может воспользоваться помощью — платной, конечно, — различных организаций и обществ. В Нью-Йорке, в частности, можно вступить в «Общество бросающих курить» («Смоук-эндерс»). Я посетил заседание одной из групп этого общества, проходившее в отеле «Хилтон». Дым в зале ел глаза — курили все. Сэнди Вайл, энергичная активистка общества, открыла заседание такой фразой: «Пожалуйста, не стесняйтесь, курите, сколько душе угодно». Но она же раздала присутствующим новичкам каждому бумажную полоску и попросила обернуть ее вокруг пачки сигарет, чтобы отмечать на ней точное время каждой выкуренной сигареты.

Учет и контроль нужны для выявления конкретных привычек: курите ли вы до завтрака, в постели, на работе или в гостях, чтобы отыскать самый эффективный путь борьбы. А тем, кто страдает забывчивостью, выдается карандаш, длиной и толщиной имитирующий сигарету, — его нужно всегда держать в пачке, он первый из нее и выпадает, стоит только полезть за сигаретой.

У членов «Общества бросающих курить» много выдумок такого рода: на особой карточке, например, предлагается подсчитывать экономию от сокращения потребления сигарет. Американцы любят считать доходы и убытки, да и сигареты дороги (налог!), значит, и подобная карточка может оказать влияние на поведение и привычки людей. Порознь каждое такое правило выглядит не столь уж серьезно, в совокупности же они дают известный эффект.

За три часа, пока продолжалась беседа Сэнди Вайл, ни слова не было сказано о прокопченных легких или о раке, не упоминались даже просто желтые пальцы. Подход — индивидуально-психологический, ведь причины, толкнувшие людей к сигарете, у разных людей разные, но все же не настолько, чтобы их нельзя было классифицировать. Присутствующие заполняют две анкеты — одну в 40 и другую в 20 вопросов. По ним рисуют психологический портрет табакура, курильщиков группируют по схожести этих портретов и вручают им подходящую «отмычку»...

— Мы не будем пичкать вас лекарствами, — говорит Сэнди Вайл. — Мы не будем пугать вас статистикой смертности. Наш инструмент — призыв к здравому смыслу. И помните, что если еще недавно курить было модно, то сейчас модно не курить.

У меня не было нужды посещать все пять обязательных занятий — я не курю и, следовательно, не могу назвать точный процент, так сказать, попадания в яблочко. Но руководители «Общества бросающих курить» в штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут утверждают, что почти все, присоединившиеся к ним, расправляются с «дымным змием» уже через месяц.

В 1971 году американцы выкурили 536 миллиардов сигарет при 210-миллионном населении. Да плюс 7 миллиардов сигар, да еще разжевали 30 тысяч тонн жевательного табака и сунули в ноздри 10 тысяч тонн табака нюхательного. Соревноваться в этом с ними нет никакого резона — лучше сильно поотстать. Страну «Мальборо» можно и объехать...

Геннадий ГЕРАСИМОВ,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

НЬЮ-ЙОРК

26 ИЮЛЯ — РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРАЗДНИК РЕСПУБЛИКИ КУБА, 20-я ГОДОВЩИНА ШТУРМА КАЗАРМЫ МОНКАДА

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

РЕСПУБЛИКА КУБА

Николас Гильен побывал недавно в Москве. Он посетил редакцию «ЛГ» и в беседе с нашим корреспондентом сказал:

— Вместе с коренными изменениями в жизни кубинского народа изменился и характер кубинской литературы — она стала боевой, оптимистичной, ищущей свое национальное лицо.

Наша страна сейчас переживает период всеобщего приобщения к культуре. В народе развивается не только вкус к чтению, но и вкус к творчеству, а отсюда — и новые имена в кубинской литературе. Приведу один пример: два года назад на конкурсе начинающих писателей первую премию в области поэзии получил рабочий. Многие книги, представленные на конкурс для начинающих (а в нем не обязательно участвуют молодые люди — важно лишь, чтобы они представили свою первую книгу), вполне заслуживают того, чтобы быть отмеченными на общенациональном литературном конкурсе.

Я часто бываю в Советском Союзе, и мои чувства по отношению к советским людям — самые дружеские, самые искренние. Кубинский народ высоко ценит ту помощь, которую оказывает ему Советский Союз в революционных преобразованиях. Мне очень приятно, что «Литературная газета» посвящает одну из своих страниц кубинской прозе и поэзии.

ПЕРВЫЕ СЕМЬДЕСЯТ...

За оживленной дружеской беседой, потягивая крепчайший черный кофе, которым нас угощала милая Роса, и, разумеется, отнюдь не меньшей крепости ром, которым заботливо потчевал Николас, мы, засидевшись у супругов Гильенов, признаться, совсем было упустили из виду переданное нам предупреждение врача: не переутомлять поэта, обязанного выдерживать строгий режим.

Режим — и Гильен? Знающим близко Николаса вообразить это, конечно, трудно, невозможно, как, скажем, немыслимо поставить знак равенства между именем поэта и его возрастом. Несовместимо. Такого рода сопоставления он, кстати, сам категорически отвергает.

Вспоминается, когда ему «стукнуло» шесть десятков, он с самым серьезным видом — хотя лукавые огоньки мелькали в его на редкость выразительных глазах — утверждал:

— Что ты, какие шестьдесят? Число лет нужно делить пополам. Иначе нельзя — чрезвычайно много работы у нас, на Кубе, а работа, естественно, не ждет. А вот представишь, что тебе всего-навсего два раза по тридцать, — работается легче...

Вероятно, под влиянием подобных рассуждений в дни семидесятилетнего юбилея национального поэта Кубы его давний друг и соратник Хуан Маринельо опубликовал статью под красноречивым, очень по-гильеновски звучавшим названием — «В первые семьдесят лет Николаса Гильена».

В ходе нашей беседы кто-то в шутку заметил, что Николасу весьма удобно, не отрываясь от ритма жизни Гаваны и страны, соблюдать предписанный врачом домашний режим: с балкона его квартиры на двадцать втором этаже одного из небоскребов близ набережной далеко видно вокруг. Поэт расхохотался, еще энергичнее стал раскачиваться в кресле-качалке и тут же несколько укоризненно заметил:

— Поверь, дорогой, все виднее с земли, и только с земли!

Еще ранее доводилось мне слышать в Гаване: если хочешь найти Николаса, не трать время на телефонные звонки ему домой — вернее встретить его там, где люди.

Возможно, сейчас он обсуждает какие-то текущие дела в Союзе писателей и деятелей культуры Кубы, — и двери служебного кабинета президента союза всегда открыты для всех. Или в своей белой гуайабере — просторной блузе кубинского крестьянина, так гармонирующей с его длинными седыми волосами, еще более оттеняющей крупное лицо и мускулистые руки, он проходит по узким улочкам древнего города Камагуэя. Или беседует с молодыми поэтами из «Литературной мастерской» Бригады имени братьев Сааис — в сад и коридоры, на веранду писательского дворца в бывшем аристократическом районе столицы. Ведадо по субботам стекаются после работы или лекций студенты и рабочие, делающие первые шаги в литературе, и недавно Гильен открывал торжественное собрание по случаю успешно проведенного «Первого биеннале новой поэзии Гаваны». Или ведет переговоры с делегацией иностранных писателей. Или где-то выступает — в Национальной библиотеке, в Национальном профсоюзе трудящихся сахарной промышленности, перед солдатами и офицерами Революционных вооруженных сил... Или в знаменитой таверне «Бодегита дель медио» за бокалом не менее знаменитого коктейля «эль мохито» встречается с друзьями, как некогда встречался здесь с Эрнестом Хемингуэем, любившим эту таверну в Старой Гаване и также предпочитавшим этот коктейль... Или, наконец, остановившись у пишущей машинки, поспешно выстукивает пришедшую на ум удачную строфу — опять среди людей... Все это, как можно догадаться, именуется режимом...

Работоспособность Гильена удивительна (впрочем, по его признанию, пишет он, «с огромным трудом, неустанно в поисках совершенства, всегда недосягаемого»). И поныне не могут не поражать богатство, щедрость его таланта, неиссякаемого, неувядаемого, с течением времени как будто все более расцветающего, раскрывающего новые, порой неожиданные грани.

Кажется, лишь вчера мы читали его любовную лирику, созданную в военные годы и привлекающую свежестью чувств, непосредственностью восприятия, искренностью, — и диву давались: как сумел мастер, прошедший долгий жизненный путь, столь бережно сохранить и подарить людям огонь юношеского сердца?! Сохранить, пронести через тяжкие испытания страшных лет антинародной диктатуры, сохранить в скитаниях далеко от родины, в революционной борьбе.

А теперь перед нами — новые страницы литературного труда Николаса Гильена, новые и опять неожиданные. Хотя и вышли в Гаване одновременно последние его книги — «Газета, что ежедневно...» и «Зубчатое колесо», но как не похожи они друг на друга по замыслу, стилю, фактуре! Сборник «Зубчатое колесо» составили стихотворения обширного тематического диапазона, в том числе шутливые мини-этюды о видных кубинских художниках, эпиграммы, но и вместе с тем элегии, переводы из других поэтов (отдельные стихи из этого сборника известны нашим читателям по публикациям в журнале «Иностранная литература» и по книге «Третья молодость»). Чрезвычайно своеобразная книга, которую, пожалуй, нелегко отнести к какому-то определенному жанру, «Газета, что ежедневно...» — произведение цельное, несмотря на свою мозаичность, подчиненное одной идее. Коллажем из народийно составленных объявлений, шаржированных сообщений «светской хроники», газетных известий, полицейских распоряжений и приказов, траурных извещений, театральных афиш, предвыборных лозунгов прошлого автор решил «в кинематографической, журналистской» форме отразить этапы истории Кубы за четыре столетия, до победы революции. Подлинно народным юмором, а то и тонкой, острой иронией, беспощадной сатирой насыщены обе последние книги Гильена. По мнению кубинского критика Сесара Леанте, «ни в одной другой книге, как в «Газете, что ежедневно...», настолько не непосредственна ирония поэта», и Сесар Леанте подчеркивает: «Но — внимание — не будем обманываться, за его улыбкой следует всегда очень серьезный, глубоко проницательный взгляд».

Насмешливый, обличительный юмор, сатира всегда были и остаются в поэтическом арсенале Гильена — вспомним «Мотивы сна», «Сонгоро косонго», «Вест-Индию», «Песни для солдат и сны для туристов», наконец, «Большой зверинец». В только что изданном в Гаване двухтомном «Поэтическом труде» Гильена впервые собрана и воспроизведена его «Политическая сатира» — боевые стихи, появлявшиеся в период борьбы против реакционной диктатуры.

Невольно напрашивается мысль о том, что до сих пор еще не появилось ни одного исследования этого аспекта творчества Николаса Гильена — его иронии, его сатиры, играющей такую важную роль в его литературном труде. Это подтвердил и крупнейший знаток творчества Гильена, кубинский поэт и литературовед Анхель Аухьер, недавно блестяще защитивший в Москве диссертацию о поэзии своего соотечественника.

Жизнь, политическая борьба подсказывают поэту конкретные темы для сатирических залпов или снайперских выстрелов по противнику. Противник хорошо знает Гильена-борца, всегда мобилизованного, готового атаковать. Ненависть врага к певцу и солдату кубинской революции проявилась и по поводу семидесятилетнего юбилея Николаса Гильена, вылившегося в замечательный праздник культуры социалистической Кубы. В те дни в Гаване с Евгением Долматовским мы были свидетелями волнующего чествования национального поэта острова Свободы, поздравления и пожелания новых успехов которому лились потоком со всех концов мира. Как известно, Президиум Верховного Совета СССР наградил Николаса Гильена орденом Трудового Красного Знамени. Вся Куба, вся мировая культура приветствовали большого художника, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

И как смешно, жалко выглядят те, кто тщится «не заметить» Гильена, кто старается — да, есть и такие! — «отделить» Гильена от социалистической Кубы! Венесуэльская газета «Ультимас нотисиас» вознамерилась доказывать, что политическая, социальная тематика чужда «поэту тропиков», что куда ближе ему «чувственность и праздность», и даже дошла до утверждения, что и в прошлом, и ныне «поляризуется значительнейшая часть творчества Гильена в разладе между его эстетической и политической идеологией», что в этом его «драма», что «на Кубе, где временно ниспровергнуты эстетические ценности, Гильен... не будет в моде». Ну, правда, чем не тема для сатирического произведения?

Выступая на национальном чествовании, устроенном руководством Коммунистической партии и Революционным правительством Кубы Николасу Гильену, маститый поэт, ветеран революции заявил: «Я знаю, и никогда этого не отрицал и всегда буду говорить во весь голос, что я был бы никем без моей Партии, которой я обязан своим формированием, своим характером и прежде всего своей поэзией... я готов продолжать борьбу».

...Склонившись над листом бумаги, Николас Гильен — за работой. Не будем мешать ему, помня о его режиме — рабочем, как всегда, рабочем.

Юрий ДАШКЕВИЧ

ХРОНИКА

Журнал «Уньон» Союза писателей и деятелей искусств Кубы выпустил в последние годы ряд номеров, посвященных литературам социалистических стран. Последним из них был болгарский номер. А вскоре выйдет сданный в печать двойной номер, посвященный советской многонациональной литературе. Над переводом поэзии этого номера работали такие известные кубинские поэты, как Элисео Диего (осуществивший и редактуру поэтической части), Файяд Хамис, Хосе Мартинес Матос, Давид Чересьян и другие. Эти переводы свидетельствуют о высоком уровне переводческого мастерства и, по мнению специалистов, позволяют говорить о новой школе художественного перевода. По словам самих переводчиков, это стало возможным благодаря тесным контактам кубинских поэтов с советскими литераторами, помогавшими кубинским коллегам в работе над текстами советской поэзии.

***

Большой популярностью пользуются на Кубе книги из серии «Орбита», посвященные творчеству выдающихся кубинских поэтов и общественных деятелей XX века Эмилио Бальягаса, Рубена Мартинеса Вильены, Хосе Сантьеста, Хуана Маринельо, Хосе Лесамы Лимы и других. Сборники, снабженные биографиями поэтов, помимо стихов, включают их статьи о литературе и снабжены исчерпывающей библиографией.

***

Заметным событием в литературной жизни Кубы стало издание сборника стихотворений апостола кубинской свободы Хосе Марти «Большая поэзия», подготовленного известным кубинским поэтом и литературоведом Хуаном Маринельо. Эта книга знакомит массового читателя с лучшими произведениями поэта-революционера.

Сегодняшняя кубинская поэзия — это книги представителей старшего поколения: Николаса Гильена, Феликса Питы Родригеса, Анхеля Аухьера, еще до победы революции бывших ее глашатаями; и книги таких мастеров, как Элисео Диего и Фина Гарсиа Маррус, чей мягкий лиризм и блистательная техника являются школой для молодых; это стихи поэтов среднего поколения — Файяда Хамиса, Роберто Фернандеса Ретамара, Луиса Суардиаса, Хосе Мартинеса Матоса, Луиса Марре. Это и книги молодых — Мигеля Барнета, Рауля Риверо, Сихифредо Альвареса Конесы...

Новая кубинская поэзия объединяет поэтов, говорящих о разном и по-разному. Ее создают и поэты, пишущие традиционными испанскими размерами, и представители так называемого «разговорного» направления, в чьих стихах звучит голос улицы, митинга, собрания, и те, в чьем творчестве эти два потока счастливо сочетаются.

Анхель АУХЬЕР

Школьный городок «26 июля»

Здесь все сегодня
кажется таким простым,
обычным: классы
в бывших казематах,
и детвора, тетради, книги,
карандаши
там, где когда-то были
солдаты и винтовки,
песни там, где пытали,
и знамя — в своем углу.
Да, там, где
была казарма,
сегодня школа,
клокочущая будущим.
Все так обычно,
привычно глазу.
И, может быть, поэтому
необходимо вспомнить,
когда, зачем, за что
кровь пролилась в Монкаде,
которая рычала,
пинала,
унижала.
Отныне и навеки на фасаде
поет — пылает! — дата,
огнем впечатанная
в сердце, в свет
и воздух города Сантьяго-де-Куба.

Хосе МАРТИНЕС МАТОС

Город

К вечеру
под лучами вольного
солнца
робкий ветер
нежно лижет рубаху.
Я поднимаюсь на холм,
чтобы увидеть тебя —
целиком.
Город, родной!
Как мягкий
комок хлопка,
ты дышишь у моих ног.

Луис СУАРДИАС

Маслом

Памяти выдающегося кубинского художника Виктора Мануэля

Маленький
Виктор Мануэль,
живой, как его
тропические мулатки.
Говорит о чем-то своим
потертым голосом:
о своем рожденьи
в кругу знати: между улиц
Маркиза Гонсалеса и
Карла III, о том,
как однажды
взялся за кисти,
об Эмилии и о прочем.
Разламывает сырой сыр,
только что присланный
из провинции.
Легко передвигается
между столиками,
подвижный,
как мышь-полевка.
Вот он: глазки-зернышки,
будничное платье,
половина *розоватого*
сыра в руках,
а на губах — розоватая
половина улыбки.
Фон образован
из темных бутылок
и сиреневых полок.
Разумеется, все цвета
подобраны свободно,
как бог положил на душу.
Картина только что кончена,
ее размер —
весь по Виктору Мануэлю,
каким он бывал
на этих чествованиях,
в кругу друзей.

Луис МАРРЕ

Зимний дворец

Веронике

Я не смотрел на картины
и не слышал тебя,
Вероника,
Веласкес совместился
с Рембрандтом,
Флора с фрейлиной.
В этот миг я думал
о многом и ни о чем.
(«...этих полотен нет
в Эрмитаже».)
Вероника,
что ты могла подумать
о дикаре-иностранце,
который повернулся спиной
к бесценным сокровищам,
чтобы смотреть в окно
на заснеженную Неву!
(«Эти льдины спускаются
с Ладожского озера».)
Твои слова, Вероника,
разбудили меня,
твои слова превратили
в обычные льдины
героев, штурмующих
Зимний дворец, —
герои в этот же миг
вернулись
на страницы истории.

Перевел П. ГРУШКО

Феликс ПИТА РОДРИГЕС

Самое важное

Открыть на карте место,
где роса,
и ветру показать его —
важнее,
наверно, чем родиться.
Ты это знаешь,
ибо знаешь место,
где скрыто сердце
тайное воды.

Поэтому ты так дружна
с дождем,
что понимаешь:
из него непросто
соткать завесу
для закрытых глаз.
И яблонь плод
тебе чудесно служит,
с мечтой и сновиденьем
единясь,
затем, что знаешь ты
свое в природе
и место, и предназначенье.

И все так просто, ясно,
очевидно,
поскольку руки знают,
что даны
не только
для присутствия —
для жеста
полезного,
что выразит понятье
мудрейшее природы.

Все так просто,
любовь моя,
как камень,
защита чья —
терпенье и твердость.

Ты знаешь это,
знаешь, где начало
и где конец
окружности природы.

Перевела Инна ТЫНЯНОВА

ТАМ, ГДЕ ИДУТ ДОЖДИ

Ноэль НАВАРРО

МЫ ПУБЛИКУЕМ РАССКАЗ ИЗВЕСТНОГО КУБИНСКОГО ПИСАТЕЛЯ НОЭЛЯ НАВАРРО ИЗ ЕГО СБОРНИКА «ОТПЕЧАТОК ПАЛЬЦА», ОТМЕЧЕННОГО ПРЕМИЕЙ ДОМА АМЕРИК ЗА 1972 ГОД.

ДОЖДИЧЕК С УТРА — ни то, ни се, черт его побери! Лил бы уж вовсю, можно было бы не вылезать из гамака, полежать, понять в свое удовольствие, что рубка затянулась и что самое лучшее на свете — не двигаться... Ха! Алипио, наш старикан, негр, с утра пораньше уже завел свои истории. Он у нас вроде горниста. Только глаза продерет, и начинается: «А вот когда было рабство...». Его спрашивают: «Ты что, сам был рабом?» Улыбается, старый черт! Говорят, ему лет восемьдесят, но надо видеть, как он рубит! Мы все ему в подметки не годимся. Ну, он рубщик настоящий, двадцать лет рубил тростник в этих краях... Еще одна его любимая песня — про бандитов, которые погуливали здесь в шестьдесят третьем: Конфесор Фуэнтенегра, Монте Ньебла, Блас Тардио... Тут, совсем рядом, скосили целую семью: старика, старуху, двух ребятишек. Надругались над девушкой, сожгли домишко...

Солнце сегодня будет — не приведи бог. Заправляю гамак. Алипио замолк, начинается поверка. Меланио, санитар, как всегда, сачкует. Сегодня он отговаривается тем, что в этом году ему, мол, не выдали ботинок. Наш бригадир Рохелио обещает достать ботинки. Не выйдет, сачкуля, Рохелио сам сегодня от нас уходит, его снимают — не справился. Приезжает новый бригадир, чтобы «подтянуть» нас. Давно пора. В соревновании мы как сели на первое место от конца, так и сидим, не слезаем. С тех пор как приехал сюда, только и слышу: корм слабый, тростник жесткий... Ладно, стали нас кормить лучше, перевели на другой тростник. И все равно — первое место от конца. При чем тут корм, просто слабы в коленках, что, не так?

Эль Чино, Пепе и четверо других собираются дать тягу из бригады и всячески поносят Рохелио. «Все ему не так, все плохо, а сам палец о палец не ударит...». «Этот Рохелио, — говорит Чино шепотом, точно заговорщик какой, — дерьмо муравьиное, вот он кто!» Другой из его компании прибавляет к этому слову еще одно, почище. Ну, это уж слишком, и неправда, хотя Рохелио и не справился. В разговор вступил Алипио и сказал им пару ласковых. «Ах, так! — взбеленился Чино. — Ты меня оскорбляешь? Ноги моей здесь не будет!» И пошел свертывать гамак. Мы его уговаривали. И партийные товарищи его уговаривали. И он остался. И вся его братия — тоже. Кто же муравьиное дерьмо, я вас спрашиваю?

Дождь кончился. Палит солнце. Кусает, прямо вгрызается в шкуру. Завтра верные волдыри на ладонях. Рядом рубит Алипио. Не старайся, старина, не дразни, куда мне за тобой! Я вытянул всего две сафры, в первый раз пятнадцать дней, во второй — всего неделю. Старый начальник потом не отпускал меня на тростник, считал, что так лучше для дела. В этом году у нас другой начальник, и я снова попал в списки. Я не стал объясняться. Конечно, работа эта добровольная, но если ты революционер, то чего уж тут? Алипио, железный старик, сабля ты моя дорогая, самурай, — как ты рубишь! Рубить и сказки рассказывать — на это тебя хватит. «Вот когда было рабство», тебе, мол, вкатывали двадцать пять плетей под звон Аве Мария и еще двадцать пять — под другую какую-то молитву... Потому что будто бы больше двадцати пяти плетей за один раз давать запрещалось... Если это вообще-то верно, эти «белые» и их управляющие, небось, охулки на руку не клали... Но что ты сам был рабом — сказки... И что тебе полных восемь десятков — не верю!

Новый бригадир уже тут. Рохелио представил его нам. Мы ждали, что он закатит нам речь, но он только кивнул головой. Ладно, подумали мы, посмотрим, каков он против тростника. Ничего, навалился крепко и скоро вышел вперед, даже Алипио остался вторым! Положим, это ничего не значит, новенькие, в охотку, всегда так. Подождем.

Прошло три дня, а новенький так и остался первым среди нас. Мы даже останавливались и смотрели на него — такое бывает раз в сто лет! Алипио аж потеть начал, неслыханное дело. Эль Чино, Пепе и другие забыли, что собирались удирать. Я думаю, им просто интересно, что за человек. Похоже, он вообще не отдыхает. Вчера починил барак, натянул всем гамаки, а ночью сел читать. Потом пошел поговорить с Чино, и смотрю — Чино смеется! Это и вовсе чудо, он сроду не улыбался.

Чино рассказал нам по секрету, что новый бригадир не хотел сюда ехать, и его заставили — приказом. Вот отчего у него плохое настроение, и он с нами не разговаривает. Чино есть Чино.

Новый бригадир поставил нас работать рядом с ударной бригадой Ортеги — для примера. Ребята Ортеги работают как черти. Прошли, и после них гладко. Одно поле свалили — валят другое. Посмотришь — восторг и ужас. Их тростник грузят техникой. Нам ее не дают, наверное, считают: то, что мы наработаем, можно и руками погрузить. Это верно. Алипио завидует, он говорит: «У них не мускулы, а механизмы!» А те посматривают на нас и посмеиваются в рукав. Из их бригады никто не сбегает.

Кстати, а почему до сих пор не уходят Чино и компания? Может быть, не хотят ударить в грязь лицом перед ребятами Ортеги? Не знаю...

Один раз мы сидели в бараке. Алипио снова принялся за свои байки: «...А вот когда тут бродили Конфесор Фуэнтенегра, Монго Ньебла, Блас Тардио...» Новенький на него взглянул, и Алипио замолчал. Очень странно взглянул, точно он далеко-далеко от нас... Мы подтолкнули Алипио: «Что же ты, давай!». «Они, значит, погубили тут целую семью, — заговорил Алипио почему-то тихим голосом, — старика, старуху и девушку... Дело рук Монго Ньеблы...»

Новенький встал и вышел из барака.

«Лейтенант Алонсо, — продолжал без всякого воодушевления Алипио, — прочесал как следует всю округу, и вот тут, как раз где наше поле, поймали и прикончили Монго Ньеблу. И он перестал появляться в здешних тростниках...»

Рубить. Складывать. Поднимать на платформу. Если не я, то кто же это сделает? Хорошая работа! Мы, я и солнце, вместе рубим под корень обиду и зависть, заботливо копим любовь, держим над головой, как копье, ненависть! Так работает наш новенький.

Алипио, старикан, привязался к своему бригадиру. И однажды он подошел к нему и спросил то, о чем мы все хотели спросить. «Слушай, — сказал он ему, — ты нам нравишься, ты — отличный парень, ей-богу, и работаешь ты лучше всех, и все такое. Но почему ты с нами не разговариваешь, и всегда как-то отдельно? Ребята обижаются». И потом Алипио пришел к нам и повторил то, что ответил ему бригадир, слово в слово.

«Слушайте, парни, — сказал Алипио. — Это надо же, чтобы человеку досталось такое! Надо же, чтобы у него был брат, и чтобы этот брат подался в бандиты, и чтобы этого «братишку» выловили здесь, на этом самом месте, и чтобы — мать честная! — его самого послали как раз сюда, подтягивать нашу бригаду!

Слушайте, никто из нас, — и этот великолепный Чино с его компанией, и никто другой, — мы не уйдем отсюда, пока не вырубим этот чертов тростник до последнего корня! Потому что — кабальерос! — надо же помочь этому парню! Вы посмотрите на него...»

Мы выглянули из барака. Уже давно был отбой. А бригадир все рубил, и рубил, и рубил...

Перевела Л. АРХИПОВА

Рисунок кубинского художника Сеграндо Кабреры

Книги кубинских авторов, изданные в СССР.

МОНОЛОГИ «КЛУБА ДС»

Андрей КУЧАЕВ

ЗАПЛЫВ

Граждане, это и есть та самая природа? Чего говоришь, профессор? Зона отдыха? Тоже неплохо. Значит, прибыли, Михрютка, сущи весла, будем стелиться! Рыженькая, подбери талию, я тут одеяльце раскину, вот так... Погодь, Михрютка, загорать, сначала костюм раздень, а то упреешь. Стесняется Михрютка, не хочет быть на людях без галстука! Ну, сиди, Михрюточка, как есть, имеешь право! Ты, тетка, чего продаешь? Ничего? Ну так и сгупай со своими чадами, а то рот раскрыла — солнца не видать! Во люди! Пацан, ты свой мяч забери, добром говорю, а то прокусим ненароком. Чего? Слабо, Михрютка, говорят — слабо, а? Ну-кась, кусни футбол этот, чтоб знал! Во! Так ему! Да только не ешь, не ешь его, Михрютка, он же не кожаный. Профессор, это твоя, что ль, нога? Ты давай мне ее к виску не приставляй, а то я тебе сейчас очки-то промою! Во люди! А?

Не пыхти, Михрютка, лопал ведь только что, положь куру на место! Ну, ну! На, крутым яйцом закуси да в пруд айда! Чего говоришь, малец? Почему со скорлупой дядя кушает? Значит, оголодал, пока в электричке трюхали, а ты вопросы лучше маме задавай. Отчего у ей муж вороной, как конь, а ты рыжий, как кирпич? Пошли, Михрютка! Да не жмись ты — не хошь костюм сымать, так сигай, опосля посушимся, за тем и приехали.

Вижу, усастый, что я на тебе стою, не слепой; не блажи, сойду отчас, и постоять уже на нем нельзя минутку! Не, во люди, а?

Эй, пузо, как водичка? Кипяток? Тогда расступись — мы сейчас с разбегу! У-ух!

Эй, Михрютка, игде ты есть? Чего не выныриваешь? Пожажись для моего спокою! Ну-ка, верста, пошарь граблями, может, он где под тобой обретается? Вот, задохнулся Михрютка в этой толкотне, я не я буду, если вы мне все за него не заплатите! Утоп Михрюточка!

Надо было его пиджак уговорить все ж таки скинуть! Что я делать буду без моего Михрюточки, граждане?..

Спасибо, мордастый, давай его сюда, я сам вынесу — там профессор на берегу, он ему сейчас искусственное дыхание сделает! Жми, профессор, смелей, а ты, рыженькая, стань на него, в тебе как раз тонна без малого, в самый раз будет! Не хочет оживать Михрюточка! Ладно, отойди, профессор, мы без твоей науки сами управимся! Эй, Михрютка, куру-то я один сейчас слопаю! А? О? Ожил Михрютка, а игде, профессор, твоя медицина?

Не шуми, рыженькая, я тебя предупреждал: не будешь следить за своей талией — прижгу! Ешь, Михрютка, не обращай на них внимания! Чего смотрите? Куру никогда не видели? Нет, вот люди, а?!

ТОЛКОВЫЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

БРЮНЕТ (шутл.) — человек в шортах.

ВЕЗДЕХОД (летн.) — турист.

ВЕЛИКОДУШИЕ (офиц.) — теснота на пляже.

ГОРЕМЫКА (бодр.) — альпинист.

ЗАВАЛИНКА (турист.) — Пизанская башня.

ЗАКВАСКА (пляжн.) — очередь за квасом.

КОМПЬЮТЕР (отпускн.) — пьющая компания.

ШАТЕН (милиц.) — подвыпивший отдыхающий.

МИРОЕД (ласкат.) — человек, совершающий кругосветное путешествие.

НАГОВОР (юрид.) — вор на пляже.

ОКУНЬ (курортн.) — ныряльщик.

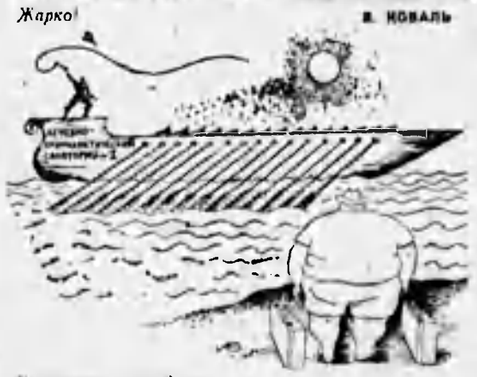
СКАЛИТЬСЯ (разг.) — заниматься альпинизмом.

УДАЧНИК (летн.) — друг владельца дачи.

ЧУДАКИ

М. ЗЛАТНОВСКИМ

Жарко! В. КОВАЛЬ



К вопросу о похудении.

Рисунки В. ИВАНОВА

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● **НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА!**

«Ты скажи хотя бы, как тебя зовут?» — вопиет гражданин Захаров к симпатичному незнакомцу, который любезно согласился покараулить вещи Захарова, пока тот искупнется в море.

● **ТОРГОВЛЯ И МЕДИЦИНА**

Не желая отставать от передовых веяний, гр. А. повесил у себя на рабочем месте рекламу продуктов, которыми он торгует: «Чорны краваты. От Мала крови. От Давления. От Ангина. От хипотония. От растройство желудка. И опетит дайоть».

● **ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

После реконструкции открылась пещера, где жил первобытный человек. Хорошо поработали строители! Паркетный пол, броские обои, ажурные бра, белоснежный потолок и вежливые официанты привлекают в пещеру много посетителей.

● **ОБЪЯВЛЕНИЕ**

Продается интеллигентный попугай, который не повторяет того, что говорят люди.

ФРАЗЫ

● *Наконец-то люди поставили перед окружающей средой гамлетовский вопрос.*

М. ГЕНИН

● *Не оставляйте без присмотра горящие путевки.*

Л. КРАЙНОВ
гор. ГОРЬКИЙ

ВСЕ НА ОТДЫХ!

Иногда кое-кто думает, что он работает, а он на самом деле отдыхает. А кое-кто думает, что он отдыхает, а он на самом деле работает.

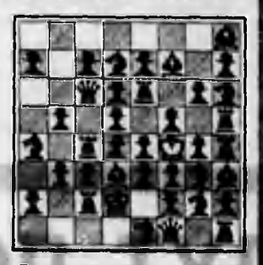
Отдых — это такие дела, которые мы делаем в нерабочее время. Если их в несколько раз больше, чем в рабочее, то отдых называется активным. Когда их меньше, то это вообще не отдых.

Отдохните, товарищи!

ФОТОАТЕЛЬЕ

Что бы это значило? Фото А. ДОЛОТОВА

ЧЕРНЫЙ ЮМОР



Белые начинают и выигрывают.

О. НОВОЖИЛОВ

ЗНАЙТЕ, ГДЕ РУГАТЬСЯ

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ БЕСЕДА

Допустим, что у вас есть воображение. Тогда вы можете представить себе такой исключительно редкий случай: на улице ругается хулиган. Просто сквернословит. Все прохожие, конечно, возмущаются в душе. Мамаша затыкает уши своему младенцу.

И вот, представьте себе, с одной стороны улицы появляется милиционер. С другой — дружинник. Хулиган бежит в третью сторону. Он пытается убежать от справедливого наказания, он прыгает через заборы — чего-чего, а заборов у нас хватает. Милиционер и дружинник преследуют его и вот-вот догонят. Тут на пути хулигана встречается особо высокий забор. Не миновать бы нарушителю десяти суток, но, на его счастье, между прутьями нашлась дыра. И хулиган оказывается на стадионе. Как раз в это время идет футбольный матч, причем любимая местная команда проигрывает.

Что же видит хулиган и что он слышит собственными ушами?

Болельщики ругаются. Они применяют такие выражения, что для хулигана это просто курсы повышения квалификации. Этот уличный сквернослов по сравнению с болельщиками — прямо-таки диктор телевидения. Ему даже стало стыдно за свою культурность. Он садится на скамейку и начинает ругаться тоже, чтобы не выделяться из общей массы. И прибежавшие следом блюстители порядка остановились в растерянности. Они не могли найти именно того хулигана, который сквернословил на улице.

Спрашивается, для чего я вам рассказал этот имевший место случай? Что я хотел сказать, приводя такой пример? Я хотел сказать: не ругайтесь на улицах! Ругайтесь в специально отведенных для этого местах!

МИНСК

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Гр. ГОРИН

АКСЕЛЕРАЦИЯ

Каждое воскресенье я провожу вместе с отцом. Обязательно. Несмотря на занятость, бросаю все дела и отправляюсь вместе с ним куда-нибудь — в парк, в кино или просто на сквер. Отец любит гулять со мной и не пропускает ни одного воскресенья.

Вот и сегодня, только я проснулся, он уже стоит в моей комнате.

— Здравствуй, — говорит он. — Куда мы сегодня?

— Сегодня в зоопарк, — говорю я. — Согласен?

Отец кивает головой. Он любит ходить в зоопарк. Мы бывали там много-много раз, и этот животный мир мне, честно говоря, уже поднадоел, но он любит.

Пока я чищу зубы, одеваюсь, пока бабушка поит меня молоком и пришивает бретельку к штанам, отец сидит в моей комнате и листает книги. Из кухни сквозь открытую дверь я вижу, как он рассматривает картинки и чему-то улыбается.

— Я готов! — кричу я.

— Булки для лебедей взял? — спрашивает отец.

— Взял.

В зоопарке никого нельзя кормить, кроме лебедей. Это отец знает. В первый раз, когда мы пришли с ним туда, он бросал обезьянам конфеты, и нас чуть не оштрафовали. А лебедей кормить можно. Они очень смешно толкаются в воде и ловят куски булки прямо на лету.

Мы едем в автобусе. Отца я посадил ближе к окну — он любит смотреть на дома. Я грызу яблоко. Если в автобусе грызть яблоко, дорога всегда кажется короче.

— Как дела на работе?

— Ничего, — говорит отец. — Все в норме.

— Звягинцев свирепствует?

— Немного... — отец сконфуженно улыбается и пытается обнять меня за плечи, но я не даюсь.

Звягинцев — начальник там, где работает отец. Он всегда придирается к отцу и делает ему разносы на совещаниях. Звягинцев — хам. Впрочем, отец тоже виноват — нельзя быть таким рохлей.

Мы долго идем мимо птичьих вольеров, смотрим на купающихся медведей, потом стоим возле загона, в котором ходят дикие олени.

— Почему они языки свесили? — спрашивает отец.

— Им жарко, — говорю я. — Необходима терморегуляция... Влага испаряется, понимаешь? А еще у оленя есть в сердце кость.

— Не может быть?! — отец испуганно смотрит на меня.

— Я читал. Ну, может, и не совсем кость, но какая-то костная основа имеется. Поэтому олени такие выносливые.

Отец смотрит на меня вытаращенными глазами и, кажется, вот-вот расплачется.

— Нет кости, — говорю я. — Пошутил!

Мы уходим от загона и направляемся к повозкам с пони. Мне хочется покататься на пони. Отцу тоже хочется покататься на пони, но взрослым запрещено. Я пытаюсь уговорить билетера, объясняю, что отец — легкий и пони не надорвутся, но билетер не разрешает. Тогда я закатываю истерику. Это — мой проверенный прием. Валюсь на землю, строю ужасные рожи и ору:

— Папочка! Я хочу с папочкой! Пустите моего папочку!

Собирается толпа. Меня поднимают с земли, вытирают слезы. Я мелко дрожу и всхлипываю. Кто-то кричит на билетера. Тот огрызается, но продает отцу билет.

Мы делаем на повозке два круга. Пони бегут быстро, непонятно, откуда у них такие силы. Отец обнимает меня, смеется и на поворотах громко кричит: «И-эх!»

Когда повозка останавливается, он еще несколько минут не может прийти в себя, ерошит волосы и, глядя на меня молящими глазами, спрашивает:

— Хочешь еще?

Мне жалко его, но я решительно говорю:

— Хватит!

Печально, что приходится быть с ним строгим, но мама права — всему надо знать меру.

Потом мы идем в кафе, заказываем мороженое. Сегодня здесь богатый ассортимент, каждому приносят по три шарика — шоколадный, фруктовый и апельсиновый. Апельсиновый самый вкусный, если его не глотать кусками, а понемногу слизывать с ложечки. А еще интересно совсем не глотать, а положить кусок мороженого в рот и ждать, пока оно само растает...

— Что у тебя с квартирой? — спрашиваю я.

— Был в райисполкоме, — поспешно говорит отец и кладет ложку.

— Ну что?

— Они обещали через пару лет...

— Ты же очередник! Надо взять письмо с работы!

— Давай в кино пойдем, — предлагает отец. — Новая серия «Ну, погоди!»...

— Нет, — говорю я. — Пойдем на сквер.

Отец быстро доедает мороженое, и мы встаем.

Меня всегда бесит его отношение к квартире. В конце концов при его стаже он имеет право получить квартиру и через свое министерство. У нас сосед так получил. Но разве отцу втолкуешь?.. Бабочка пролетела... Странная какая-то бабочка: коричневая, а на крыльях зеленые кружочки... Вот бы поймать!.. Но чем поймать — сачок не взял, а панамкой не накроешь... Кстати, насчет квартиры можно посоветовать отцу пожаловаться в газету. Все так делают...

Мы приходим на сквер. Это очень красивый сквер, и недалеко от нашего дома. Здесь есть детская площадка с песком и много скамеек. Тут мы обычно гуляем с родителями.

Вижу Сашку Кулагина. Он ведет за руку своего отца. На отце — новенький джинсовый костюм с желтыми клепками. Сашка у нас знаменитость, поет в детском хоре при консерватории. В этом году Сашкин хор выезжал на гастроли за границу, вот он отца и одевает во все фирменное.

— Сашка! — кричу я. — Давай сюда!

Сашка увидел меня, замахал рукой.

— Знакомьтесь, это мой папа, — говорю я.

— А это — мой! — говорит Сашка и подталкивает своего отца к моему.

Они пожимают друг другу руки, смущенно переминаются с ноги на ногу.

— Вы тут на скамейке посидите, а мы пошли играть, — говорит Сашка, и мы бежим к детской площадке.

Наши отцы некоторое время стоят молча, потом садятся на скамейку, закуривают.

— Сколько твоему? — спрашивает Сашка.

— Тридцать три. А твоему?

— А моему уже тридцать семь. Но он ничего выглядит, да?

— Твой в порядке! — говорю я. — А мой что-то сдает. Бледный, не ест ничего...

Сашка наваливает лопаткой песок, а я ладонями прорываю туннель. Это метро. Сейчас здесь пройдет поезд.

— Осторожно! Двери закрываются! — пискляным голосом кричит Сашка, и я медленно двигаю вагончики под весом...

Три часа дня. Пора обедать. Я поднимаюсь с земли, отряхиваюсь, иду к скамейке. Увидев меня, отец поспешно встает, гасит сигарету.

— Нам пора, — говорит он Сашкиному отцу. — Всего хорошего! Очень рад был познакомиться.

— До свидания! — говорит Сашкин отец и тоже встает. — До свидания, мальчик... Какой ты бутуз!

— он пытается ущипнуть меня за щеку, но, поймав строгий Сашкин взгляд, испуганно отдергивает руку.

Мы идем по направлению к дому. Это недалеко, но мы всегда идем это расстояние медленным шагом. Отцу очень не хочется уходить, но что поделаешь?

— До свидания, — говорит он, когда мы подходим к дому. — До свидания! — и целует меня в щеку.

— До свидания, папа, — говорю я. — До следующего воскресенья. Пойдем в кукольный театр, на «Чебурашку»! Мне обещали достать билеты. Ты ведь не видел «Чебурашку»?

— Нет.

— Ну, вот...

Он улыбается, машет мне рукой и уходит по тротуару к остановке автобуса...

Они развелись пять лет назад. В чем там было дело, я пока не знаю.

Конечно, мне надо бы гулять с ним почаще, но что поделаешь, когда столько дел. А тут еще в детском саду к понедельнику велели склеить разноцветные кубики...

В. КЛАЧКОВ

66-82-33

Проснувшись, жена сказала:

— Решено. Мы едем в Карпаты. Билеты заказывай сегодня же. В «Вечерке» писали, что заказы принимаются за 45 дней.

— В Карпаты так в Карпаты, — сказал я.

***

Вечером жена спросила:

— Ну, как с билетами?

— Занят телефон, — сказал я.

— Боже мой, — сказала жена, — за целый день не дозвониться до бюро заказов! На это способен только ты!

— Хорошо, что ты открыла во мне хоть какие-то способности, — ответил я. — До сих пор ты утверждала, что я ни на что не способен.

Это была наша первая ссора после недавно состоявшейся свадьбы.

***

На следующий день была суббота. С утра до вечера я набирал 66-82-33 и слышал в ответ частые гудки.

В воскресенье я набирал 66-82-33 и в ответ слышал тоже частые гудки.

Вечером жена достала из-за шкафа гостевую раскладушку и с грохотом развернула ее на кухне. Я не спал до трех часов ночи и, кажется, что-то придумал.

***

— Наташа, — сказал я, придя на работу, — недалеко от нашего дома на столбе висит объявление: «Пожилая опытная няня с хорошими рекомендациями хотела бы работать в интеллигентной семье за умеренную плату с 7 часов утра до 7 вечера».

Наташа побледнела и, прошептав: «Где она?» — взялась за сердце.

— Адреса нет, — сказал я, — но телефон имеется. — И протянул Наташе листок: «66-82-33. Звонить с 9 утра до 6 вечера».

Наташа метнулась к телефону, и его диск завертелся с постоянством мельничного колеса.

***

В соседнем отделе я по секрету сказал двум модным девицам, что один мой приятель, вернувшийся недавно из Парижа, срочно продает неношеную дубленку.

— Он сейчас дома, — лениво процедил я. — Телефон: 66-82-33.

***

Через три дня по телефону 66-82-33 мои сослуживцы рассчитывали достать пыжиковые шапки, антикварную мебель, паюсную икру и пластиковые обои. За любое из этих благ я поставил всего лишь одно условие: каждый из дозвонившихся должен был тут же подозвать меня к телефону, а переговоры обо всем остальном я брал на себя.

***

В пятницу вечером жена взглянула на меня и молча заплакала. Я набрал полную грудь воздуха и рассказал ей обо всем.

— Ни на что, кроме мелких хитростей, ты никогда не был способен, — сказала она.

Я достал из-за шкафа раскладушку и, стараясь не греметь, тихонечко поставил ее в кухне.

***

В субботу утром я отправился по адресу, где продавались билеты на Ужгород.

Ближайшие подступы к кассе напоминали массовые сцены из фильма «Война и мир». Я повернулся и молча пошел домой.

***

К исходу следующей недели я узнал, что один человек, мне даже называли его фамилию, в прошлом году сумел заказать билет на Ужгород. Из семи тысяч ста сорока ламп, узлов и деталей он построил электронный автомат, который сам набирал номер 66-82-33, сам сообщал все данные в микрофон и записывал ответ кассирши на ленту магнитофона. Рассказывали, что на тридцать вторые сутки кибер прорвался. Но изобретатель к этому времени впал в состояние умственной депрессии, сопряженной с тяжелым нервным расстройством. Тем не менее кибернетическое чудо возили на выставку, и там автомат получил большую золотую медаль и почетный диплом.

***

Когда я рассказал обо всем этом жене, она сказала:

— Я и без тебя знала, что есть еще настоящие мужчины, но ты ведь даже перегоревшую пробку и ту заменить не способен.

Я взял зонт и, тихо прикрыв дверь, ушел ночевать к маме.

***

Вот уже год, как я развелся. Недавно я встретил девушку, которая... Которая, кроме всего прочего, была очень серьезной и, как говорят, самостоятельной. Даже телефон свой она мне не давала больше месяца.

Наконец она согласилась.

— Дома у меня нет телефона, — сказала она. — А на работу звони мне: 66-82-33. Касса предварительных заказов... Спросишь Милу.

***

Недавно я выписался из больницы. Через неделю я поеду в Карпаты. Там открылся новый курорт для людей, у которых пошаливают нервы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП Москва Ц. Цветной бульвар 30. Телефон для справок 295 00 00 доб 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—03338 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 494 ИНДЕКС 50067